

ПИОНЕР

ОКТАБРЬ

10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1967 г.

ВСЯ
ВЛАСТЬ
СОВЕТАМ

50

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕРЖИТЕ ШАГ

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ОКТАБРЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1967 г.

10

Пусть далек
семнадцатый,
который
Расколос планету
пополам,
Но гремит над миром
залп «Авроры»,
Ходит эхом
по материкам.

Ты откроешь этот номер в дни Великого праздника страны — Советской власти исполняется 50 лет. Славному юбилею мы посвящаем весь этот номер, и пусть Красный Конник с первой нашей страницы подхватит тебя к себе в седло!

Ты увидишь интересные фотографии Ленина, ты попадешь в Петроград в самые октябрьские дни 17-го года. Прочти стихи — они о революции. Прочти рассказы — они о ребятах, о твоих сверстниках, о тех, кто помог становлению молодой Советской власти, о тех, кто помогал взрослым в трудные дни Великой Отечественной войны, о тех, кто сейчас хранит революционные традиции нашей истории.

Ты узнаешь о трудовом и боевом подвиге, который весь наш народ ежедневно совершал все эти пятьдесят лет, узнаешь о победах нашей науки, о том, что дала наша страна детям. Следуй за Красным Конником, читатель.

Рисунок Алеши ВОРОНЦОВА

БАЛЛАДА О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Виктор УРИН

Ты этот путь в крови и в поте
выстрадал,
И, пробуждая к подвигу страну,
Не от того ль авроровского выстрела
Летит ракета на Луну!

Вставал восход красногвардейцем
раненым,
Был нищий полдень голоден и сер.
Свободой, Силой, Счастьем,
Равноправием
Ты окрылял, СССР.

И в сполохах эпохи удивительной
Ты с нами был, и были мы с тобой,
Твои отчаянные совершители
С глазами жаркими, как бой.

Как хочешь ты, чтоб людям было
отдано
Все—от глубин земных до стратосфер.
Советской Славы Солнечная Родина—
Люблю тебя, СССР.

Для нас со всей суровостью и
нежностью
Ты навсегда как первая любовь.
Горжусь, что смотрит на тебя
с надеждою
Весь мир голодных и рабов.

И рухнут ли оковы, разорвутся ли,—
Настанет день, припомнится пример.
Сплоченность. Совесть. Свежесть.
Революция.
Да здравствует СССР!

Ты этот путь в крови и в поте
выстрадал,
Ты вестник исторических орбит,
И, как ядро авроровского выстрела,
В Коммуну шар земной летит.

ДОЧЬ

От желтых рек,
от шлюпок,
от причала
Домой вернулся
маленький моряк...
Хочу, чтоб ты проснулась, рассказала,
Но ты не просыпаешься никак.
Глаза уснули. Веки твои спят.
И спит, как в почках, твой зеленый
взгляд.

Спи, девочка...
Ты где-то среди шлюпок,
И веслами полет твой окрылен.
Рождая брызги, точно волны, хрупок
И гулок твой качающийся сон.

И водоросли солнечных волос
Под форточкой колышутся вразброс.
Тельняшечка твоя на спинке стула,
И в бухте полусогнутой руки
Ладонь уставшей лодочкой уснула,
И губы повторяют поплавки.
И кажется: на внутренней волне
Колелет их дыхание во сне.

Спи, девочка...
Пусть видятся просторы,

И пусть вольнолюбивая струя
Влечет туда, где моряки с «Авроры»
В таких же вот тельняшках, как твоя.
Мне чудится — меж ними и тобой —
Я нахожусь в разведке, как связной.

Так пусть дымок витает над откосом,
Пусть разгорится огоньком маяк,
Как будто там стою я с папиросой
И жду тебя, мой маленький моряк,
Жду, как связист, являясь среди снов
В тельняшке телеграфных проводов.

БАЛЛАДА О ПРИМЕРЗШИХ

Подходит осень, красками играя.
Полгода, как мы едем по стране.
Дорогами Хабаровского края
Легенды приближаются ко мне.
Старик объездчик, приамурский житель
(или сказать по-местному — гуран),
Как только попросил я:
— Расскажите...—
Припомнил день из жизни партизан.

—...И, значит, что?
Сидим в окопе рваном.
А среди нас один кореец был,
Звать Кимом, ну, а мы его — Братаном.
Весь полк его, как брата, полюбил.
И помню я, убит был пулеметчик.
Смотрю: наш Ким, как ветер, в тот же
миг

Под градом пуль несется промеж кочек,
Не добежит, волнуясь... нет, достиг...
Убитого откинул. Сам ложится.
А был сорокаградусный мороз,
И он — в горячке — скинул рукавицы
И к пулемету намертво прирос.
Он крикнул: «За Советскую Россию!»
Мы восторгались. Молодчина, Ким!
И в гущу белых хлесткие и злые
Вошли метели, посланные им.

И вдруг он вскрикнул.
Я пополз к Братану.
Кричу ему: «Отдай гашетку, друг!»
А он, убитый, как это ни странно,
Не выпускает пулемет из рук.
И тут, в разгаре боя, ясно стало,
Что, даже мертвый, хочет он стрелять.
И на руки, примерзшие к металлу,
Я положил свои... И мы — опять!
И враг бежит, разбитый, перетертый,
Он падает и корчится в снегу,
И как поймешь, живой тут или мертвый
По-прежнему стреляет по врагу!..

Я подъезжал к Хабаровску, волнуясь,
И в бликах волочаевских огней
Возникла героическая юность
Полувековой
Родины моей.

Я чувствовал, что
мне необходимо
Всей жизнью драться
за любую пядь,
Что я могу
(О руки Кима...)
К жестокому металлу
примерзать.

Е. ДРАБКИНА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

ВПЕРЕДИ- СМОЛЬНЫЙ

Окончание

Осень 1917 года. Дни, часы, минуты, когда решалась судьба огромной страны, судьба революции, когда определялось будущее нашего народа... Какими они были, эти дни? Как все происходило?

Перенесись сегодня в далекое, но вечно близкое нам время великих событий. Из номера в номер ты читал рассказы Елизаветы Яковлевны Драбкиной, непосредственного участника этих событий, о том, как наша партия вела народ к победе; сейчас ее повествование подходит к самым решающим дням Октября.

Шли дни, недели. Миновал июль. Подходил к концу август.

В ту душную августовскую ночь Петроград не спал. Не спал Невский, на каждом углу его бурлили возникавшие сами собой митинги. Не спал Зимний дворец, там непрерывно заседало Временное правительство. Не спали рабочие районы.

В окнах горели огни. На улицах люди напряженно прислушивались, не доносится ли со стороны Гатчины и Пулкова гул артиллерийской канонады. С разными чувствами, разными надеждами они задавали себе один и тот же вопрос: Корнилов или большевики?

Два дня тому назад царский генерал Корнилов, назначенный после июльских событий верховным главнокомандующим, предъявил главе Временного правительства Керенскому ультиматум. Генерал требовал передать ему всю полноту власти, объявить его диктатором, призванным уничтожить «большевистскую анархию». И в подкрепление своего ультиматума двинул на Петроград полки, снятые с фронта.

Вот почему не спал Петроград. В буржуазных кварталах и посольских особняках с не-

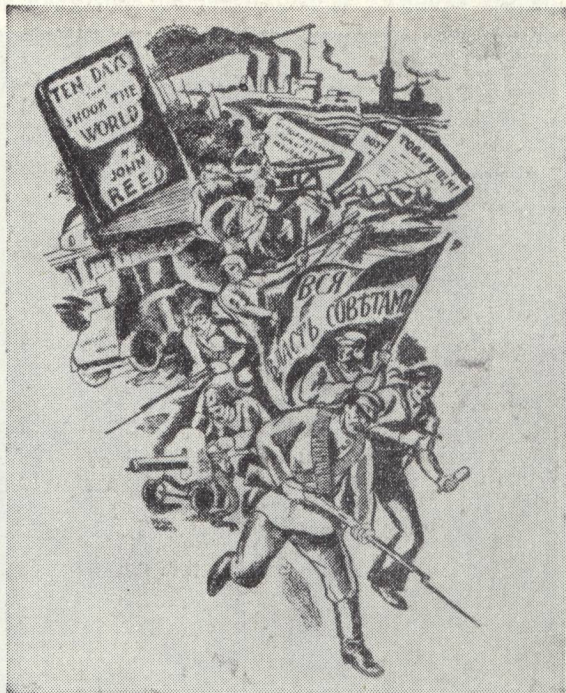
терпением ждали, когда заговорят корниловские пушки. А рабочий Питер без устали ковал оружие и посылал отряд за отрядом против Корнилова, на защиту революции.

Ночью тридцатого августа стало известно, что корниловский мятеж подавлен. Части, двигавшиеся на Петроград, перешли на сторону народа. Корнилов и его штаб были арестованы.

Однако на улицах по-прежнему толпились люди. По-прежнему чуть ли не на каждом перекрестке шел спор: кто же окончательно победит — Корнилов или большевики?

Как раз в это время в Петрограде появился новый человек. Его облик был столь необычен, что даже в той бурной обстановке привлекал к себе внимание. Высокий, большеглазый, светловолосый, он был одет в рубашку со всегда расстегнутым воротом и бриджи цвета хаки. Шляпа небрежно сдвинута на затылок, слегка вьющиеся непокорные волосы растрепаны.

Его видели то в штабе революции, то в штабе контрреволюции, в кипящем Смольном и в чопорном Зимнем дворце, на митинге рабочих Обуховского завода и в особняке «русского Рокфеллера» — нефтепромышленника Лианозова. Когда незнакомца спрашивали,

Американский плакат к книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир».

кто он такой, он отвечал на ломаном русском языке, что представитель американской социалистической прессы. Его имя? Рид. Джон Рид...

Никто, да и он сам не предполагали тогда, что именно ему суждено стать первым летописцем великих революционных событий октября 1917 года.

Рид был уроженцем Дальнего Запада Соединенных Штатов Америки, но мировоззрение свое он обрел в революционной России. Родители его были богачи, он выбрал путь пролетарской борьбы. Перед ним были раскрыты все возможности буржуазного преуспеяния, а он стал одним из организаторов Коммунистической партии США и певцом народных восстаний.

Джон Рид родился в 1887 году в Портленде; в 1910 году блестяще окончил Гарвардский университет, избрал карьеру журналиста, побывал в Европе, затем отправился в Мексику, охваченную огнем революции. Книга очерков «Восставшая Мексика» принесла ему славу и деньги. Со всех сторон сыпались самые заманчивые предложения, но он предпочел писать репортажи о забастовке текстильщиков на шелкопрядильнях в Патерсоне и о стачке рудокопов на рудниках, принадлежащих Рокфеллеру.

Как только началась первая мировая война, Рид поехал в Европу в качестве военного корреспондента. Он увидел эшелоны новобранцев, которых отправляли на фронты, чтобы превратить в пушечное мясо. И видел другие эшелоны — те, что следовали со стороны фронтов и из которых доносились стоны раненых. И женщин с безумными глазами. И изуродованных снарядами калек. И людей, лишившихся рассудка под орудийным огнем. И богачей в ночных кабаках, кутивших на прибыли, принесенные им войной.

«Это — война торговцев», — заявил Рид. И всей своей страстной душой возненавидел войну. Он вел против нее борьбу, не страшась никого и ничего. Но на душе было нелегко: слишком много видел он кругом подлости и предательства.

И тут неожиданно пришла весть о революции в России. Рид понял, что русская революция не мелкий переворот, к которому хотят свести ее правящие классы. Нет, это великая народная революция. А поняв это, Джон Рид решил во что бы то ни стало уехать в Россию.

Таков был человек, который появился в Петрограде на следующий день после подавления корниловского мятежа.

В дождь и в жару, то шагая по скользкой

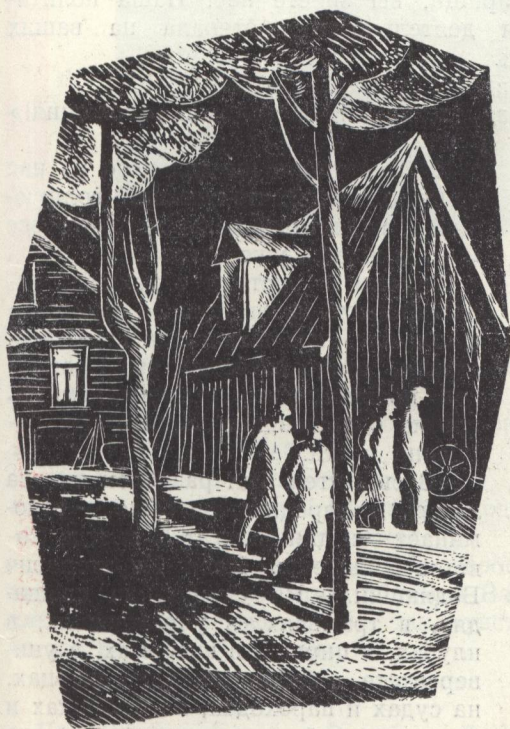

Проверка пропусков на улицах Петрограда.

грязи, то повиснув на подножке переполненного трамвая, он переносился из одного конца города в другой, брал интервью у видных политических деятелей и у рядовых солдат, выслушивал и революцию и контрреволюцию, читал десятки газет, с острой наблюдательностью художника запоминал сотни встречавшихся ему людей.

Его записную книжку заполняли заметки, сделанные быстрым круглым почерком.

То были первые наброски к будущей книге Джона Рида, навеки вошедшей в историю человечества. Книге, запечатлевшей по свежей памяти великие события русской революции: «Десять дней, которые потрясли мир».

Братья Рахья. Слева — Иван Абрамович, справа — Эйно Абрамович. 1917—1918 гг.

Эйно Рахья и Николая Емельянова Ленин по горящему торфяному болоту добрался до станции железной дороги, провел около суток на квартире рабочего завода «Айваз» Эдуарда Кальскэ. С удостоверением на имя сестро-редакционного рабочего Константина Петровича Иванова под видом кочегара в будке паровоза, который вел машинист Ялава, уехал в Финляндию. По пути провел некоторое время у финского рабочего Парвайнена.

Рабочий, рабочий, рабочий... Рабочий Емельянов, рабочий Шотман, рабочий Кальскэ, рабочий Ялава, рабочий Парвайнен... Весь свой смертельно опасный путь Владимир Ильич Ленин совершает при помощи рабочих. Они помогают ему уйти от преследования Временного правительства. Они и опыт большевистской конспирации, подполья...

Живя в Финляндии, Ленин поддерживает связь с Петроградом. А когда стало очевидно, что развязка революционных событий близка, он нелегально пробирается в Питер, чтобы руководить подготовкой восстания.

О том, что Владимир Ильич вернулся в Питер и живет на конспиративной квартире Маргариты Васильевны Фофановой, было известно лишь самому узкому кругу товарищей. Но рядовые члены партии, не зная об этом приезде, чувствовали присутствие вождя. Словно

С наступлением осени Ленин больше не мог жить в шалаше: стало холодно, все чаще поливали дожди.

Первый большой дождь налетел неожиданно. Еще утром ярко светило солнце, и Емельянов с удовлетворением думал, что успеет хорошо просушить скошенное сено. Но после обеда поднялся ветерок, он усиливался и усиливался, пока не хлынул такой ливень, что шалаш весь размок и стал протекать.

Надо было уходить. В сопровождении рабочих-большевиков Александра Шотмана,

в строй вступила мощная турбина — так энергично, быстро, четко завертелись все валы партийного механизма.

Приехав в Петроград, Ленин принял участие в заседаниях Центрального Комитета партии; он требовал от партии по-деловому, практически заняться подготовкой восстания, чтобы сохранить за собой инициативу и в ближайшее же время приступить к решительным действиям.

«Промедление смерти подобно!» — эти слова Ленина звучали в те дни по всему рабочему Питеру.

«Промедление смерти подобно!» — говорил вожак заводской молодежи Вася Алексеев, требуя от членов Союза, чтобы они вовлекли в Красную гвардию всех молодых рабочих и работниц.

«Промедление смерти подобно!» — восклицал на митинге солдат-фронтовик и призывал рабочих и солдат сплотить силы для восстания против Временного правительства.

Удостоверение на имя рабочего Иванова, которым пользовался Ленин, скрываясь от правительства Керенского в 1917 году.

«Промедление смерти подобно!» — заявлял рабочий завода «Айваз», предлагая «выгнать поганый метлой» из Советов всех меньшевиков и эсеров и сплотиться вокруг партии большевиков.

«Промедление смерти подобно!» — несколько раз повторила секретарь Выборгского районного комитета партии Женя Егорова на собрании коммунистов, посвященном сбору оружия, мобилизации красногвардейцев и установлению надежной связи между отрядами, готовившимися к восстанию.

Из глубокого подполья Ленин направлял работу партии. Его голос звучал набатом со страниц большевистских газет и находил горячий отклик в сердцах рабочих, матросов, солдат и крестьян...

Призыв Владимира Ильича был услышан и в тюрьмах Временного правительства.

Узники-большевики объявили голодовку. В своем обращении к пролетариату и гарнизону Петрограда они заявили:

«Три месяца сидим мы в тюрьме, схваченные и посаженные сюда буржуазией после того, как мы, доведенные войной, разрухой и неизмеримыми страданиями народа до отчаяния, вышли на улицы Петрограда и вместе с тысячами других, вместе с вами протестовали против кровавой бойни и голода...

Товарищи, вы знаете нас! Наша политическая деятельность протекала на ваших глазах.

Да здравствует власть Советов!

Да здравствует пролетарская революция!»

К 20 октября ни для кого из нас не было тайной, что великий, волнующий и радостный день, которого все мы так ждали, уже близок.

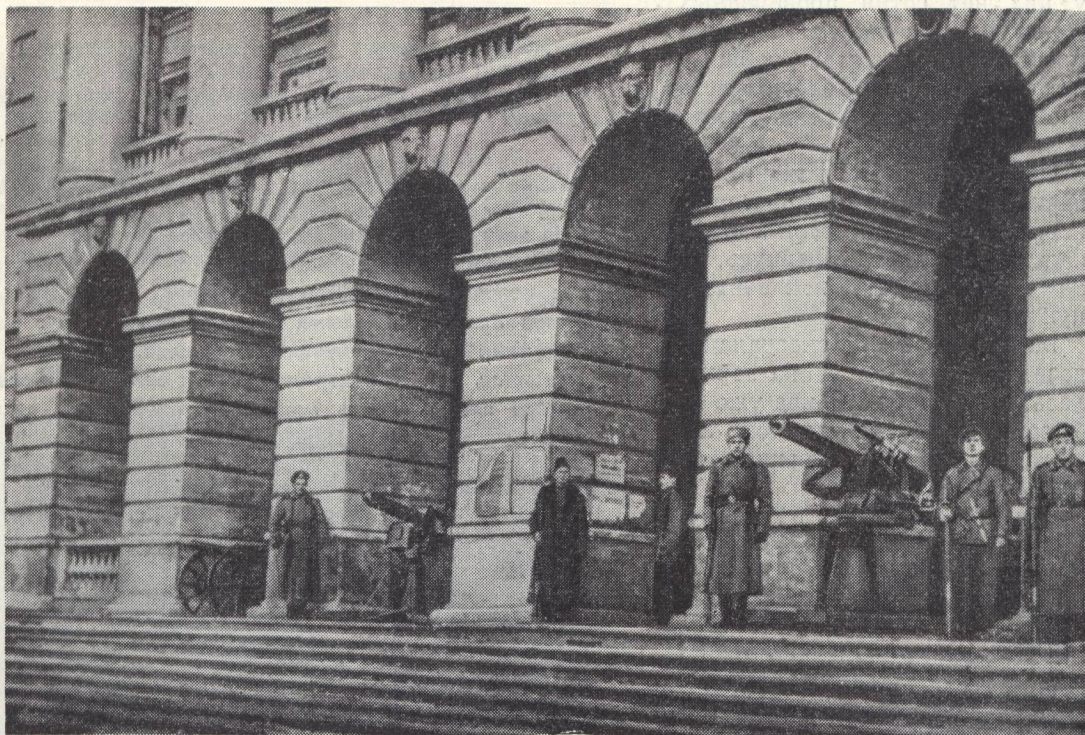
События нарастали с каждым часом. В шесть часов утра 24 октября в Смольном, где находился штаб восстания, стало известно, что Временное правительство решило двинуть против большевиков верные ему воинские части.

«Весь Питер был разделен на два лагеря, и середины не было, — вспоминает эти дни делегат II съезда Советов большевик Иван Харитонович Бодякин. — На улицах, на площадях, в трамваях, в учреждениях, в клубах, в цирках, в казармах, в университете, в библиотеках, во дворцах, на судах и пароходах, на фабриках и заводах, в рабочих кварталах — везде и всюду люди собирались и говорили о революции, о свободе, о

воле, о равенстве, о земле, о фабриках и заводах...»

Знакомый нам Ваня Вьюнок рассказывал, что утром, проснувшись, он увидел дома странную картину. На полу сидел только что вернувшийся с работы отец и заботливо чистил Ванину винтовку. Отцовская винтовка, уже вычищенная, лежала рядом. Тут же стояла мать.

— Вместо того, чтобы сына высечь, винтовку чистит!.. — возмущалась она. — Убивать, что ли, кого собрался?

Смольный. Октябрьские дни.

— Уйди, — отмахивался отец. Он заметил, что сын не спит.

— Проснулся? Вот и хорошо. Бери винтовку и идем в штаб.

Под плач и причитания матери они, держа винтовки, пошли в штаб Красной гвардии.

Там царило необычное оживление.

— Сегодня я чувствую себя особенным храбрецом, — сказал отец, обнимая Ваню за плечи. — И если все другие так чувствуют, то завтра будет у нас власть!

Последние дни перед Октябрем Владимир Ильич Ленин прожил у Маргариты Васильевны Фофановой, на Выборгской стороне.

«Когда мы остались вдвоем в квартире, — рассказывает Фофанова, — Владимир Ильич попросил меня показать ему всю квартиру, чтобы ориентироваться на случай, если придется воспользоваться окном, а не дверью для ухода из квартиры.

Вначале я даже не поняла, что этим хотел сказать Ильич. Показываю квартиру. Когда пришли в третью комнату и я указала на балкон, смотрю, Ильич радостно улыбнулся и сказал: «Прекрасно! Теперь можно точно определить, как идет водосточная труба, близ-

ко ли из моей комнаты, если придется по ней спускаться...»

День 24 октября. Часам к четырем, сидя на службе, я узнала, что разведены мосты и в городе идет вооруженное выступление. Я немедленно оставила работу и прежде всего пошла к Николаевскому мосту убедиться, разведен ли мост. Мои опасения подтвердились. Решила направиться как можно скорее домой. По дороге зашла в Выборгский районный комитет, чтобы получить информацию о происходящих событиях.

В комитете удалось получить лишь очень смутные сведения, с чем я и явилась к Владимиру Ильичу, который направил меня снова в районный комитет, проверить, сведены ли мосты, и просил передать записку через Надежду Константиновну, сказав, что он считает, что больше откладывать нельзя, необходимо пойти на вооруженное выступление и что он сегодня должен уйти в Смольный.

Выборгский комитет вручил мне ответ отрицательный, с чем я и приехала к Владимиру Ильичу уже около девяти часов вечера... Помню, Владимир Ильич говорит:

«Чего они хотят? Чего они боятся? Говорят, что большевиков уже много, неужели же

у них нет сотни проверенных большевиков-солдат, которые могут меня защитить? Сообщите им, что если они уверены хоть в сотне солдат, то откладывать больше нельзя».

Снова он направил меня с запиской к Надежде Константиновне и сказал, что если к одиннадцати часам я не вернусь, то он поступит так, как считает нужным».

М. В. Фофанова опоздала на десять минут. Когда она вернулась, Владимира Ильича уже не было, а на обеденном столе лежала записка, написанная на длинном листке бумаги:

«Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

Так Владимир Ильич Ленин покинул последнее большевистское подполье.

Он шел через весь город вместе с финским рабочим, товарищем Эйно Рахья. Кругом была черная ночь. С того берега Невы доносились глухие выстрелы. На Литейном мосту дежурили красногвардейцы из отряда Патронного завода. Горящий костер отбрасывал на их фигуры яркие отблески.

Настал час, ради которого жил и боролся Владимир Ильич. На протяжении четверти века готовил он вместе с партией штурм, которому суждено было свершиться в эту осеннюю ночь.

Он шел по гулким ночным улицам, а рядом с ним, порой обгоняя его, торопливо шагали рабочие, солдаты, красногвардейцы, мчались грузовики, тархтели мотоциклетки, грохотали колеса орудий.

Справа, на западе, осталась Петропавловская крепость. Далеко на востоке чернела невидимая отсюда бывшая «государева» тюрьма в Шлиссельбурге.

Впереди был Смольный!

С ТОБОЙ ГОВОРЯТ ФОТОГРАФИИ

М. ПРИЛЕЖАЕВА

На каждой такое знакомое дорогое лицо! Ленин. Даже беглого взгляда на снимки довольно, чтобы заметить, каким озаренным, страстно думающим, деятельным запечатлел Владимира Ильича фотоаппарат.

Далекie годы. Революция совершена. Революция продолжается. В России народ свергнул власть капитала. Советская власть, власть миллионов трудящихся, отчаянно борется за новую жизнь.

Посмотрите: Ленин 7 ноября 1919 года. Два года Советской власти. На Красной площади демонстрация. Трудящиеся несут знамена, красные полотнища, плакаты и лозунги мимо Кремлевской стены. С каким участием, добротой и волнением, поднятой рукой отдавая честь демонстрации, Ленин вглядывается в проходящих людей! С какой надеждой и верой! Неслыханные трудности испытал и испытывает советский народ! Заговоры белогвардейцев, интервенция в Сибири, Архангельске, на Кавказе, на Юге. Царские генералы Колчак, Юденич, Деникин, сколотившие армии против крестьян и рабочих. Голод. Разорение. Разруха.

Но Советская власть стоит нерушимо.

Товарищи рабочие, товарищи красноармейцы! Напрягите все силы! — вероятно, думает Владимир Ильич, не опуская

руки, не отводя от идущих зоркого взгляда.— Юденич от Петрограда отогнан. Колчак в Сибири разбит. Нашествие международного империализма задержано. Напрягите все силы. Преследуя отступающие войска, бейте их, не давайте им ни часа, ни минуты отдыха.

И дальше, наверное, думает Владимир Ильич о том, что два года советский народ героически строит единственную, первую в мире Республику. Трудно, голодно, холодно! Но после того, что выдержали советские люди, никакие трудности им не страшны, они все эти трудности вынесут.

Люди пронесят знамена и флаги мимо Ленина у Кремлевской стены. Читают в лице его уверенность, силу. И любят, любят Ленина. И клянутся вечно быть верными Партии, Родине.

Все коммунисты — последователи революционного учения Маркса. Ленин был гениальным марксистом. Когда революция совершилась в России, Ленин и Партия повели Советскую страну по пути к социализму, открытому Марксом.

1 мая 1920 года. Площадь Свердлова в Москве. Тогда эта площадь называлась Театральной. Советское правительство решило поставить здесь памятник Марксу. На площадь собрались члены правительства, коммунисты, рабочие. Кому закладывать первый камень памятника великому Марксу? Конечно, Владимиру Ильичу! Владимир Ильич заложил камень в землю, зачерпнул мастерком цемент. Как старательно делает он эту работу! Хорошо на душе. Ведь только в свободной Советской стране может быть воздвигнут памятник Марксу.

Он стоит сейчас на площади имени Свердлова, прекрасный памятник скульптора Кербеля, стоит на том самом месте, где сорок семь лет назад Владимир Ильич закладывал ему первый камень.

НА ВАХТЕ УДАРНЫХ ПИОНЕРСКИХ ДЕЛ

Пионеры Белоруссии провели операцию «Красная звезда». Ребята из 5-й Барановичской школы создали сквер во дворе завода торгового машиностроения. Пионеры из 4-й Калинковичской школы озеленили территорию депо и больницы. Юннаты Малецкой школы-интерната посадили в своем поселке 565 деревьев, 3 920 кустов, вырастили цветы.

Пятьдесят трудовых дел дарят Родине к юбилею пионеры Краснодара. 14-я школа помогает строителям хлопчатобумажного комбината, дружина имени Героя Советского Союза Михаила Корницкого строит настоящий спортивный городок, а ребята из 42-й школы поставили памятник пионеру-партизану Лене Таранику в станице Клычевской, где он погиб.

Джамбулские, чимкентские и алма-атинские пионеры к 50-летию Советской власти вдоль дороги, соединяющей столицы Узбекской, Киргизской и Казахской республик, посадили плодовые деревья.

Брасные следопыты Сибири прошли по местам боев Советской Армии с интервентами, белобандитами, колчаковцами.

Р. КОНОВАЛЬЧУК

Сказка Кычане

Посвящается Ш. Бейшеналиеву.

В небольшом киргизском айле жил мальчишка, каких немало на белом свете. Звали его Кычаном. Как-то ехал он с отцом по ущелью и заметил на отвесной скале орлиное гнездо. Вот бы добраться и заглянуть в это гнездо хоть одним глазком!

На другой день позвал Кычан на помощь дружков Атая и Кереза. Обвязали они Кычана длинным-предлинным арканом и спустили с обрыва к самому гнезду. А там двое птенцов-желторотиков друг к дружке прижались.

Сунул Кычан одного за пазуху.

— Эгей! Поднимайте!

Домашний пристроил орленка в старом решете. Решето выложил изнутри соломой, раздергал кусок кошмы, чтобы мягче было. Когда птенец обвык, прижился, мальчишки вернули его в гнездо на родную скалу, а взамен унесли другого орленка. Чуть погодя еще раз поменяли. Потом еще и еще — покуда орлята не подросли.

Зимой Кычан взялся обучать молодых орлов охоте на зверя и одной веселой забаве: сдергивать на лету шапки с Атая и Кереза. Не обошлось и без озорства: нет-нет да улетали шапки и со взрослых. Но чертенята мальчишки прикинутся смиренными верблюжатами, страшно

огорченными: простите, мол, вышла оплошность. Прошали, конечно.

Но когда приковылял насуспленный мулла с кораном и лисьим малахам в руках, мальчишки струхнули не на шутку. Мулла призвал в свидетели аллаха и обрушился на негодных сорванцов: где это видано, где это слышано, чтобы орлы покушались на священную чалму?!

Ребята потупились, а мулла кораном потрясет, грозитя адом. В конце концов он иссяк, как худой мешок, и попросил натаскать орлов на лисий малахай, чтобы они приносили его отовсюду, где заметят. У друзей отлегло от сердца. В ту пору, при молодой Советской власти, святой отец держался в тени, но силу имел: только он заикнется — орлов погубят.

На исходе весны мулла забрал малахай и сказал, что свояк его уезжает в дальнюю дорогу. Пусть орлы постараются, под облаками поболтаются, высмотрят и принесут малахай, как добрую весточку от родича.

В то лето взялся Кычан пасти колхозное стадо. Мал пастушок, а ловок, и места, где трава густая и свежая, ему известны. И помощники у него хорошие — верные орлы колятся по небу. Завидят волка — не упустят. Скотина у Кычана в стаде раздобрела. Женщины на пастуха не нарадуются, сметанкой потчуют.

Иногда прибежали Атай и Керез. Затевали игры. Надумали однажды поиграть в прятки. Возле горной речки кусты раскидистые, камни крутолобые. Выпало искать Кычану. Кычан слукавить не промах. Поманил орлов: дескать, вы шапки хватать, а я примечу, где они схоронились. Да ребята тоже не промах: шапки засунули под рубашки, орлам языки показывают. Покружили птицы, покружили — да и махнули к ущелью. Оттуда вернулись с шапками. У Кычана погасла улыбка. «Пай-Пай! Шапки-то чужие!»

Прибежали мальчишки. Кычан показал им два дорогих тебетей. У одного за меховым отворотом — золотая сережка, во второй вшита сложенная бумага. Кычан вскочил было на коня навстречу тем людям — вернуть шапки, но сомнение удержало: больно богатые тебетей. А время беспокойное. Он снова выпустил орлов. Один сдернул шапку с Кереза. Второй поплыл к ущелью и принес знакомый лисий малахай. Ребята опешили. Ну и ну! Пораскинули умишком — выходит, тут поблизости свояк муллы и какие-то чужие люди.

— Вдруг это шапки тех, кто убил председателя в соседнем колхозе? — поежился Керез.

На мальчишек словно холодомдохнуло.

— Узнать бы точно и сообщить кызыл-аскерам, — сдвинул брови Кычан.

— А стадо? — встревожился Атай.

— Угоним.

Пастушок хлопнул кнутом, побежал. Стадо потекло следом. Атай и Керез на ходу запихнули шапки в мешок. Поверху, для отвода глаз, насобирали кизяка. Мешок приторочили к седлу лошади. А мулла тут как тут, ковыляет навстречу.

— Приветствую вас, юные батыры! Где ваши орлы? Не принесли мне весточки?

Атай зыркнул глазенками по небу — нет ли орлов поблизости — и говорит:

— Они птенцов выводят.

— А что у вас в мешке?

— Сухой кизяк. Показать?

— Нет, нет, не надо! — отступился старик от бестолкового мальчишки.

От счастья, что они провели муллу, Керез вскочил верхом на Атая. Тот с хохотом пустился вскачь. А Кычан с оглядкой помчался к красным солдатам.

Начальник кызыл-аскеров, едва развернул бумагу, выпоротую из тебетей, тотчас велел позвать к себе командиров.

Мальчику объяснил:

— Басмачи и кулачье задумали страшное дело.

Вечером Кычан подговорил друзей присмотреть за домом муллы. И как знал! В полночь подъехали всадники, осторожно постучали. Мулла впустил их. Двое остались при конях. Кычан толкнул Атая:

— Дуй к председателю.

А сам юркнул ящерицей в бурьян возле окна. Вслушался. Грубый голос бранился на чем свет стоит. Орлы похватили с них шапки, а стрелять нельзя, чтоб не открыть себя до поры до времени. Как назло, в одной из шапок важная бумага.

— Не опасайтесь, дорогие, не опасайтесь.

Это орлы колхозного пастушонка, сына кузнеца Джакына, — юлил мулла. — Мальчишка глупый, позарился на шапки, а насчет бумаги он не сообразит что к чему.

— Где дом пастуха?

— Покажу, все покажу. Дай бог вам здоровья и удачи. Но, может быть, орлы унесли шапки в свои гнезда?

— Ложь! Шапки у мальчишки. Живо грузить оружие. Где оно у тебя? Сейчас потревожим сон кое-кому, но перво-наперво надо взять пастушонка. И обязательно живым.

— Непременно живым. О всемогущий аллах, помоги нам в святом деле!

Не помог аллах: бандитов арестовали. У муллы нашли оружие и золото.

Но радость мальчиков не была полной: родич муллы улизнул.

...В этот день ребята сговаривались отогнать стадо вместе. Но Атай и Керез или проспали, или не управились с домашними делами — только не пришли они. Кычан ждал-ждал и от нечего делать решил искупаться в речушке. Снял шапку, рубашку, подошел к колочему кусту джерганака, чтобы повесить рубаху.

Глядь — перекошеная рожа бандита, в кулаке нож.

— Не уйдешь, красный гадепыш!

Мальчик попятился.

— Разочтемся, милый, за все: за муллу, за меня, за бумагу в шапке.

Кычан глядит на нож, а в голове стучит: «Ни кнута в руках, ни палки... Вон Атай вылетел на пригорок...»

— Не беги сюда, Атай! Здесь бандит! Не беги!.. — закричал Кычан и упал как подкошенный.

Взметнулись орлы, подлетели. Смотрят: распластался мальчишка, руки раскинул, лежит, голоса не подает.

Поняли умные птицы, что убить их друг. Скорбно и гневно заклекотали они и поднялись в небо.

Не дали врагу уйти, нет. Сбили с коня, придавили к земле. По-черепашьи втягивал злодей голову, прикрывался руками. Орлы рвали его одежду, с криками взвивались под облака и падали камнями. Подоспели джигиты. Они отогнали разъяренных орлов и скрутили негодяя.

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

КЫЧАН

О Кычане Джакыпове расскажет вам в Киргизии любой мальчик, любая девочка. Он словно бы навсегда остался в пионерах: каждому отряду товарищ, каждому походу спутник, каждого костра участник.

Теперешние ребята никогда не видали Кычана (он погиб, когда им еще на свете не было), но так ясно его себе представляют, что юные художники рисуют его, а маленькие скульпторы лепят.

Два года работали над портретом Кычана ребята из скульптурного кружка Фрунзенского Дворца пионеров — хотели своими руками сделать герою памятник. Лучше всех получилась скульптура у Рашида Сулейманова — он теперь учится в художественной школе в Москве.

Двухметровый памятник привезли на родину Кычана и установили там.

Говорят, Кычан, каким изобразил его Рашид Сулейманов, оказался похожим на живого Кычана. Те, кто знал его, в один голос сказали, что Кычан «был именно какой-то такой»: и лицом похож, и фигурой, и шапку так носил...

А может быть, нет в этом ничего удивительного? Ведь Кычан, он был простым советским пионером, похожим на других ребят. А теперешние пионеры, те, кто позировал Рашиду, стараются походить на героев, быть такими, как Кычан.

НА ВАХТЕ УДАРНЫХ ПИОНЕРСКИХ ДЕЛ

Золотоносную россыпь в долине реки Вишеры нашли ребята Мало-Шугорской средней школы (Пермская область). Геологи считают необходимым начать здесь поиски золота и алмазов.

Семь заявок юных геологов 2-й школы г. Карабаша (Челябинская область) оценены положительно. Ребята открыли месторождения бурых железняков, полиметаллических руд, хромитов, слюды, кобальт-никелевых руд и горного хрусталя.

Помогли колхозу досрочно убрать урожай пионеры села Бравичи (Молдавская ССР). Каждый день ребята собирали по 150 килограммов винограда. Может быть, и ты его уже пробовал?

За постановку пьесы «Елочкин сон» ребята-кукольники из Дворца пионеров г. Кагула получили почетное звание народного театра. Все лето кукольный театр выступал в школах, детских садах, пионерских лагерях. К 50-летию Октября артисты приготовили праздничную программу.

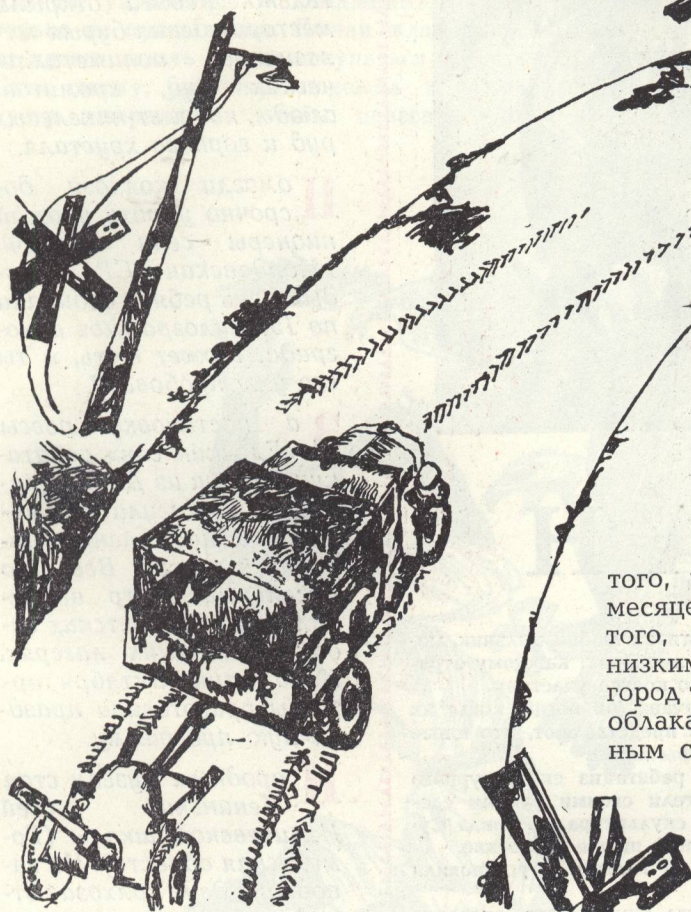
Народным музеем стал Ленинский музей Ильичевской школы (Гомельская область). На заводе и в двух колхозах открыты филиалы музея.

Пассажирский самолет «АН-24» № 46248 построен из металлолома, собранного пионерами 67-й львовской школы.

Зажги огонек

Лев УСПЕНСКИЙ

Темным зимним днем мы двое, я и писатель Николай Корнеевич Чуковский — оба в морской форме, потому что была война и мы служили на Балтийском флоте, были офицерами, — вышли из учреждения, в котором работа-

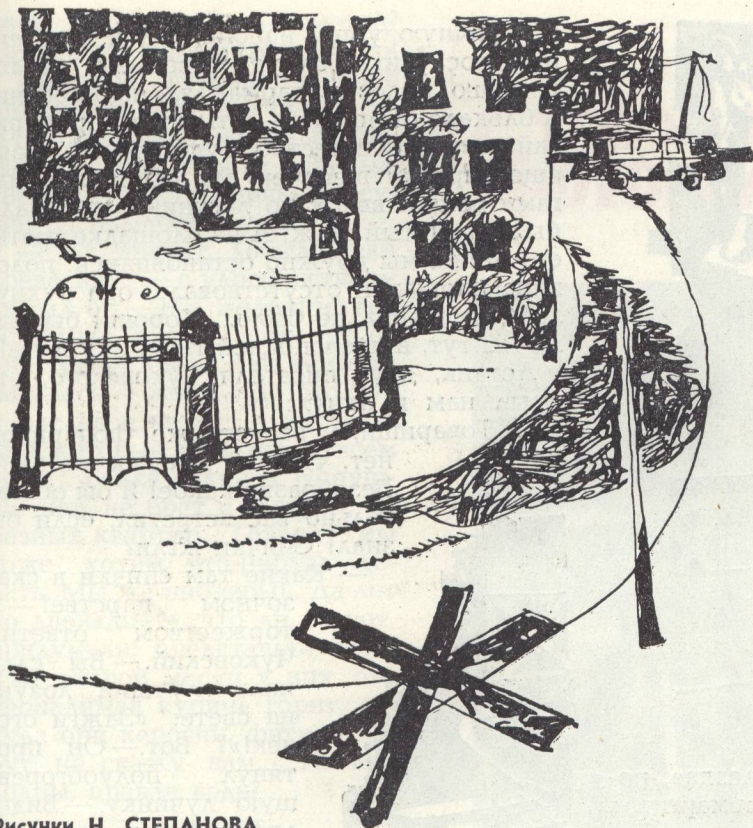

Очень темно было на улице. В декабре в Ленинграде всегда темно, но еще мрачнее все вокруг казалось от блокады: шла зима сорок второго — сорок третьего года; враг стоял под самым городом. И, хотя настоящая темнота начиналась только к ночи, оттого, что мы были вот уже восемнадцать месяцев замкнуты в тесное кольцо, оттого, что почти все время с юга под низким зимним небом приходили сюда в город тупые, тяжелые удары, потом сквозь облака слышался ставший давно привычным свист и вой, и потом где-то неподалеку, то справа, то слева, то спереди, то прямо за нашими спинами раздавался точно хриплый кашель великана — там разрывался, руша стены, выбивая стекла, калеча людей, немецкий снаряд, — от всего этого ка-

ли — оно называлось ПУБАЛТ, — и пошли разыскивать нужного Николаю Корнеевичу человека, летчика, на короткий срок прибывшего с фронта в Ленинград.

залось, что такого мрака мы еще не видели никогда, разве только в прошлом году.

А в то же время мы шли весело по городу, засыпанному чистым, белым, как ка-

Рисунки Н. СТЕПАНОВА

кое-нибудь аптекарское лекарство, снегом. И к выстрелам, и к разрывам снарядов, и к блокадной темноте все мы давно привыкли. Мы никогда не говорили об этом, но в наших душах с каждым днем все шире росла гордость: полтора года фашисты топчутся вон тут же, рукой подать, а ничего не могут сделать с нами. И — теперь уже видно — ничего не сделают. Выстоит Ленинград, и блокада кончается уже! Стреляйте, поганцы, стреляйте! Ничего не получится! Под Сталинградом вас бьют, придет и на нашу улицу праздник...

Идти было далеко, через Неву, за Невский, в Столярный переулок. Летчик вчера позвонил в ПУБАЛТ по телефону, сказал свой адрес, но предупредил, что пробраться к нему не так-то просто. Он остановился у своей сестры, а та живет в разбомбленном доме. Там есть полуразрушенные лестничные пролеты, подниматься надо осторожно: тьма египетская, смотрите, как бы не ухнуть с четвертого этажа. Он хотел нас встретить, но мы были сами люди военные, зависели от начальства и сказать, когда выберемся, не могли.

Были уже сумерки, когда мы в темном переулке разыскали темный шестиэтажный дом, вошли в темнее ночи темный двор и, поразмыслив, вступили на лестницу справа. Чтобы описать, какая тут царил темнота, и сравнений бы никаких не хватило. Мы даже постояли минутку перед дверью: на дворе, когда приглядишься, чуть мерцал пушистый снег, на котором не было ни копоти, ни грязи, ни следов — только три или четыре узенькие четкие тропочки; а там, в щели, за вмерзшей в снег и незакрывающейся дверной створкой, стояла такая чернота, что нырнуть в нее было страшно, как в холодную прорубь.

Кругом не было ни души. Шестиэтажные стены стояли, поднимаясь до самого неба. Две стены были обыкновенными; две другие кончались наверху какими-то причудливыми зубцами; сквозь оконные квадраты тускло светилось небо; видно было, что в этих двух корпусах — пустота, ни

полов, ни потолков, все вырвано бомбой, вернее, даже двумя бомбами.

— Да-да! — сказал Николай Корнеевич. — Ну, что ж...

Я шагнул в дверную щель и почти что испугался. За дверью из крошечного мрака точно бы глядело на меня красненькое кроличье око — светился чуть заметный, слабенький огонек: не сразу сообразишь, что он есть, думаешь, может быть, от темноты так показалось?

Но нет, в темноте горел огонек. Этому было трудно поверить: на пустой лестнице, на ветру, на холоде — маленькое, окруженное радужным сиянием пламя...

— Смотрите, Николай Корнеевич!

Приглядевшись, мы увидели истинное чудо. На нижней площадке, около пустой клетки лифта стоял кособокий деревянный стол: у него были только две ножки, и держался он на каком-то старом ящике. На столе стояла большая стеклянная банка, огромная банка, литров на десять. Там, в ней, внутри, как золотая рыбка в аквариуме, и жил огонек. И ветер не трогал его, и он тихонько сидел на фитильке

обычной коптилки, «волчьего глазка», поставленного посреди банки, и помаргивал очень скромно, даже вроде как сконфуженно: «Простите меня за смелость, но вот — горю!»

Глаза привыкли к его чуть зримому свету, и стало видно: у банки нет дна, и установлена она на каких-то железках, так что воздух проходит под нее и огоньчико не задыхается, а и вправду горит.

А рядом с банкой — все это только постепенно выступало из черноты — на железном противне лежит кучка тонко нащепанных лучинок. Довольно большая кучка, точнее, две: справа — свежие, слева — с обожженными концами. И над ними установлен кусок картона с какой-то, сделанной, по-видимому, углем, надписью. Кто писал, что писал, зачем?

Картон пришлось придвинуть к самой банке. И тогда мы прочли на нем слова, поразившие нас в самое сердце.

«Дяденька (или тетенька), — было написано там. — За жги огонек! Если прикуришь, положи лучинку назад, их трудно доставать. А если пойдешь наверх, свети себе: на третьем этаже провал...»

— Послушайте, Эль-Ве, — пробормотал Николай Корнеевич после довольно долгого молчания. — Я не верю. Этого не может быть. Мы что, в сказку пришли?

Он взял лучинку, опустил ее сверху в

прозрачную урну, нацепил на нее огненный лоскутик. Вокруг посветлело. Я तो ропливо полез в карман за папиросами: в блокаде было так — есть огонь, прикуривай; потом неизвестно, будет ли он... Взял еще парочку щепочек, мы быстрыми шагами пошли вверх по лестнице; нам надо было на пятый этаж! А на площадке третьего этажа мы дружно остановились: половина площадки отсутствовала, она рухнула вниз, перил не было... Хороши бы были мы тут, в преисподней тьме, без света!..

Летчик, друг писателя Чуковского, открыл нам и ахнул:

— Товарищи, у вас что же, фонариков нет, что ли? Так как же вы?.. Безобразие какое! Я бы обязательно вас встретил, если бы знал! Спички жгли?

— Какие там спички в сказочном царстве! — с торжеством ответил Чуковский. — Вы слышали лучший лозунг на свете: «Зажги огонек!»? Вот. — Он протянул полуобгоревшую лучинку. — Видали? И прежде всего отвечайте: кто это? Кто придумал это неугасимое пламя? Кому пришло в голову? Где

этот блокадный Прометей? Сейчас же покажите нам его!

Широкое грубоватое лицо летчика (у него-то в руках сиял отличный трофейный фонарик, с красным и зеленым светом, — мечта моряка на суше) расплылось в улыбке.

— Ах, значит, добыли-таки древесину? — с удовольствием сказал он. — Ну, молодцы, вот молодцы! А то у них тут ед дня три не было, так темнота началась — жуть... Да это тут у нас двое ребят, единственные, которые остались во всем доме... Генка такой и Ниношка: нет, не брат с сестрой, из разных квартир... Говорят: мы тоже хотим что-нибудь делать. Мы же пионеры!.. Да лет по двенадцать, что ли. И вот придумали, представьте себе! Уже второй месяц у них эта неопалимая купина горит, откуда они керосин, фитили берут, не скажу вам... Но молодцы, правда ведь?

Кончилась война. Николай Корнеевич Чуковский переехал в Москву, я остался в Ленинграде. Встречаться нам с ним теперь приходилось не часто. Но каждый раз, как это случалось, мы, еще даже не успев позжать друг другу руки, улыбались, как заговорщики, и говорили один другому, точно пароль на фронте, одну и ту же фразу, пропускавшую нас в царство воспоминаний, у дверей которого из глубокой тьмы выступали перед нами две худенькие ребячьи фигурки. Мы говорили: «Зажги огонек!» — и вокруг нас и у нас на душе сразу становилось светлее и теплее.

Я не знаю, сколько я еще проживу на свете, но этого удивительного лозунга я не забуду никогда.

Вы понимаете почему! И я это понимаю. Так давайте условимся, где только можно, зажигать огоньки.

С ТОБОЙ ГОВОРЯТ ФОТОГРАФИИ

В Ленинграде есть Таврический дворец, принадлежавший в старые времена царскому вельможе Потемкину. После Октябрьской революции в Таврическом дворце происходили партийные совещания, VII партийный съезд, III Всероссийский съезд Советов. А 19 июля 1920 года докладом Ленина здесь открылся II конгресс Коминтерна. Собрались представители коммунистических партий всех стран. Долго-долго не мог Ленин начать свой доклад: аплодисменты и возгласы на всех языках мира сотрясали стены дворца, коммунисты всего мира приветствовали нашего Ленина.

Ленин говорил о международном положении, о хищничестве капитализма и беспросветной жизни трудящихся в капиталистических странах, о борьбе и задачах коммунистических партий. С величайшим вниманием слушали слова Ленина посланцы коммунистических партий всех стран, навсегда сохранили они в сердцах образ Ленина, обаятельный, одухотворенный, живой.

ЗА БЕГУЩИМИ КОЛЕСАМИ

В. МОЕВ

Рисунки
Б. КЫШТЫМОВА

Если бы такси попятилось назад

Кто не знает машин с шахматным пояском на дверцах и зеленым фонариком впереди? Расторопное такси может отвезти куда угодно: хочешь — в зоопарк, хочешь — в гости или на вокзал. Ты садишься, конечно, рядом с шофером. Тут интереснее. Видно, как шофер управляет машиной: вот скорость, тормоз, вот на циферблатах качают головой строгие стрелки приборов. Наверное, ты знаешь и такой прибор, который называется спидометром. Он считает, сколько проехали километров. На спидометре, например, может стоять

165357 42.

Значит, машина успела проехать до нас сто шестьдесят пять тысяч триста пятьдесят семь километров и еще четыреста двадцать метров. Теперь наша очередь ехать.

Ну а что, если бы мы поехали не вперед, а назад? Нельзя ли так узнать, откуда начался длинный счет километрам, записанным спидометром? Ты скажешь, что шофер забыл уже, пожалуй, откуда и когда он ехал. Правильно, но это неважно. Все равно можно сказать, куда попала бы машина, если бы стала ехать все время назад. Причем можно выбрать любое такси, в любом городе, а получится одно и то же; все они под конец очутились бы в одном месте.

Ты догадываешься, где? Или попробуем поехать?

Сначала машина будет петлять по улицам, где она ездилa вчера, позавчера, на той неделе, а потом обязательно выбежит за город и отправится в сторону реки Волги. Недаром машина и сама называется «Волга». Мимо полей и лесов, городов и деревень мы приедем в город Горький, к памятнику летчику Чкалову на берегу реки. На спидометре останется совсем немного километров, потом еще меньше... два километра, один километр... ноль... Стоп! Ну-ка посмотрим, где мы оказались. Оказывается, перед большими воротами, на которых дугой написано:

ГОРЬКОВСКИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ ЗАВОД.

Мы оказались там, где рождаются машины, откуда они делают свой первый километр. И мы можем посмотреть, что там происходит, за большими воротами.

Там, где все в первый раз, а последнего раза нет

Очень хорошо, что мы приехали на машине, потому что пешком завод не обойдешь: ноги устанут. Тут, как в настоящем городе, улицы и переулки, скверы и тротуары. Из одного дальнего конца в другой курсирует заводской автобус. Только вместо домов цепочками тянутся разные цехи, некоторые, наверное, с полкилометра длиной.

Когда рядом с заводом на настоящей улице идет настоящий городской автобус, кондуктор объявляет остановки так: «Западная проходная завода!..», «Центральная проходная завода!..», «Восточная проходная завода!..». Три остановки проехали, а все завод: такой он большой.

Откуда же нам начать осматривать завод? Конечно, с самого начала, а начало там, куда один за другим подходят товарные поезда с грузами. Грузов приходит много, несколько сот вагонов каждый день. На них можно прочитать самые разные надписи:

стальной лист,

ткани,

чугун,

огнеопасно,

бензин,

резина,

стекло,

пластмасса.

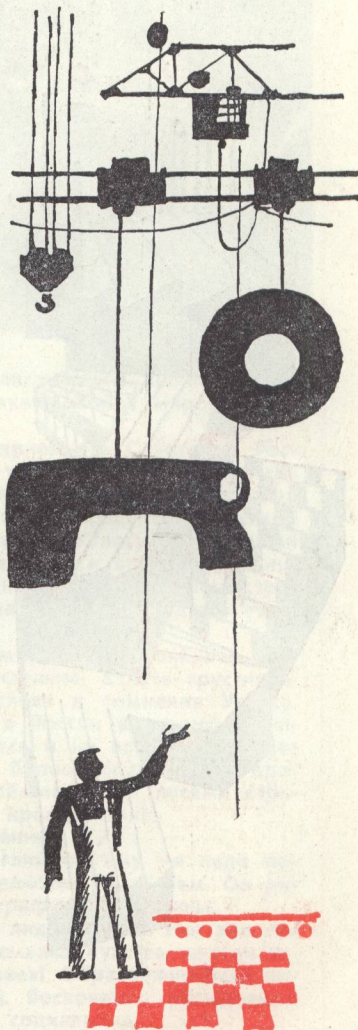
Все это и еще многое другое нужно, чтобы получились хорошие автомобили. Материалы развозят по разным цехам, и там с ними начинается масса превращений. Там плавят, куют, строгают, пилят, шьют, клеят, штампуют, сверлят, шлифуют, никелируют, красят. Автомобили делают десятки тысяч рабочих, инженеров, конструкторов. Все это завод.

Сначала из материалов изготавливают разные детали для автомобилей. Их тоже много. Наше знакомое такси «Волга» состоит примерно из шести с половиной тысяч «кусочков», начиная от шин и кончая теми циферками, которые видны в окошко спидометра. Когда детали готовы, они начинают сами двигаться к тем местам, где собираются автомобили.

Но как это «сами»? Можно подумать, что колеса катятся по «щучьему велению» или что кривые коленчатые валы сами хромают из цеха в цех. Нет, конечно. Но они передвигаются без участия человека, благодаря механизации и автоматизации. Детали текут по конвейерам и транспортерам. Можно видеть, например, как, подвешенные на крюки, в воздухе плывут автомобильные крылья, только что не машут. Или как автоматический кран выносит со склада и ставит прямо на машину целый мотор. Конвейеры и транспортеры всюду. Если бы все их вытянуть в одну нитку, нашей машине пришлось бы со всей скоростью гнаться вдоль нее больше часа.

На заводе все происходит впервые. Вот стальной лист, ровный, как стол для пинг-понга, ложится под пресс. Нажим пресса (он высотой с двухэтажный дом) — и пожалуйста: из листа получилась выпуклая автомобильная крыша. Вот впервые к кузову прикрепляют двери, капот, багажник. Машины, хотя и сделаны меньше чем наполовину, тоже движутся сами — опять по конвейеру, вместе с полом. Мы тоже можем встать на конвейер и немного проехать. Правда, скоро нам придется сойти: машина отправляется в закрытую камеру. Если бы мы с тобой туда сунулись, то вышли бы с ног до головы красные или зеленые. Там машина красится, на нее брызжет цветной дождик. Потом в печь, на просушку. Туда тоже не сунешься: слишком жарко. А дальше опять смотри, пожалуйста: устанавливаются мягкие сиденья, стекла, приборы, руль. Особенно интересно в конце конвейера.

Машина готова. В нее впервые заливают бензин, воду, масло. Шофер нажимает стартер. «Фр-р-р!» — и машина уже едет сама. Также в первый раз.

Ты спросишь: а почему здесь ничего не бывает в последний раз? Потому что вслед за одной машиной по конвейеру ползет другая, за той — новая, и так без конца. Сколько же всего делается машин? А вот попробуй посчитай. Отсюда вышли все «Волги». А кроме них, завод делает еще грузовики и зеленые, как кузнечики, «газики», которые ходят по сельским дорогам. Впрочем, на заводе машины все-таки считают. В этом году в сборочном цехе зажглась светящаяся надпись:

ВНИМАНИЕ! НА СБОРКУ ПОСТАВЛЕНА МАШИНА № 5 000 000.
Пять миллионов автомобилей, вот сколько сделали замечательные горьковские мастера!

Теперь ты знаешь, откуда берутся машины. С завода в Горьком. А откуда взялся завод? Это мы тоже можем узнать.

Что в свинцовом пакете?

На Горьковском заводе я мог бы показать тебе место, где зарыт клад. Это возле кузнечного корпуса. Если у самого угла здания копать лопатой, она скоро звякнет о металл. Под землей в нержавеющей, водонепроницаемом свинцовом пакете уже тридцать семь лет лежит важный документ. В нем говорится вот что:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКТ

2 МАЯ 1930 ГОДА... ВО ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ССРС... ЗАЛОЖЕН ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ БУДУЩЕГО АВТОГИГАНТА, О ЧЕМ И СОСТАВЛЕН НАСТОЯЩИЙ АКТ.

Значит, до этого никакого завода здесь не было. Лежало на этом месте заросшее кустами болото. Может быть, паслась худая коза — рога да кости. Месил грязную дорогу какой-нибудь крестьянин в лаптях.

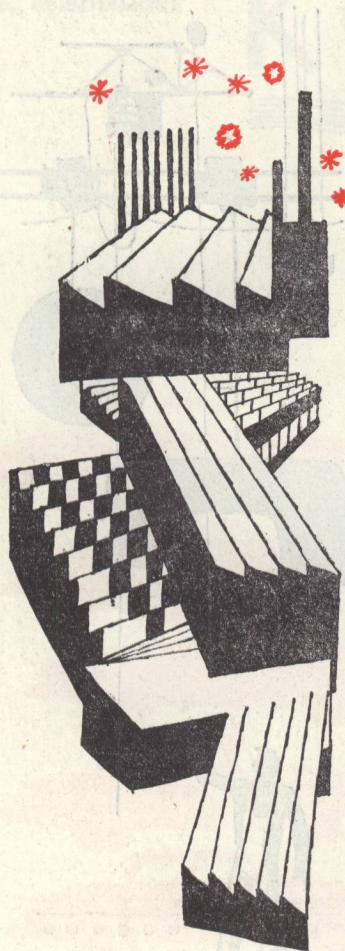
Да что в городе Горьком! Если бы фантастическая «машина времени» перенесла нас с тобой в дореволюционное время, мы увидели бы очень мало заводов. Страна была в основном сельскохозяйственная, крестьянская.

А чем это плохо? Тем, что разные машины, технику приходилось покупать за границей и платить втридорога. Помню, на одном старом-престаром заводе мне попался список работавших там машин. Неважно, что они делали, но послушай, как назывались: дробилка Блека, мельница Марси, классификатор Дора, сушилка Лаудена, ванна Макинтоша... Сплошь чужие, иностранные фамилии. Разве не обидно?

Ты можешь спросить: чем же платили за дорогие покупки у иностранцев? Отвечу. Продавали, например, русский лес, сырые бревна. Кто-то на заграничной фабрике из них делал мебель, ее везли назад в Россию. Но сырые бревна дешевы, а мебель дорога — страна на такой торговле разорялась. Однажды царь, чтобы поправить дела, продал Америке огромный кусок своей страны прямо с людьми и поселениями — Аляску. Но русскому народу без своей промышленности, без заводов все равно жилось все хуже и хуже. Да царская власть о нем и не заботилась.

Когда свершилась Октябрьская революция и наступила Советская власть, народ первым делом принялся строить заводы, рудники, электростанции — словом, промышленность. Это называлось «индустриализация» — слово трудное, а дело было еще труднее. Экскаваторов не было, землю долбили ломами. Подъемных кранов тоже не было, кирпичи носили на плечах. Жить приходилось нередко в землянках, а на строительстве Кузнецкого металлургического завода поэт Маяковский видел, как рабочие спали просто под телегами.

Трудные были времена, но люди все перетерпели, чтобы страна стала счастливой, богатой и ни от кого не зависящей. Выросли заводы. Мы са-

ми стали делать что хотим: экскаваторы и подъемные краны, гидротурбины и телескопы, автомобили и космические корабли... Наша промышленность научилась изготавливать всякое оружие, чтобы ни один враг к нам не сунулся.

Сейчас уже и с заграницей мы торгуем на равных. Десятки стран покупают у нас самые разные товары. Столько, сколько царская промышленность производила за год, мы выпускаем всего за два дня. И заводов в Советском Союзе становится все больше. Как день, так прибавляется два-три крупных предприятия, как еще день, так еще два-три новых завода. Пока ты перейдешь в следующий класс, успеет вырасти — ого! — больше тысячи новых заводов, а на них сделают и новые автомобили, и соткут материю для костюмов, и выпустят множество часов.

Вот я и сказал тебе главное: заводы нужны, чтобы выпускать разные нужные вещи, чтобы жить богаче и никого не бояться.

Полный вперед!

Пока я рассказывал о прошлом, на Горьковском автозаводе успели сделать еще одну машину. Новая «Волга» сходит с конвейера через каждые четыре минуты. Так что мы снова можем сесть в автомобиль и поехать. Куда? Теперь только вперед! Перед нами открыты любые дороги. Захотим — в Сибирь, где среди тайги строятся огромные заводы-комбинаты. Захотим — в жаркую Среднюю Азию; там в пески проводят воду, и пустыня расцветается зеленью. А захотим — на Север, за Полярный круг, где скоро появятся целые городки под стеклянной крышей. Все это уже позволяет делать наша промышленность, десятки тысяч советских заводов и фабрик. Когда же ты вырастешь, новая машина — звездолет — позволит тебе отправиться еще дальше — на Луну или на Марс. Там тоже надо будет много построить, как построили наши отцы и деды на Земле.

С ТОБОЙ ГОВОРЯТ ФОТОГРАФИИ

Все с детства знают книги английского писателя Герберта Уэллса «Человек-невидимка», «Война миров», «Когда спящий проснется».

В 1920 году Герберт Уэллс приехал в Советскую Россию. Писатель-фантаст захотел увидеть, что происходит в стране, совершившей революцию. Разоренная семилетней войной, голодная, раздетая, разутая страна с умолкшими заводами и фабриками показала Уэллсу пораженной ужасными бедствиями. Бедствия были и вправду ужасны, но советский народ жил, полный веры и решимости строить новое. Уэллс остро почувствовал эту народную веру, беседуя с Лениным.

Вот они сидят в кремлевском кабинете Ленина у стола, заваленного бумагами. Пристально, с чуть грустной улыбкой Ленин слушает слова и сомнения Уэллса.

— Как! Вы хотите повсюду в России выстроить крупные электростанции! — изумляясь и не веря, восклицает Уэллс. — Можно ли представить более дерзновенный проект в этой огромной, равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами!

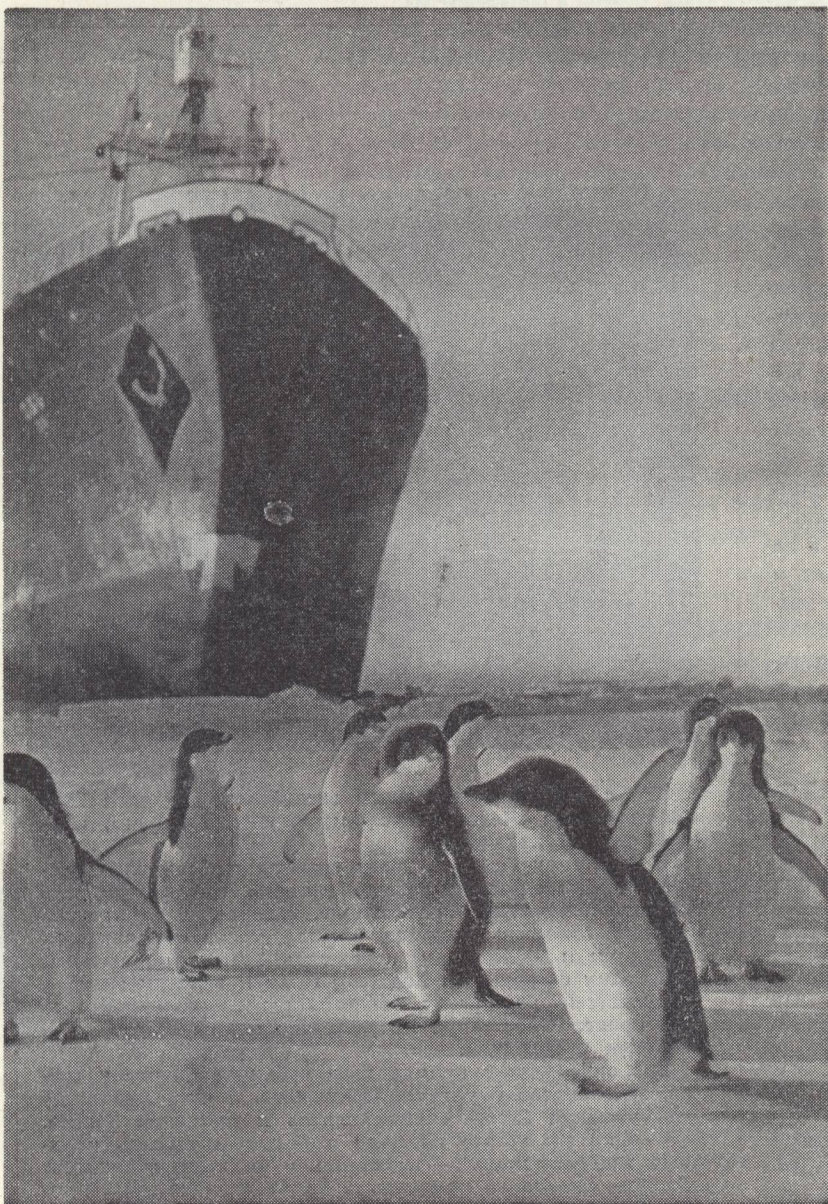
— Да, — спокойно отвечал Ленин.

Он прекрасно говорит по-английски. Ему не надо переводчика для разговора с английским писателем. Он рисует грандиозную картину электрификации Родины.

Уэллс следит за выражением лица Ленина. Как оно переменчиво, отражая сильные и смелые чувства, какими исполнен этот изумительный человек! Образованнейший, нескромный, свободный, простой, бесконечно убежденный в могуществе и правде идей социализма!

— Приезжайте к нам лет через десять и посмотрите, что станет за это время с Россией, — приглашает Ленин.

Через десять лет Советская страна стала неузнаваемо новой. А если бы мог писатель-фантаст увидеть нашу страну сейчас! Нашу могучую, богатую, чудесную Родину, полную неистощимого творчества! Такой ее видел, в такую верил, беседуя с Уэллсом, Владимир Ильич...

Земля

**В Г О Д
ПЯТИДЕСЯТЫЙ,
ЮБИЛЕЙНЫЙ**

Уже более десяти лет работают на шестом континенте — в Антарктиде — советские ученые. Их работа — настоящий научный подвиг, и мы, советские люди, можем гордиться мужеством наших полярных исследователей, их огромным вкладом в мировую науку о Земле...

Найдите в номере, на цветной вкладке, карту Антарктиды — континента, еще недавно бывшего для ученых белым пятном. Рассмотрите ее внимательно. А чтобы карта «заговорила», мы попросили известного ученого, доктора географических наук Андрея Петровича Капицу прокомментировать ее. Андрей Петрович в течение всего этого десятилетия участвовал в исследовании ледового континента. Он был среди первых советских людей, ступивших на землю Антарктиды в 1956 году. Во время трех важнейших внутриконтинентальных походов Андрей Петрович посетил и исследовал самые недоступные районы континента. Им были сделаны важные открытия, измерена толщина ледниковой шапки и определен подледный рельеф материка. Итак, слово Андрею Петровичу Капице.

ТАЙН —

ЗЕМЛЯ ОТКРЫТИЙ

Передо мной лежит карта Антарктиды. На ней нарисованы самолеты, тягачи, пингины и киты, прочерчены линии походов и полетов, нарисованы флажки станций. Их много. И может показаться, что в Антарктиде тесно, что все исследовано и все изучено.

Вот проходит маршрут Мирный — Пионерская — Восток-1 — Комсомольская — Восток — Южный полюс. В 1959 году мне пришлось участвовать в этом походе. Две тысячи семьсот километров прошли мы от Мирного до полюса. Это такое же расстояние, как от Мурманска до Симферополя, только идти пришлось по ледяному плато на высоте около трех с половиной километров над уровнем моря в шестидесятиградусные морозы. Три месяца двигался научно-исследовательский поезд. Через определенные интервалы он останавливался и проводил измерения толщины ледникового покрова, ускорения силы тяжести, магнитного поля и метеорологических условий.

Полярники чем-то напоминают космонавтов: зимовать на полюсе холода — все равно, что осваивать новую планету...

Под самый Новый год мы пришли на Южный полюс, где находится американская станция Амундсен-Скотт. Здесь мы пробыли три дня. Кроме научных наблюдений, мы совершили «кругосветное путешествие». Да, да, самое настоящее — объехали вокруг земной оси, точки Южного полюса, пересекли все меридианы и тем самым выполнили условие кругосветных путешествий.

На это нам потребовалось всего десять минут.

А вот в самом низу карты, около четырех пингвинов, нарисован самолет — с ним связан интереснейший перелет двух тяжелых турбовинтовых самолетов в 1961 году из Москвы в Мирный. Им пришлось пролететь двадцать семь тысяч километров, они сажались в Индии, Бирме, Индонезии, Австралии, Новой Зеландии и на американской антарктической базе Мак-Мердо, прежде чем прилетели в Мирный.

Мы долетели тогда из Москвы в Антарктиду за несколько дней вместо полутора месяцев, которые плыли на кораблях раньше.

В середине карты вы видите две многолучевые звездочки. Это два, вернее, три полюса. Один — Геомагнитный полюс (не надо путать его с Магнитным полюсом, который находится северо-восточнее его), и

В Антарктиде не бывает дождей. Только снег падает на бескрайние ледовые просторы. Проходят десятилетия, и снежный покров, слежавшийся под собственной тяжестью, превращается в лед. Так растет антарктический ледник.

Оазис — это слово обычно напоминает нам о жаркой пустыне. На снимке тоже оазис, только антарктический, то есть место, свободное от льда. Наша станция Новолазаревская построена как раз здесь, на скалах оазиса Ширмахера.

здесь же полюс холода. Оба эти полюса открыты советскими учеными, которые в 1957 году построили здесь станцию Восток. Здесь и была зарегистрирована самая низкая температура на поверхности нашей планеты — минус 88,3°. Третий полюс — Полюс недоступности, назван недоступным потому, что это точка, наиболее удаленная от берегов Антарктиды, и поэтому ее труднее всего достичь. Это геометрический центр континента. Но и здесь советские ученые побывали неоднократно, открыв этот полюс в 1958 году, построив там станцию и водрузив на ее башне бюст В. И. Ленина.

В походах наши ученые пересекли самые труднодоступные районы Антарктиды.

Три раза маршруты их прошли через Полюс недоступности: в 1958, 1964, 1967 годах. Во время этих походов были сделаны крупные научные открытия, открыты подледные горы, получившие в честь советских ученых имена Вернадского, Гамбургцева и других.

Антарктида сейчас — это огромная научная лаборатория. Сотни ученых разных специальностей ведут здесь свою работу. Посмотрите, как измеряется солнечная радиация на советской обсерватории в Мирном.

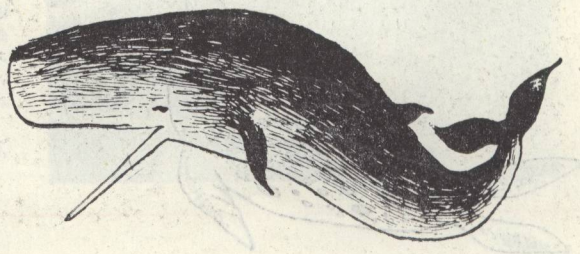

А это станция Молодежная. Морозы и страшные ветры предъявляют строгие требования к строителям. И вот созданы новые, удобные и прочные домики из готовых плит.

О многом говорят и названия наших станций. Вот на краю карты около Мирного кружок с надписью «Пионерская». Это пер-

вая советская внутриконтинентальная станция, построенная через несколько месяцев после высадки Первой советской антарктической экспедиции. Она была самой трудной, здесь мы все узнавали впервые — впервые столкнулись с семидесятиградусными морозами, кислородным голоданием, странными радиопомехами. Эта станция прокладывала путь будущим станциям, принимая на себя удар незнакомое, — она была настоящим Пионером.

Названия станций Мирный и Восток даны в честь шлюпов экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, открывших Антарктиду. Об этом же говорят названия станций Лазарев и Новолазаревская и новой станции, кото-

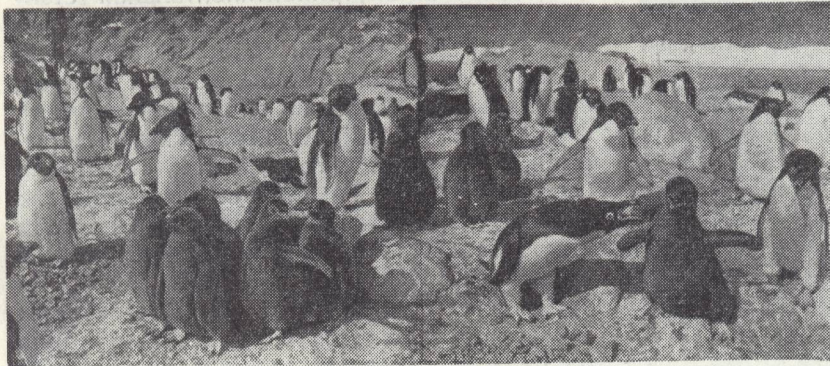
рую откроют в этом году в Западной Антарктиде — Беллинсгаузен.

Сейчас база советской экспедиции переместится из Мирного в Молодежную. Здесь на прекрасно оборудованной станции будет создан центр исследования новых районов Антарктиды, где еще не бывал ни один ученый.

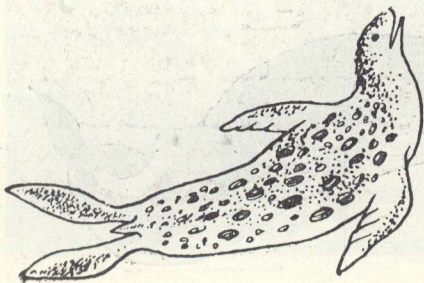
Пунктирными линиями на карте показаны всего несколько маршрутов наших замечательных летчиков, которые пролетели сотни тысяч километров над белым континентом, помогая строить станции, снабжая санно-гусеничные поезда всем необходимым в пути и доставляя ученых к месту работ.

В юбилейный год в Антарктиду отправляется Тринадцатая советская антарктическая экспедиция, но еще много лет предстоит там работать ученым, чтобы окончательно сорвать покров тайны с этого далекого и холодного материка. Я уверен, что многие из читателей «Пионера», когда подрастут, будут участвовать в этих исследованиях.

Изучение Антарктиды только начинается. Будьте готовы к этой трудной, но страшно интересной работе.

В мире и дружбе живут ученые с коренными обитателями Антарктиды. Они изучают и берегут эти удивительные существа, пережившие оледенение. Все колонии пингвинов объявлены заповедниками.

ПРО ПОЛЮСА, АЙСБЕРГИ И ТЮЛЕНЕЙ

АНТАРКТИДА — САМЫЙ ХОЛОДНЫЙ КОНТИНЕНТ. На станции Восток советские ученые зафиксировали температуру — 88,3°. Как себе представить такой холод, что это значит — 88,3°? Вот что рассказывает об этом знаменитый советский полярник и ученый А. Ф. Трешников: «Металл становится очень хрупким и, подобно стеклу, колется на куски. Резиновые шланги и провода разрушаются от малейшего перегиба. Бензин при —85° совершенно не испаряется, и в ведре с бензином можно гасить горящий факел».

АНТАРКТИДА — САМЫЙ ВЫСОКИЙ КОНТИНЕНТ. Конечно, это относится к материку вместе с покрывающей его ледяной шапкой. Средняя высота Восточной Антарктиды — 2 500 м, а всего материка — 2 300 м. Средняя же высота всех остальных материков — около 900 м. А если бы ледяная шапка растаяла, шестой материк, избежавший от этой огромной тяжести, поднялся бы еще на 500 м.

АНТАРКТИДА — САМЫЙ ГЛАВНЫЙ СКЛАД ПРЕСНОЙ ВОДЫ НА ЗЕМЛЕ. Здесь сосредоточено 90% земных льдов. Климат вечного мороза спасает льды от таяния.

АНТАРКТИДА НЕ ТОЛЬКО МИРОВОЙ ПОЛЮС ХОЛОДА И ПОЛЮС ВЕТРОВ. ЗДЕСЬ ЕЩЕ НАХОДИТСЯ И ПОЛЮС РАДИАЦИИ ЗЕМЛИ. Это значит, что за лето Антарктида получает больше солнечной радиации, чем экватор. Но все это тепло отражается от льдов и уходит в космическое пространство.

ВЕЛИЧАЙШАЯ В МИРЕ РАВНИНА открыта советскими учеными в Восточной Антарктиде. Ее центральная часть названа плато Советское. Самая высокая точка (4 000 м) находится между станциями Советская и Полюс Недоступности. Отсюда антарктический лед радиально растекается. В районе плато Советское открыта и крупнейшая подледная горная система протяженностью 2 500 км.

ОКОЛО ПЯТИСОТ НОВЫХ НАИМЕНОВАНИЙ присвоено советскими учеными вновь открытым и занесенным географическим объектам в Антарктиде.

САМЫЙ КРУПНЫЙ АЙСБЕРГ был обнаружен в декабре 1965 года на рейде станции Молодежная. Его размеры — 160×72 км.

ПОСЛЕ СТОЛЕТНИХ ПОИСКОВ ученые обнаружили только три вида цветковых растений на Антарктическом полуострове. Но даже Центральная Антарктида не биологическая пустыня. На горе Нансена в 360 км от станции Южный Полюс американские исследователи нашли несколько видов лишайников.

ПИНГВИНЫ — ЕДИНСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА, пережившие оледенение когда-то теплой Антарктиды.

МУМИИ ТЮЛЕНЕЙ И ПИНГВИНОВ находили ученые в различных частях Антарктиды далеко от берега и на большой высоте. Возраст их — 1000—2000 лет. Предполагается, что животные пробрались туда сами, а после их гибели под влиянием сухого и холодного воздуха их останки высохли, но не разрушились, а превратились в естественные мумии. Это говорит о том, что климат здесь был постоянным.

ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ВСЕХ АНТАРКТИЧЕСКИХ РЫБ — БЕЛОКРОВИЕ.

АНТАРКТИДА ОБЪЯВЛЕНА БЕЗАТОМНОЙ ЗОНОЙ И КОНТИНЕНТОМ ДРУЖБЫ, равно открытым для исследования в мирных целях всеми странами. В том, что в 1958 году двенадцать стран подписали этот договор, немалую роль сыграла дружба ученых многих стран. В суровых условиях, по-товарищески помогая друг другу, они добиваются больших успехов на благо всего человечества.

С ТОБОЙ ГОВОРЯТ ФОТОГРАФИИ

Снова конгресс Коминтерна. Третий конгресс летом 1921 года в Москве. Съехались представители коммунистических и социалистических партий сорока восьми стран. Делегаты международных союзов молодежи и женщин. Ленин выбран почетным председателем конгресса. Он сделал доклад о политике и тактике РКП(б). Конгресс дружно одобрил политику и тактику руководимой Лениным Российской коммунистической партии. Выступают делегаты — французы, немцы, англичане, русские.

Вот наш Ленин. Фотоаппарат запечатлел его в ту минуту, когда в разгаре речей Владимир Ильич присел на ступеньку трибуны и, подперев лоб левой рукой, быстро записывал что-то выступление, чтобы поддержать и одобрить верную мысль или, напротив, опровергнуть. Вся его поза говорит об углубленной работе, напряженном внимании и о простоте, простоте. Почетный председатель конгресса, вождь нашей партии, глава государства присел на ступеньку и торопится, пишет. Дорогой наш Владимир Ильич! Мы бесконечно чтим и любим его!

Ленин работает. Ни одной пропущенной мысли, ни одной неслышанной речи! Ленин умел уважать, ценить, слушать людей. У него всегда было много друзей и товарищей, объединенных общим делом, общей борьбой. И на Третьем конгрессе среди французских, немецких, испанских и других коммунистов у Ленина много друзей.

В 1921 году гражданская война окончилась. Интервенты были изгнаны из страны почти всюду. Белогвардейцы, офицеры, генералы бежали лакействовать в капиталистических странах Запада.

Но было еще трудно, очень трудно. Жестокий голод обрушился на много губерний, сотни тысяч людей бедствовали и гибли от голода.

Ленин говорил в это время, что в первую очередь надо добиться улучшения сельского хозяйства.

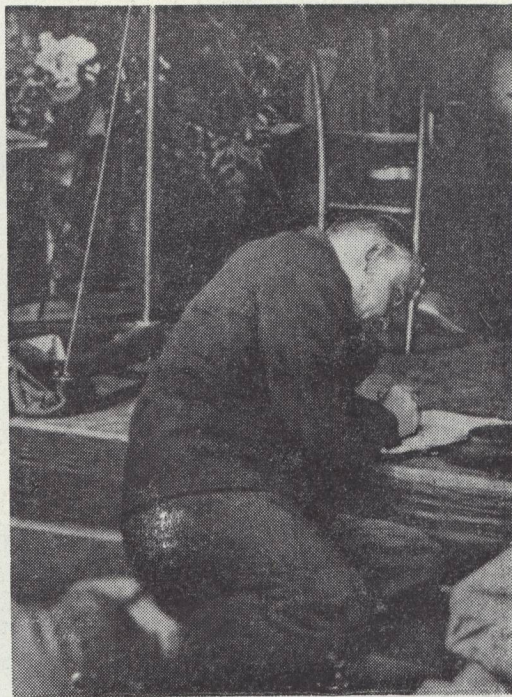
— Во что бы то ни стало! — говорил Ленин. — Подъем сельского хозяйства — главнейшая и первоочередная задача!

И все народные силы устремились на выполнение этой задачи.

В это время, в октябре 1921 года, на Бутырском хуторе, близ самой Москвы, в Высшем зоотехническом институте происходило важное событие. На учебно-опытных полях института испытывался электроплуг. Первый наш электроплуг. Наконец он готов.

В хмурый денек октября Владимир Ильич приехал на испытание электроплуга. Вот плуг пошел, делая сразу восемь глубоких борозд. Ленин смотрит с огромным интересом. А рядом — видите! — какой-то малыш в низко нахлобученной шапке. Как серьезен, как увлечен! Плуг-самород, разве это не чудо! Первый опыт оказался не вполне совершенным. Но за первым будут еще, еще и еще. На колхозные поля придут мощные агрегаты и электротракторы.

И свершится мечта, которая так удивила Уэллса, а благодаря гению Ленина стала реальностью.

На малой центрифуге.

Врач делает электроэнцефалограмму.

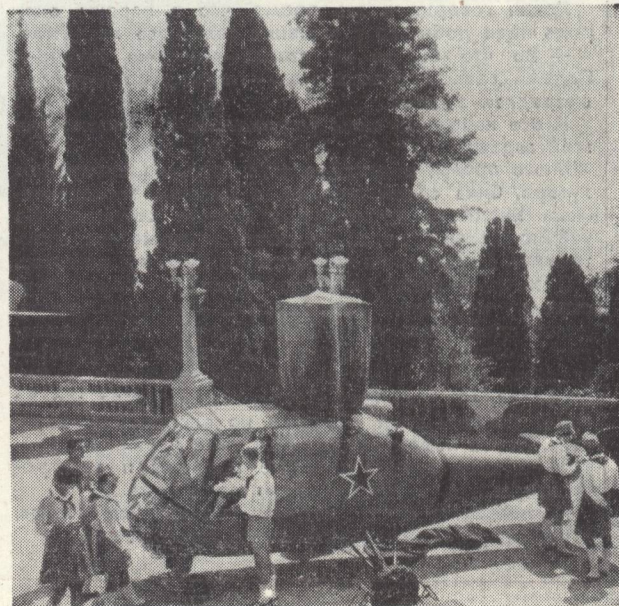
Юные космонавты в настоящих вы-
сотнокompенсирующих костюмах.

Вертолет конструкции Камова.

Космос В подарок

Фото В. КУЗЬМИНА.

Хотите совершить путешествие? Присоединяйтесь к нашей экскурсии. Мы отправляемся в Артек, на авиационно-космическую выставку. Эту выставку подарили ребятам к 50-летию Советской власти ученые, конструкторы, космонавты, военачальники Советской Армии.

Во всем мире нигде больше нет такой замечательной выставки.

Итак, в путь! Поезда нам не надо. Самолета не надо. На южный берег Крыма нас перенесут страницы журнала «Пионер». А нашим экскурсоводом будет летчик-космонавт полковник

Алексей Архипович ЛЕОНОВ

Я предлагаю начать знакомство с выставкой с фотографий на цветной вклейке.

Вы сразу почувствуете, что на нашей выставке нет ничего игрушечного, — все настоящее, все всерьез.

Вот посмотрите: человек в космосе. Он покинул кабину корабля и вышел в космическое пространство. Когда я впервые увидел снимок, мне показалось: это моя фотография. Удивительно все похоже на то, как было на самом деле. Но это, конечно, не я. Это муляж, макет человека. А вот

Стенд безопорного состояния.

За пультом управления инструктор. Он дает задания девочке в кабине тренажера.

скафандр настоящий. Я летал точно в таком. Я пользовался таким же гермошлемом с фильтром и с помощью точно такого же фала был связан с кораблем.

Парашют тоже настоящий. С таким парашютом, покинув самолет, летчик опускается на землю.

На фотографии справа — отличный самолет «МИГ-15 БИС». На этом самолете летали все космонавты. Правда, сейчас мы летаем на более сложных машинах.

А теперь посмотрим другие снимки.

Видите, ребята всю тренируются — в тренажерах для пилотов, на приспособлениях для космонавтов.

У них настоящие высотнокомпенсирующие костюмы. В таких костюмах летают космонавты и летчики.

Мальчишка повис в воздухе. Он занимается на стенде безопорного состояния. В открытом космосе космонавт не имеет точки опоры. И стенд имитирует это состояние. На таком стенде мы отработывали координацию движений, испытывали, сколько усилий потребуется, чтобы вывести тело в нужное положение, сохранить это положение тела в пространстве.

Теперь обратите внимание на мальчика, который сидит в кресле. Рядом с ним человек в белом халате. Начинается важнейший медицинский эксперимент. Врач попросит мальчика решить задачу и станет записывать биотоки, которые проходят в это время в коре больших полушарий головного мозга. Задача может быть самой простой: ну, допустим, нужно умножить шестнадцать на двадцать три. Важно проверить, с какой быстротой проходит процесс мышления, насколько верно решает будущий космонавт задачу, когда наступает у него утомление. Об этом расскажет врачу графическая запись биотоков — электроэнцефалограмма. Не будем мешать, отправимся к ребятам у вертолета.

Вертолет конструкции Камова настоящий, испытанный. Мы, космонавты, тренируемся на таких вертолетах. Летчики вы-

полняют на них боевые задачи, ведут разведку погоды, обнаруживают место пожаров, оказывают помощь экипажам, терпящим бедствие в море.

Прежде чем выполнять сложные полеты, я да и все мои товарищи налетали много часов на земле. Как можно летать на земле? Очень просто — в кабине тренажера. Электронно-счетная машина программирует весь полет, и летчик «летит» вслепую, по приборам. Вот так, как эта девочка на фотографии. Она улыбается, но это вовсе не значит, что ей легко. Мальчик за пультом управления специально создает для нее разные воздушные неприятности. Не могу сказать по снимку, чем именно испытывают сейчас девочку. Мой инструктор проверял меня долго: то, бывало, «введет» болтанку, то, наоборот, «выведет» из строя прибор. Когда я научился безошибочно справляться со всеми трудностями, неисправностями, неожиданностями, мне разрешили летать на боевом самолете. Если бы не тренажеры, летчики учились бы летать значительно дольше.

Не случайно для ребят устроили эту выставку. Ребята — это люди будущего, им придется решать задачи гораздо более сложные, чем нам. Надо, чтобы мальчишки и девочки с детства понимали и видели сложность техники, с которой им придется работать.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Родине

Чуть звенят хлеба,
над землей склонясь.
Поднимается солнце
медленно...
Здравствуй, Родина!
Ты в сердцах у нас
от рождения
до бессмертия.
Все твои цветы.
Все твои цвета.
И твоя весна,
и твоя зима,
и твоя любовь,
и твоя мечта...
А прекрасней тебя
только ты сама!

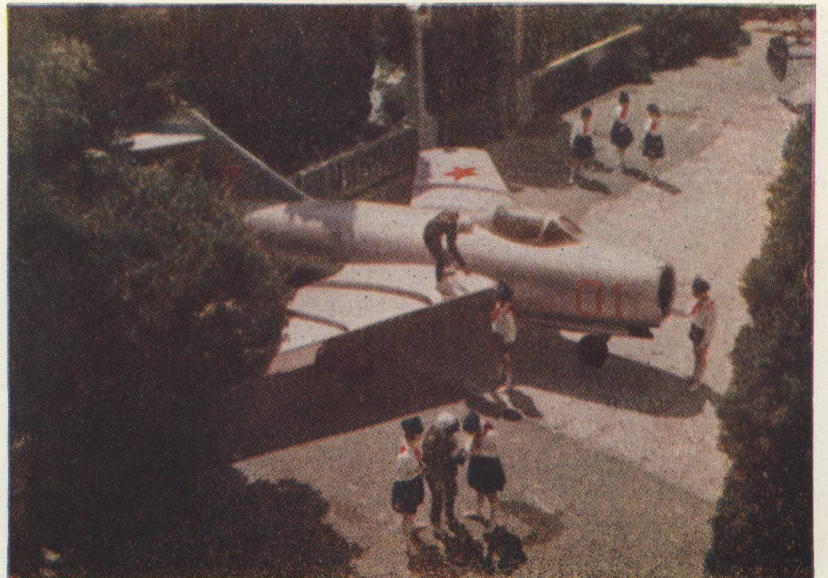
Пустыня и мы

Под песчаные визги
целит солнце
в висок.
Ни ручья,
ни травинки,
только мертвый
песок...
Встанут рощи
густые.
Будет ветер
густым...

Мы
приходим в пустыни,
чтоб не стало
пустынь.

**Космос –
в подарок**

Земля тайн — земля открытий

Наша карта рассказывает о работе советских исследователей в Антарктиде. Перед вами — советские научные станции (флажками отмечены постоянно действующие), маршруты самолетов и санно-тракторных поездов. Тремя белыми звездами помечены Южный географический полюс, Полюс недоступности, Южный геомагнитный и совпадающий с ним Полюс холода. Подробнее о покорении Антарктиды ты можешь прочитать в этом номере журнала.

А теперь посмотри на рисунки.

Легкие самолеты-лыжники, тяжелые двухмоторные машины и работяги-вертолеты были надежными помощниками полярников.

Дизель-электроход «Обь» привозил на шестой континент ученых и других членов экспедиций, а по дороге к Антарктиде и в ее прибрежных водах на корабле шла огромная работа по изучению океана.

Тысячи километров по самым трудным ледовым маршрутам прошла «Харьковчанка» — мощный советский вездеход. Недаром его называют снежным крейсером. А из тягачей с утепленными домками на санях составляли целые поезда.

Бьются мальчиши от темной ночи
до светлой зари.

К рассказу А. Гайдара о Мальчише-Кибальчише сделал рисунок В. Лосин.

Король, как всегда, ехал впереди,
а Иржи — за ним следом.

Иллюстрация Ф. Лемкуля к чешской народной сказке «Златовласка», пересказанной К. Паустовским.

Мистер Твистер, бывший министр...
Решил на досуге объехать мир.

Почти все произведения С. Маршака иллюстрировал художник В. Лебедев. Это рисунок к «Мистеру Твистеру».

— Мальчик, в таком случае возьмите
за четыре сольдо, мою новую азбуку.

Рисунок А. Каневского к книге А. Толстого «Золотой ключик или приключения Буратино».

МНОГО ХОРОШИХ И РАЗНЫХ

Г. БОЛАШЕНКО

Кот-баюн.

Рисунок К. Кузнецова к русской народной сказке «Поди туда—не знаю куда, принеси то — не знаю что».

«Карабас! Карабас!
Пообедаю сейчас!»

Дети плачут и рыдают,
Бармалея умоляют...

Рисунок К. Ротова к сказке
Корнея Чуковского «Бармалей».

Книга с рисунками приходит к тебе тогда, когда ты еще не умеешь читать. Еще раньше, чем родители или учитель, художник раскрывает тебе большой и сложный мир, книга с картинками становится твоей первой художественной галереей.

В детской книге с давних пор писатели и художники работают в тесном содружестве. Самуил Яковлевич Маршак часто писал свои стихи, зная заранее, что их будет иллюстрировать художник В. Лебедев, который обладал удивительным даром раскрыть детям серьезное в смешном. Вспомните стихотворение С. Маршака «Мистер Твистер», и вы обязательно увидите героя этого произведения таким, каким его изобразил В. Лебедев.

Есть у меня бугеновка.
...Если я сяду на диване, надену бугеновку, зажмурюсь, — сразу будто полсотни годов с плеч. Я уже крепок, здоров — и мнится мне, что я на Украине, молодым бойцом, в дыму и пламени гражданской войны...

Рисунок В. Бескаравайного к повести Н. Григорьева «Наш бронепоезд».

Вы смеетесь, читая «Приключения капитана Врунгеля» А. Некрасова, в этом большая заслуга и художника. Неистощимый выдумщик К. Ротов создал яркий образ капитана Врунгеля, дополнил книгу веселыми и забавными эпизодами необычайных приключений капитана и его друзей.

Все вы любите сказки, и этому немало способствуют художники-сказочники. Русские сказки или сказки К. Чуковского неразрывно связаны с рисунками В. Конашевича. В них много фантазии, много смешных подробностей. Можно даже пересчитать перины, на которых спала капризная принцесса из сказки Г.-Х. Андерсена «Принцесса на горошине», а конфеты, пирожные и сласти всевозможные, из которых сделаны девочки в стихотворении «О мальчиках и девочках» С. Маршака хочется внимательно рассмотреть.

Другой художник-сказочник, К. Кузнецов, иллюстрируя «Русские народные сказки», не раз уводил вас за синие моря и далекие горы, в тридевятое царство, в тридесятое государство.

Полны таинственности и очарования рисунки Т. Мавриной к книге «Чудесные звери». Мир, в котором живут звери, кажется немного страшным, но сказочно-прекрасным. А в книге «Ладушки» Ю. Васнецова все знакомо и просто, но не менее красиво. На ее страницы словно сошли все цвета радуги, она сверкает яркими нарядными красками и несет с собой радость.

Вряд ли сегодня отыщется мальчик или девочка, которые не читали сказку А. Толстого «Золотой ключик». Стоит только подумать о веселом проказнике Буратино, и он представляется таким, каким нарисовал его художник А. Каневский. Вы встречаете

В открытую настежь дверь Петя увидел комнату, заваленную сломанной мебелью... Матрос стоял на одном колене у подоконника... Он кричал бешеным голосом:

— Огонь! Огонь! Огонь!

Иллюстрация В. Горяева к повести В. Катаева «Белеет парус одинокий».

с Буратино не только в книге, но и в диафильме и в играх, видите его на открытках. Сатирические рисунки художника помогают вам поверить в добро и правду, осудить зло и ложь.

Может быть, у кого-нибудь из вас есть щенок, ежик, черепаха или веселая птичка-

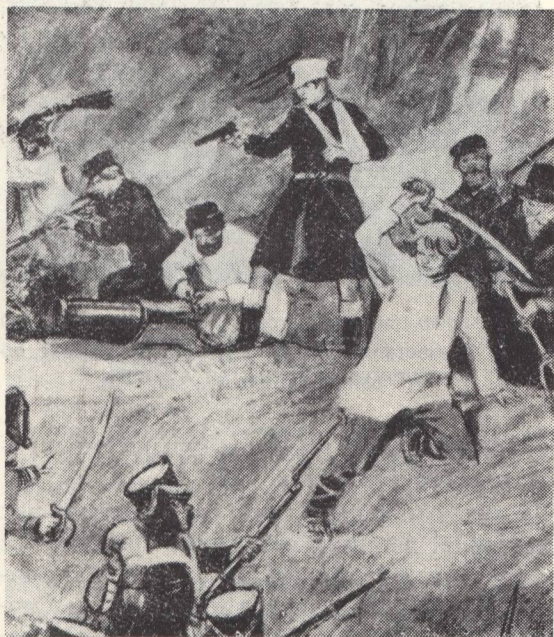
певунья. И хотя зовут их иначе, вы узнаете их в героях книги «Тюпа, Томка и сорока», созданной художником Е. Чарушиным, ведь они так же проказливы и симпатичны.

Вместе с писателем В. Бианки в книге «Первая охота» Е. Чарушин раскрывает вам поэтическую прелесть русской природы, учит любить и понимать животных, видеть в них привлекательное и милое.

Вы растете, шире и разнообразнее становится круг ваших интересов, вместе с новыми авторами приходят к вам и новые художники. Сколько прекрасных иллюстраций создали художники к книгам о ваших сверстниках!

С первых страниц романа В. Катаева «Белеет парус одинокий» художник В. Горяев переселит вас в революционную Одессу, вместе с Гавриком поведет на баррикады и в открытое море. На вас повеет большим человеческим теплом, которым проникнуты иллюстрации. Образы героев, созданные писателем и художником, сливаются воедино.

Для художника Д. Дубинского Аркадий Гайдар был писателем его собственной юности. Обаятельные поэтические иллю-

*Ленин подошел ко мне, спрашивает ласково:
— Не холодно вам, товарищ?
А я ему и говорю:
— Нет, товарищ Ленин, не то что холод, но
и никакие враги не сломят нас!..
Он засмеялся и руку мне жмет крепко.*

Рисунок А. Мосина к рассказу М. Шолохова «Нахаленок».

страции к «Чуку и Геку», «Дальним странам», «РВС» полны той же романтики, что и рассказы Гайдара, и, конечно, вы не останетесь равнодушными к судьбам его героев, образы которых так хорошо воплотил в своих рисунках художник.

С лучшими образцами мировой литературы вас знакомят художники Д. Шмаринов и Е. Кибрик. К книгам А. Пушкина и

...Разбойники выстрелили из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты.

Иллюстрация Д. Шмаринова к повести А. Пушкина «Дубровский».

Мендуме показал на снежные горы. Я посмотрел туда и увидел на белом снегу два коричневых пятнышка, побольше и поменьше. Это была олениха с олененком.

Рисунок М. Митурича к рассказу Г. Снегирева «Мендуме».

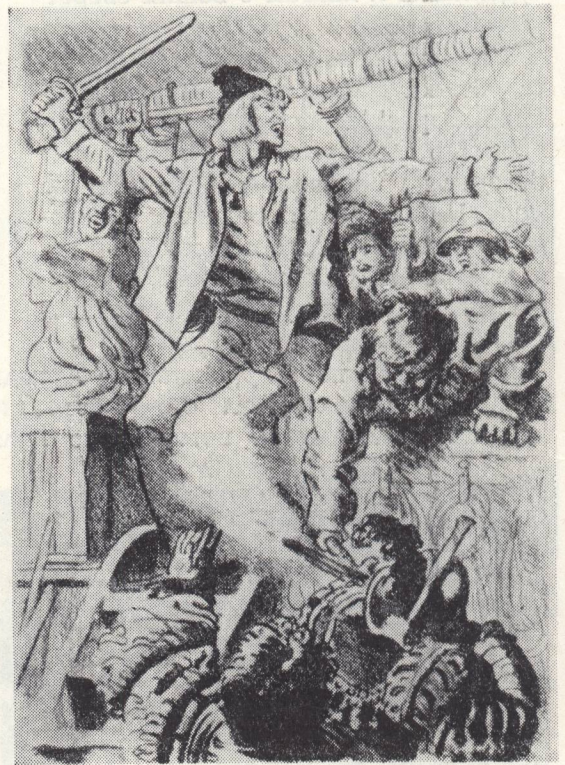

Ребятишки молча жались друг к другу.

Иллюстрация Д. Дубинского к рассказу А. Гайдара «Четвертый блиндаж».

Н. Гоголя, Н. Некрасова и Л. Толстого, Шекспира и Шарля де Костера художники создали рисунки, которые помогают понять характер литературного образа, почувствовать в нем героическое и лирическое, стать как бы участником описываемых событий.

Замечательные гравюры на дереве к «Слову о полку Игореве» и к «Борису Годунову» создал Владимир Андреевич Фаворский. А его иллюстрации к книге Н. Кончаловской «Наша древняя столица» как бы летопись Москвы, где художник ведет вас в древнее городище, показывает великолепные изделия народных умель-

Здесь завязывается кровопролитный бой. Иллюстрация Е. Кибрика к «Легенде об Уленшпигеле» Шарля де Костера.

цев, знакомит с укладом жизни москвичей многих столетий.

Вы читаете книги, которые знакомят вас с историей великих открытий прошлого, с новейшими достижениями науки и техники сегодняшнего дня, с дерзаниями и смелыми гипотезами, проникнуть в мир кото-

— Ах, я спала очень, очень плохо! — сказала принцесса.

Рисунок В. Конашевича к сказке Г.-Х. Андерсена «Принцесса на горошине».

С вечера до света реют стрелы,
Гремят остры сабли о шлемы,
С треском копья ломаются булатны,
Среди неведомого поля,
В самом сердце Половецкой степи.

Гравюра В. Фаворского к «Слову о полку Игореве».

рых вам тоже помогают художники. Вы вглядываетесь в рисунки Б. Кыштымова и вместе с ним опускаетесь в морские глу-

бины в книге Н. Надеждиной «Моревизор уходит в плавание», познаете тайны большой химии в книге А. Дорохова «Карлики и великаны». Художник всегда заботится о точности и наглядности изображения, помогающего вам понять разнообразный и сложный материал.

С каждым годом книг для детей становится все больше, потому что с первых дней после Великого Октября государство проявляет заботу о развитии детской литературы. Сейчас в нашей стране ежегодно выходит в свет более двухсот миллионов экземпляров детских книг — это в тридцать раз больше, чем издавалось перед революцией.

Мы показали здесь только шестнадцать рисунков и не назвали еще много славных имен художников детской книги, за 50 лет неустанного труда подаривших вам на радость огромное богатство своих иллюстраций. И когда вы будете читать новую книгу, вспомните о художнике.

Глядит охотник — из сапога хвост высовывается. Схватил лисенка за хвост и вытащил из сапога; встряхнул сапог — и другой выскочил.

Рисунок Е. Чарушина к его рассказу «Лисята».

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Среди музыкантов лагерного духового оркестра Паша Седов был самым маленьким. Зато его барабан был самым крупным инструментом. Даже труба геликон, которая медным удавом обвивала верзилу Караваева, и та уступала барабану по величине. Тяжелый барабан висел на Пашином плече на потертой брезентовой лямке, и мальчику приходилось слегка откидываться назад, чтобы удержать равновесие. Кроме того, в руке он держал не легкие точеные палочки, похожие на восклицательные знаки, а здоровую колотушку с войлочным набалдашником. Этой колотушкой Паша наносил искусные удары, заставляя свой громоздкий инструмент подпевать трубам. Непросвещенному человеку кажется, что он и сам запросто сможет сыграть на барабане. Заблуждение! Паша Седов играл по нотам, на которых было написано: «Партия барабана». Он задавал тон всему оркестру.

Барабан был старым, потертым, помя-

тым, с большой темной заплатой на круглом боку. А на металлическом ободе старинными, наполовину стершимися буквами были выведены слова: «Гром гремит, земля трясется!» Вероятно, этот странный девиз означал, что в барабане жил громовой дух.

И вдруг барабан пропал.

Обычно он висел над изголовьем Пашиной кровати. На здоровенном гвозде, специально вбитом в стенку. И ребята подшучивали над Пашей:

— Смотри, свалится барабан тебе на голову!

Паша знал, что не свалится. Когда шел дождь и за окном ударял трескучий гром, барабан откликался ему глухим гудением. Ночью же он напоминал мерцающую луну, которая закатилась в спальню четвертого отряда и повисла на гвозде над кроватью Паши Седова.

Собираясь на репетицию, Паша залезал на табуретку и, кряхтя, снимал барабан со

стены. Он шел по палате, стараясь не задеть инструментом за спинки кроватей. А когда запаздывал, припускался бежать, и его заносило в сторону от тяжелой ноши. В строю оркестра Паша шел последним. И не потому, что был меньше всех ростом, просто барабану отведено место в конце, а впереди полагается быть трубам, хотя ни одна труба и даже все трубы вместе не могли заглушить тяжелых вздохов барабана или его веселого увесистого грома. Гром гремит, земля трясется! Бум! Бум! Бум! Барабан подсчитывал ногу, а колотушка с войлочным набалдашником была как бы дирижерской палочкой. Но сам барабанщик был почти не виден. И со

стороны казалось: огромный барабан шагает на двух ногах со сбитыми коленками, в стоптанных сандалиях.

Куда девался барабан? До обеда он преспокойно висел на стенке. А когда четвертый отряд вернулся в палату, его уже не было. Торчал один гвоздь. Паша Седов сразу заметил пропажу. Он тут же обшарил всю палату, заглянул под каждую кровать, несколько раз обошел корпус. Не иголка же в стогу сена — барабан.

Паша привез его с собой издалека. Он ехал в лагерь целых три дня. В вагоне не нашлось места для его инструмента. Пришлось положить его на полку и самому лечь на оставшееся место. Так Паша и спал, свернувшись калачиком, всю дорогу делил полку с барабаном.

— Ты бы сдал его в багаж, — советовали пассажиры.

Легко сказать — в багаж! А если там инструмент уронят, завалят тюками или продавят бок? Благодаря! Это не сундук с пожитками, а оркестровый инструмент.

И вот теперь барабан пропал.

Весь день Паша искал свой инструмент. Он обошел лагерь. Заглянул в каждый укромный уголок. И всех спрашивал:

— Не видали барабан?

Все пожимали плечами. Никто не видал.

Когда отряд пошел на ужин, Паша остался в палате.

— Пока не найду барабан, есть не буду, — сказал он.

— Что же ты, голодовку объявляешь?

— Нет. Не голодовку. Но пока не найду барабан, есть не буду.

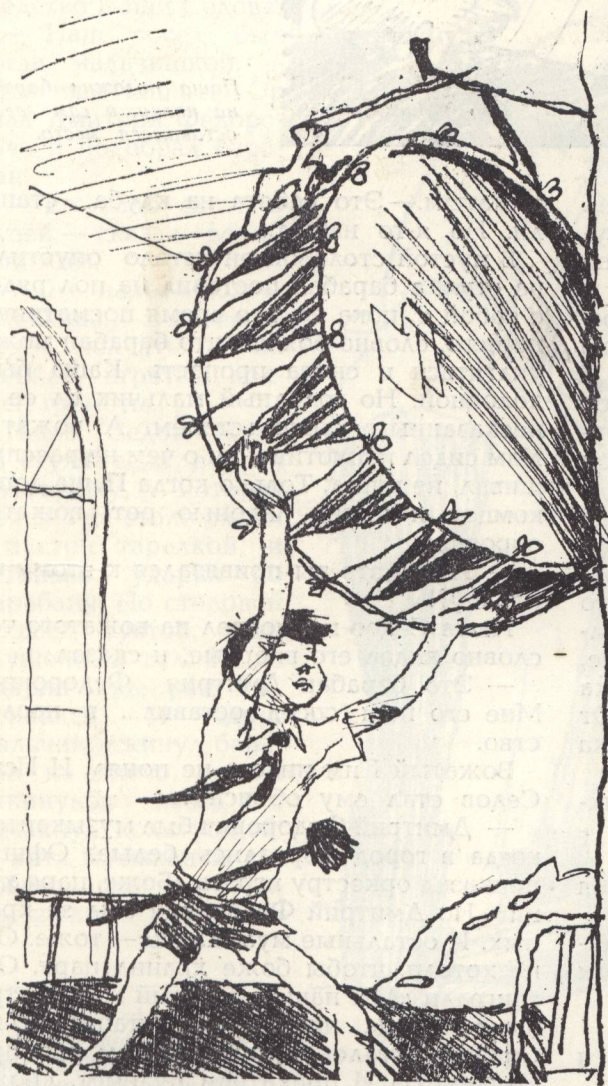
Когда на линейку вышел оркестр без барабана, привычный марш звучал вяло и глухо. Трубы играли вразнобой, словно в оркестре не хватало теперь главного инструмента.

— Не расстраивайся, — сказал Паше вожатый Ким. — Мы тебе купим новый барабан.

— Зачем мне новый, — ответил Паша Седов. — Мне нужен мой. Это — мое наследство.

— Что ты, помещик какой, что у тебя... наследство?

Паша промолчал. Он побрел в палату. И лег спать, так и не приронувшись к ужину.

Паша, кряхтя, снимал барабан со стены.

Паша положил барабан на полку, а сам лег на оставшееся место.

А утром ребята обнаружили, что пропал сам Паша Седов. Его кровать была аккуратно заправлена. Самого же Пашу не было.

На утренней линейке объявили, что после завтрака вся дружина отправляется на поиски пропавшего барабанщика.

Лагерь опустел. Все отряды ушли. Вот ребята превратились в следопытов. Все ругали Пашу. Куда он девался? Где ищет он свое странное наследство?

Паша Седов появился в лагере, когда усталые от долгих, бесполезных поисков ребята спали. Он вошел в ворота, прихрамывая, со впавшими глазами. Вид у него был воинственный, словно он возвращался в лагерь из боя. Барабан висел на плече, как большой круглый щит, а колотушка была зажата в руке, как боевая булава. От долгого пути и от тяжести Пашу слегка покачивало из стороны в сторону.

Вожатый Ким увидел Пашу и воскликнул:

— Нашелся!

— Нашел... — тихо выдал из себя Паша.

— Где ты был? — спросил Ким, разглядывая Пашу. — Тут весь лагерь на ноги подняли, всюду тебя искали.

— Мне бы поесть, — сказал Паша.

— Да, да. Пошли в столовую. Давай я понесу... барабан.

— Я сам, — буркнул Паша, поспевая за

вожатым. — Это ребята из клуба... стащили. Но я-то нашел...

В пустой столовой он устало опустился на стул, а барабан поставил на пол рядом с собой и, пока ел, все время поглядывал на него, словно боялся, что барабан может укатиться и снова пропасть. Каша была холодной. Но голодный мальчик ел ее с несказанным удовольствием. А вожатый Ким сидел напротив и ни о чем не расспрашивал, не ругал. Только когда Паша допил компот и вытер ладонью рот, вожатый спросил:

— И что это ты привязался к этому барабану?!

Паша Седов посмотрел на вожатого так, словно видел его впервые, и сказал:

— Это барабан Дмитрия Федоровича. Мне его наш сосед оставил... в наследство.

Вожатый Ким ничего не понял. И Паша Седов стал ему объяснять:

— Дмитрий Федорович был музыкантом, когда в город ворвались белые. Офицер приказал оркестру играть «Боже, царя храни». Но Дмитрий Федорович был за красных. И остальные музыканты — тоже. Они не хотели, чтобы боже хранил царя. Они заиграли «Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем — тот станет всем». Офицер ругался, кричал. Потом крикнул: «Пулемет!» И прикатили пулемет. «Боже, царя храни!» — закричал белый офицер.

Но музыканты играли «Это есть наш последний и решительный бой». И Дмитрий Федорович, барабанщик оркестра, тоже играл: «Это есть наш последний и решительный бой». Офицер крикнул: «Огонь!» И пулемет ударил по красным музыкантам...

Паша Седов посмотрел на барабан и провел ладонью по большой темной заплате.

— Вот здесь,— сказал он,— пробил пули.

В столовой было очень тихо. Вожатый Ким наклонился к барабану, потрогал его рукой и прочел слова, написанные Дмитрием Федоровичем на своем барабане: «Гром гремит, земля трясется!» Повар вышел из кухни и тоже долго рассматривал наследство Пашы Седова.

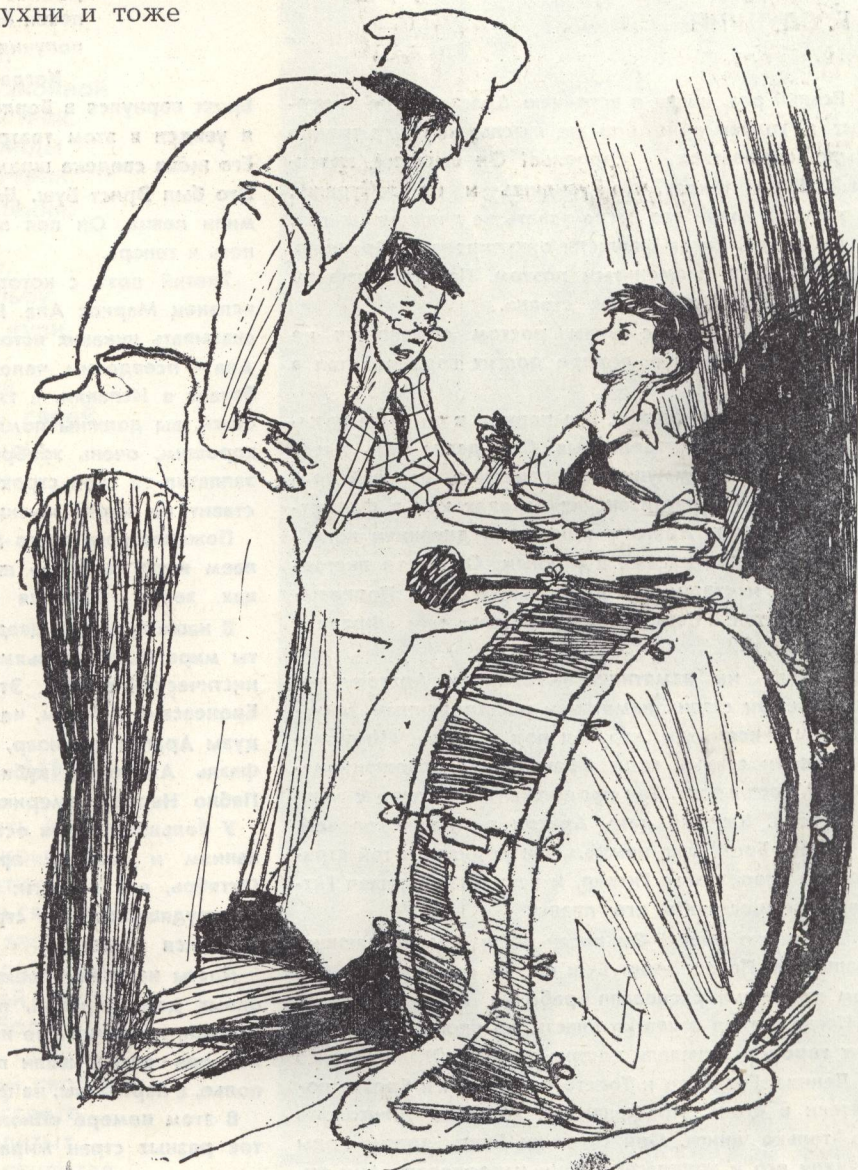
— Наш сосед был тогда мальчишкой,— объяснял Паша.— Он знал Дмитрия Федоровича и подобрал барабан.

— Его надо сдать в музей,— сказал вожатый Ким.

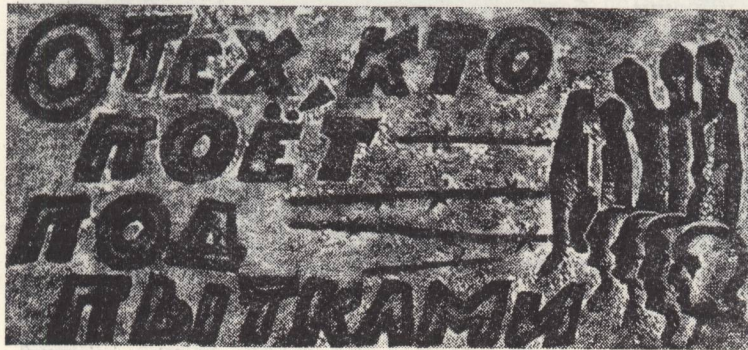
— Не надо,— возразил Паша,— в музее он будет молчать. А он должен играть... должен греметь...

Паша Седов встал со стула, взял в руки колотушку, которая лежала на столе рядом с пустой тарелкой, и легонько ударил по барабану. По столовой прошел густой, приглушенный гул. Паша ударил еще раз. Гул усилился. И вдруг мальчик вскинул барабан на плечо, слегка откинулся назад и взмахнул колотушкой. И хотя музыканты духового оркестра крепко спали и трубы их

молчали, вожатый Ким и повар узнали музыку, которую исполнял Паша Седов на своем большом инструменте. Из глубины барабана вырвалась знакомая боевая мелодия, разбуженная маленькой рукой и большим сердцем. Эта мелодия крепла, заполняла столовую и вырывалась наружу, как сигнал побудки. Это была та самая мелодия, которую под пулеметным огнем исполняли красные музыканты, не желавшие, чтобы бог хранил царя, отдавшие свою жизнь в последнем бою, чтобы построить свой новый мир.

— Не надо сдавать его в музей,— возразил Паша.— В музее барабан будет молчать. А он должен играть... греметь...

Б. СЛУЦКИЙ

Всякий раз, когда я встречаю Арагона, мне приходит в голову одна и та же мысль: как ему трудно было скрываться в подполье! Он высокий, красивый. Лицо такое, что увидишь и не забудешь. В уличной толпе его легко узнать за двадцать шагов. В 1940 году, когда фашисты оккупировали Францию, он уже был знаменитым поэтом. По фотографиям в газетах его знала вся страна.

С таким лицом, с таким ростом скрываться не просто. Арагон же четыре долгих года работал в подполье.

Он был коммунистом. Его партию в те годы называли партией расстрелянных. Семьдесят пять тысяч французских коммунистов, наверное, каждый третий, погибли в партизанских отрядах или в фашистских застенках. Арагону приносили дневники погибших, последние письма к родным. Он писал листовки, стихи и статьи для подпольных газет. Подписывался он так: «Свидетель мучеников» или «Франсуа Гневный».

— Ставь им памятники! — говорили Арагону товарищи. Он ставил памятники расстрелянным, замученным — всем тем, кто пел под пытками «Интернационал» и старый гимн французских революционеров «Марсельезу». Так продолжалось четыре с лишним года. Каждый день Арагон рисковал головой.

А поэт Брехт был немцем. Он родился в той стране, где зверствовал Гитлер, и всю жизнь мешал Гитлеру осуществлять его планы.

Что делал Брехт! Он писал песни, высмеивающие фашистов. Певец Эрнст Буш пел их с эстрады. А потом эти песни распевали рабочие всей Германии.

Когда Гитлер захватил власть, на площадях немецких городов запылали костры из книг. Жгли Маркса и Ленина, Горького и Толстого. Все книги Брехта полетели в огонь. Но фашистам хотелось уничтожить не только книги. Они схватили Буша, долгие годы мучили его в концлагере. Они изуродовали ему ли-

цо, чтобы Буш никогда больше не мог петь против Гитлера. Брехт в последний момент успел перейти границу. Фашисты знали, что в Германии осталась его любимая дочь, трехлетняя Барбара. Пока девочка в их власти, Брехт не посмеет выступать против Гитлера, думали они. Но подпольщики организовали операцию по спасению дочери Брехта. Девочку вывели погулять. Несколько женщин передавали ее из рук в руки, пока она не попала к отцу.

Песни Брехта запели певцы всего мира. Радио Москвы передавало их для немецкого народа. Среди этих песен была и печальная история «Что получила жена солдата».

Когда фашисты были разгромлены, Брехт вернулся в Берлин и основал театр. Однажды я увидел в этом театре высокого, худого актера. Его щека сведена шрамом и немного подергивалась. Это был Эрнст Буш. Долгие пытки в лагере не сломили певца. Он пел под пытками. Он продолжает петь и теперь.

Третий поэт, с которым вы встречаетесь здесь, — испанец Маркос Ана. Но о нем нельзя куда-то рассказывать никаких историй. Дело в том, что Маркос Ана — псевдоним человека, который и сейчас работает в Испании, в глубоком подполье. Читая его стихи, вы должны помнить, что они написаны очень хорошим, очень храбрым человеком, который уже заплатил за свои строки и до сих пор каждый день ставит на карту жизнь.

Пожелаем же всего доброго Маркосу Ане. Пожелаем всего доброго людям, которые во всех концах земли борются за свободу оружием стиха.

В наше время, в двадцатом веке, величайшие поэты мира были друзьями рабочего класса и коммунистической партии. Это турок Хикмет. Это поляки Броневский и Тувим, чех Незвал, немец Брехт, французы Арагон и Элюар, испанцы Гарсиа Лорка и Рафаэль Альберти, кубинец Николас Гильен, чилиец Пабло Неруда, американский негр Ленгстон Хьюз.

У больших поэтов есть особая чуткость к переживаниям и мыслям простых людей. Когда грянул Октябрь, его лозунги: мир, труд, свобода — дошли до трудящихся всех стран, в том числе до тех, кто трудился стихом.

Поэты написали прекрасные песни для революционных демонстраций, поэмы, славившие восстание, и стихи, поднимавшие на борьбу. А когда было нужно, они откладывали перо и бумагу и шли в подполье, в партизаны, на фронт.

В этом номере «Пионера» вы прочтете стихи поэтов разных стран мира, которые всю жизнь боролись за счастье людей.

Ленгстон ХЬЮЗ

США

БАЛЛАДА О ЛЕНИНЕ

Мой русский товарищ Ленин,
Ты в мраморном гробу.

Дай вместо тебя я лягу,
А ты продолжай борьбу.

Я Иван, крестьянин,
В глине мои сапоги.
Как мне бороться дальше?
Встань, растолкуй, помоги!

Мой русский товарищ Ленин,
Ты как живой в гробу.

Дай вместо тебя я лягу,
А ты нас веди на борьбу.

Я Чико, я в Африке знойной
Сахарный режу тростник.
Ты бросил луч надежды
На Черный наш материк.

Мой русский товарищ Ленин,
Не место тебе в гробу.

Дай вместо тебя я лягу,
Ты встань и зови на борьбу.

Я Чжан, шанхайский кúли,
Бастую много дней.
Для дела революции
Мне жизни не жаль своей.

Мой русский товарищ Ленин,
Я заповедь слышу твою:
«С рабочими я навеки,
И наше место в строю».

1924 г.

Маркос АНА
ИСПАНИЯ

ПИСЬМО К МИРУ

Защелкнула пасть капкана
мои молодые крылья:
душа одичалой птицей
трепещет, подняться силась,
но ей не сорвать засовы,
что в тело мое вонзились.
Шесть тысяч ночей кружила
луна на моем небосводе,
и столько же раз тянулся
мой сон к золотой свободе.
Не видел я на рассвете
цветов, росую залитых,
лишь кровь моя, отцвевая,
кропила серые плиты.

О, знали бы вы, как тяжело
мы бьемся в зубах капкана,
летели б на крыльях ветра,
на гребнях волн океана,
смыкая стальные пальцы
на горле тюремной стражи,
чтоб из могилы вырвать
то, что по праву ваше!
И если придете поздно,
и если, сорвав засовы,
найдете мой труп холодный
и мертвых друзей в оковах,

Рисунки В. НЕКЛЮДОВА

возьмите мечты и муки,
останки знамен бесценных
и те имена, что нежно
царапали мы на стенах.
И нам глаза закрывая,
оставьте в них эти своды,
и да сгинет вместе с нами
гробница нашей свободы!
О, знали бы вы, как тяжко
мы в пасти капкана

страждем,
примчались бы, стиснув
пальцы
на горле тюремной стражи,
чтоб из могилы вырвать
то, что по праву ваше!
И если придете поздно,
под сводами каземата
найдите мое завещанье:
все, что берег я свято,
все, что имел и отстаивал,
все, чем я был когда-то.
Я миру любовь оставляю,
мои стихи и дерзанья,
то знамя, что я ни разу
не запятнал слезами,
и на источенном камне
перед тюремным порталом
мой крик, застывший навеки,
надгробьем грозным и
алым.

Луи АРАГОН
ФРАНЦИЯ

БАЛЛАДА О ТОМ, КАК ПОЮТ ПОД ПЫТКОЙ

«Нет, колебанье бесполезно,
Все ясно для меня,
Я говорю из тьмы железной
Для завтрашнего дня».

В одной из черных одиночек
Шел разговор всю ночь.
«Согласен,—шепчет переводчик,—
Нам кое в чем помочь!»

Жить, как мы все. Пусть на коленях,
Но жить. Согласен жить!
Шепни нам только слово, пленник,
Чтоб волю заслужить.

Шепни хоть на ухо — и тотчас
Дверь настезь из тюрьмы.
Взвесь и прикинь, сосредоточась:
Не так уж скупы мы.

Смахнуть с земли тебя легко мне.
Легка любая ложь.
Но вспомни, вспомни, только вспомни,
Как белый день хорош».

И тот ответил: «Бесполезно,
Все ясно для меня».
Так он сказал из тьмы железной
Для завтрашнего дня.

И довод прозвучал последний:
«Как люди ни чисты,
Но платят за Париж обедней,
Плати за жизнь и ты».

Шпион ушел с достойным видом,
Скрывая торжество.
И шепчет узник: «Нет, не выдам,
Не выдам никого!»

Пусть гибну! Франции известен
Мой лозунг боевой.
За столько слов ее и песен
Плачу я головой».

Опять вошли, ведут под стражей
На немощный двор.
И рядом вьется скользкий, вражий
Немецкий разговор.

Но что ни скажут, бесполезно.
Молчал он, честь храня,
Под пулями, во мгле железной
Для завтрашнего дня.

Под пулями успел он фразу
Пропеть: «К оружию, гражд...» —
И грянул залп. И рухнул сразу
Товарищ славный наш.

Но «Марсельеза» стала скоро
Той песнею другой,
Той самой лучшею, с которой
Воспрянет род людской.

Константин БИБЛ
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЯВАНКА

Я спросила туана
о его белой даме,
как она поживает
в своем Амстердаме.
Мне таким изумленным
не пришлось его видеть,
между тем я его
не хотела обидеть.

Просто мне интересно:
как она поживает?

Часто ль гости к ней
ходят?

И много ль бывает?

Видно, многие ходят
к большой белой даме,

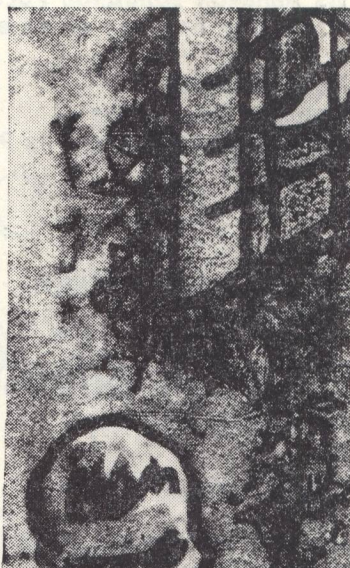
одиноко живущей
в своем Амстердаме.

Видно, море какао
они выпивают,
столько тюков какао
туан посылает.

Видно, сахар грызут
пребольшими кусками,
ведь недаром туан
посылает мешками
сахар с кофе
из наших яванских растений,
на яванскую землю
роняющих тени.

Столько ящиков кофе
туан посылает
той, что утром
неполный стакан

выпивает!

Бертольд БРЕХТ
ГДР

ЧТО ПОЛУЧИЛА ЖЕНА СОЛДАТА?

Что получила в посылке
жена

Из древнего города Праги!
Из Праги прислал он
Жене башмаки.
Нарядны, легки
Ее башмаки
Из древнего города Праги.

А что получила в посылке жена
Из польской столицы Варшавы!
Из Варшавы прислал он рулон полотна,
Рулон полотна
Получила жена
Из польской столицы Варшавы.

А что получила в посылке жена
Из города Осло на Зунде!
Из Осло прислал он на шапочку мех.
Разве у всех
На шапочке мех
Из города Осло на Зунде!

А что получила в посылке жена
Из богатого Роттердама!
Шляпку прислал он, вступив в Роттердам.
На зависть всех дам
«Made in Rotterdam»
Из богатого Роттердама.

А что получила в посылке жена
Из бельгийской столицы Брюсселя!
Из Брюсселя прислал он жене
кружева,

В канун рождества
Прислал кружева
Из бельгийской столицы Брюсселя.

А что получила в посылке жена
Из сказочного Парижа!
Из Парижа прислал он искусственный
шелк.

Ужасно ей шел
Искусственный шелк
Из сказочного Парижа.

А что получила в посылке жена
Из триполитанского порта!
Прислал он жене золотой амулет.
Ну что за привет —
Золотой амулет
Из триполитанского порта!

А что получила в посылке жена
Из далекой холодной России!
Из России прислал он ей вдовый

наряд.

Вдовый наряд
Прислал ей солдат —
Для поминок своих — из России.

Владислав БРОНЕВСКИЙ
ПОЛЬША

ПОКЛОН ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кланяюсь Октябрьской
революции
шапкой до земли, по-польски,
в пояс, —
всем бездомным, что, как к дому,
рвутся к ней,
всем, кому она оплот и поиск.
Шапку, что снимаю перед нею я,
не снабдила цапля острым
перышком —
каторга дала в подарок мне ее,
ночи Шлиссельбурга —
над околышем.
Нас плетями царям учили кланяться,
но и под плетями не мог согнуться я, —
пусть твое святое дело славится,
кланяюсь тебе я, революция.
Кланяюсь праху Рылеева,
кланяюсь праху Желябова —
всем, кого взрастила ты,
взлелеяла,
всем, кому надеждой ты одна была.
Мавзолей Ленина прост, как мысль,
мысль Ленина проста, как дело.

Дело Ленина — простота и высь
революции, не знающей предела.

Кланяюсь могилам Сталинграда,
могилам от Берлина до Москвы,
ведь по ним из лет стального града
в будущее мы мостим мосты.
На земле — на русской и
на польской,
на земле любви и крови —
над polegшим войском встали
войском
цветы, что все вокруг покроят.

Фам ХО
ВЬЕТНАМ

ВОСЕМЬ ЛЕТ

Боец нашел
мальчишку,
Ревущего в кустах.
Отнес его в траншею,
Как дети носят птах.
Взрывались бомбы
рядом,
И шелестел песок,
Боец стрелял, а мальчик
Притих у самых ног.
Он съежился в комочек,
Но превозмог свой страх,
Спросил: «Скажите, дядя,
А где моя сестра!»
Боец ответил хмуро:
«Сестру твою, малыш,
Враги убили нынче.
Не плачь, ты отомстишь!»
И, вновь подняв винтовку,
Прицелился боец.
И выстрелил.
И мальчик очнулся
наконец.
«Малыш, подай
патроны!» —
Услышал голос он.
Спокойный голос друга
Так прерывает сон.
И восьмилетний мальчик
С заплаканным лицом
Себя в минуту эту
Вдруг ощутил бойцом.
Не страшно и не больно,
Легко смотреть вперед,
Когда твой друг обойму
Из рук твоих берет!

У НАС В МОСКВЕ

Лев КАССИЛЬ

Горизонты Москвы

«Здравствуй, столица», «Здравствуй, Москва» — так написано светящимися буквами на высоких щитах, стоящих слева и справа от асфальтовых шоссе, ведущих в город. И дальше, за этими щитами, за этой чертой, начинается уже сама Москва, Большая Москва.

И всякий раз, когда я проезжаю между знакомыми щитами, возвращаясь в столицу, мне вспоминается минута, которая на всю жизнь запала в душу, — минута, когда впервые я увидел из окна вагона на горизонте очертания Москвы. Да, она в ту пору, сорок пять лет назад, была куда дряхлее, меньше, скромнее, значительно более приземленной и путаной, чем сегодня. Ныне она стремглав разворачивается за вагонным окном во весь размах своих новых кварталов, площадей, стадионов, кипит бурным движением в распрямившихся руслах улиц. Она встает над горизонтом громадами новых зданий, устремленными к небу, трубами заводов, тридцатидвухэтажным дворцом науки — университетом и пятьсоттридцатиметровой телевизионной башней в Останкине — самой высокой точкой, когда-либо достигнутой в мире строителями.

А пониже нет-нет да и вспыхнут за крышами зданий, по которым бегут светящиеся буквы объявлений, алые звезды на кремлевских башнях и махнет тебе приветственно навстречу полотнище красного флага над главными государственными учреждениями нашей страны. И радиорепродуктор в вагоне сообщает с торжественностью, которая всегда волнует:

— Наш поезд прибывает в столицу Советского Союза — город-герой Москву!..

Краса и слава

Москва больше, чем просто город, прославленный в веках и приобретший совсем новую славу за последние полвека. Москва больше, чем столица величайшей страны, которая привлекает ныне миллионы туристов со всего мира. Ведь есть города на свете, которые на тысячи лет старше нашей Москвы и покоятся на камнях, заложенных еще задолго до начала нашего летосчисления. И есть, вероятно, города более красивые, чем наша Москва. Во всяком случае, еще пятьдесят лет назад Москва не входила в список тех знаменательных мест, к которым тянулись туристы всех стран, как устремлялись они в Рим, Помпею, Афины, Париж, в Рио-де-Жанейро, к тысячелетним египетским пирамидам или, скажем, к индийским храмам.

Но истинные ценители исторических красот, побывавшие и в давние времена у нас в Москве, всегда с глубоким восторгом и удивлением говорили о дивных творениях древних русских зодчих, о золотых, серебряных и узорных маковках московских церквей, а церквей в старой Москве насчитывалось, как утверждает поговорка того времени, «сорок сороков»... И откуда бы ни приезжали в Москву люди, они восхищались строгими уступами зубчатой кремлевской стены. И неповторимым, дерзновенно воплотившим в себе многоязыкую прелесть старой Руси храмом Василия Блаженного на Красной площади. И поражающей воображение своими размерами знаменитой Царь-пушкой, самой большой и самой мирной на свете. И гигантским медным гротом самого огромного на свете Царь-колокола, в котором живет как бы эхо веков. И словно из образов чудесной сказки сложены Петровским дворцом, где мучился бессонницей Наполеон в пылающие ночи Москвы 1812 года. И ярусами лож и галерей прославленного Большого театра, изукрашенными золотой лепкой. И строгой, светлой красотой белоколонного зала в теперешнем Доме союзов — красивейшего зала страны.

И умным уютом знаменитого Московского Художественного театра. И бесценными сокровищами Третьяковской картинной галереи или Музея изящных искусств, одного из лучших в мире.

Но Москва, славившаяся издавна своим гостеприимством, не была городом туристов. Чтобы понять неповторимое внутреннее своеобразие и пленительную, не бросающуюся в глаза красоту ее, надо было не только постичь умом, сердцем ее историю, ее прошлое, но и самому вжиться в волнующую и дерзновенную новизну, выразителем которой стала Москва. Она вошла в новую историю человечества, сменив на средневековых башнях Кремля царские двуглавые орлы на пятиконечные красные звезды. И город стал больше, чем столицей первого на свете государства трудящихся. Москва стала сердцем того заветного мира, о котором поется в призывной песне пролетариев, революционеров всех стран: «Мы наш, мы новый мир построим!»

На наших глазах

О Москве написано уже немало книг. О ней пишут историки, художники, архитекторы, спортсмены, врачи, артисты, музыканты, писатели. Но немало в Москве для каждого москвича дорогих именно ему самому уголков и особенно памятных для него дней и событий в жизни города. Москва трудилась и трудится, учится и учит, растет ввысь и вширь, раздвигая горизонты новыми жилыми массивами. На наших глазах она за полвека нарастила на свою прошлую, древнюю славу доблесть, славу и красу новых исторических дел. На наших глазах она менялась, хорошела, непостижимо молодела. А я хорошо помню ее еще бульжные мостовые, тесные улицы в революционных плакатах первого послеоктябрьского десятилетия. И словно бы еще вижу перед своими глазами вызывающие афиши споривших друг с другом литературных групп, поэтических кружков, когда песни, стихи вышли со страниц книг, эстрад,

концертных залов прямо на городские площади, по вторяемые и распеваемые молодежью.

Я помню резавшие наши непримиримые взоры крикливые вывески и соблазнительные витрины «нэпманов», или «нэпачей» — так презрительно называли мы тогда торгашей, поспешивших вернуться снова в свои магазины и лавки после того, как была объявлена новая экономическая политика — нэп. На нее по дальновидному указанию Ленина на время пошла пролетарская страна, чтобы начать затем социалистическое строительство и как можно скорее восстановить жизнь, быт и торговлю после голода и разрухи, вызванных гражданской войной и нашествием интервентов.

Москва поэта

Зато как запоминались, мгновенно заучивались наизусть стихи на первых рекламках нашей новой советской государственной и кооперативной торговли, веселье, озорные плакаты и щиты, которыми обросли улицы Москвы. Эти рекламы агитировали не только за новые товары, но и за новые формы торговли. И ведь недаром эти плакаты, часто входившие в пословицу, придумывал великий поэт революции Владимир Маяковский. «Нигде кроме, как в Моссельпроме... «Папиросы «Червонец» хороши на вкус, крепки, как крепок червонный курс!» (в то время как раз Советское государство взамен старых, сильно обесценившихся денег выпустило новые денежные знаки, которые назывались червонцами)...

Впоследствии я имел счастье ходить не раз по рестраивавшейся Москве рядом с самим Маяковским, который сделался для меня старшим другом, учителем на всю жизнь. Внимательно, жадно вглядываясь во все новое, поэт гудел, довольный: «Что делается... Послушайте, это ж социализм! Честное слово!» И как для тысяч и тысяч людей существует старый Петербург Пушкина и Достоевского, Париж Гюго и Бальзака, Лондон Диккенса, так для меня навсегда осталась в сердце и памяти Москва Маяков-

ского. А сколько людей, теперь уже далеко не молодых, помнит веселый и торжественный день закрытия Первого всесоюзного пионерского слета, когда на московском стадионе «Динамо» Маяковский сам читал для младших москвичей и их гостей-ровесников стихи «Песню-молнию» про пионерский слет!

В горе великом...

Помню я Москву и в тяжком горе. В те январские дни мы, стоя часами в бесконечной молчаливой очереди у Дома союзов, минутами уже не в состоянии были распознать, что так безжалостно студит и сковывает наши сердца — тридцатиградусный мороз с лютым ветром или леденящее чувство страшной утраты.

Умер Ленин.

До сих пор помню я тяжело нависшее, мглистое небо, которое как бы подпирали качающиеся столбы дыма от костров, зажженных на улицах, чтобы люди, шедшие на прощание с Лениным, могли хоть немножко отогреться.

До сих пор у меня в ушах стоит, едва я начинаю вспоминать те дни, горький, заунывный и глухой плач заводов, фабрик, локомотивов Москвы. Ведь в час прощания с Владимиром Ильичем глухо и траурно затрубили все московские промышленные и паровозные гудки.

Говорит Москва

В течение почти четырех десятилетий мне с несколькими товарищами, писателями-москвичами, доверяли почетный радиопост у микрофона на Красной площади в дни всенародных празднеств. Наш микрофон, как и теперь, устанавливался прямо против Мавзолея Ленина, на другой стороне исторической площади, в широком окне здания ГУМа. Через этот микрофон мы рассказывали стране и всему миру о праздниках Октябрьской годовщины и Первого

мая, о физкультурных парадах. А ведь каждый праздник на Красной площади — парад войск, шествие колонн трудовой Москвы, встреча вернувшихся в Москву героев — это словно «глядельце», как говорят уральцы, через которое видно, как идет в горе, слой за слоем, пласт за пластом, драгоценная руда — неиссякаемые сокровища, которые открывались для нас в недрах народной жизни.

И каждый раз, когда у микрофона, стоявшего в окне, глядевшем на Красную площадь, загорались буквы «включено» и сидевший со мной наш знаменитый диктор Юрий Левитан произносил ставшие уже для нас заветными слова: «Говорит Москва! Говорит Москва! Наши микрофоны на Красной площади Москвы. Работают все радиостанции Советского Союза», — я невольно обмирал заново от огромного и гордого волнения.

Мне не раз доводилось принимать участие в проходах и встречах наших прославленных на весь мир героев. Я помню ясное подмосковное утро, когда мы проводили в исторический полет Чкалова, помню торжественную встречу его. А как ликовала, вся в алых флажках, вся в парящих на ветру транспарантах, в кишени миллионов реявших над улицами приветственных листовок, столица наша, когда вернулись вырванные из ледового плена герои-челюскинцы!

Глубоко и высоко

Помню я хорошо день, когда мы, москвичи, подняли во славу нашей столицы стаканы, наполненные не вином, а обыкновенной водой. Мы знали, что это пришла на подмогу вечно терпевшей жажду Москве волжская вода. Щедрые струи ее хлынули к стенам Московского Кремля по новому построенному каналу. А потом, когда прорыли канал Волго-Дон, зазвучали гудки теплоходов, приплывших в столицу с Волги, с Каспия и Черного моря, с Балтики и с Дона, с Белого и Баренцова морей. Забелели паруса острокрылых яхт на просторах водохранилищ, которые огромными озерами разлились возле самой столицы. Москва стала городом большой воды, портом пяти морей.

Не забыть также дня, когда спустились мы в первый раз в поразившие нас красотой и светом подземные дворцы — станции только что построенного Московского метро, там, где мне не раз приходилось во время строительства пробираться в еще темных, серых туннелях... Как не забыть и того дня, который мы провели, закинув головы, не сводя глаз с неба, где почти до самого вечера сверкала над столицей жемчужина первого советского стратостата! Он побил тогда мировой рекорд высоты и как бы проложил тропку для наших будущих космонавтов, первыми проникших в околоземное пространство вселенной. Как дружно, радостно и благодарно встречала впоследствии Москва на Красной площади каждого из «звездных братьев»!

Тревога

Москва моя!.. Я помню тебя и в грозные, горькие дни. Помню, как противотанковые надолбы перегораживали улицы, когда с окраин столицы можно было уже слышать грохот орудий, гремевших на фронте. А фронт уже вплотную приближался тогда к твоим подступам, к самому сердцу страны, а значит, и к нашему собственному сердцу. Помню зловещие зарева в ночи бомбежек, когда мы, дежуря на крышах, вглядывались в небо, и такая боль, такая тревога колотилась яростно у нас в груди: нестерпимым было само ощущение, что враг где-то уже в московском небе. Но как аплодировали мы с крыш, когда сбитый московскими зенитчиками или нашими истребителями враг свертнулся с черного московского неба, проваливаясь в тартарары, оставляя кроваво-огненный след...

Победа

Это как ослепитель, как солнечно весел, как огушительно ярок был день 9 мая 1945 года в Москве, День Победы. И какой светлой была потом салютная майская ночь!

И снова зажглись кремлевские звезды, свет которых Москва была вынуждена прятать от врага четыре года. И вскоре на Красной площади состоялся незабываемый парад Победы. Мы увидели боевые знамена наших полков, овеянные светоносной, неслыханной в истории славой. Герои Великой Отечественной войны съехались в столицу и вышли на площадь. И там перед нами бесславно падали на брусчатку поверженные штандарты фашизма, который имел наглость заявить, что с этими паучьими крестовинами он пройдет парадом по нашей Красной площади.

Мир

На долгие годы запомнилась Москва в пестроте флагов. Москва поющая, разноголосая, многоязыкая. В те дни прославленное московское радушие оценили молодые посланцы всего света. Шел Всемирный фестиваль молодежи. И смуглые, белые, бронзовые, черные руки крепко жали руки гостеприимных москвичей. На Манежной площади столицы, неподалеку от того места, где сейчас горит Вечный огонь, огонь славы Неизвестного советского солдата, защитника Москвы, я видел, как мать нашей героини, московской школьницы Зои Космодемьянской, бережно укрывала теплым платком зябкие плечи девушки из Хиросимы — гостьи из японского города, спаленного безжалостно американской атомной бомбой.

За моим окном

Я пишу сейчас эти строки, нет-нет да и поглядывая в окна моего рабочего кабинета, за которыми, куда ни глянь, поднялись новые крыши, новые этажи и встали голенастые, длиннорукие строительные краны.

Не буду скрывать: с некоторой тревогой я, как и другие мои согорожане, именующие себя уже старыми москвичами, посматривал в окна, за которыми день ото дня росла, ширилась, поднималась в небо Москва. Пусть не покажется это смешным и наивным вам, друзья, но была у меня в той моей Москве, которую я могу разглядеть из своего окна, особая заветная точка. Мне хорошо была видна верхушка одной из кремлевских башен с алой звездой. И вот одна из огромных строек, возводимых в центре нашей столицы по смелому, но точно и широко продуманному плану, по которому преобразуется Москва, стала подниматься где-то между Кремлем и моим окном. И я не буду таить от вас того огорчения, которое испытал в день, когда перестал видеть заветную звезду. Новый дом заслонил ее от меня.

Но шли дни, дом становился все краше и краше. Потом в нем появились люди, новоселы. Вечером в окнах нового здания зажглись уютные огни, еще не таимые абажурами и шторами. И мне показалось, что Москва за моими окнами стала еще чем-то краше, богаче, живее, разнообразнее и человечнее. И радость людей, которым был очень нужен этот дом, принялась светить и в мое окно.

Столица народов

Москва сейчас хорошо вбирает в себя новое. И бережно хранит память о прошлом. Маленькие древние церквушки, уютные старинные часовники реставрируются, восстанавливаются на фоне сверкающего многоэтажья новых деловых и жилых зданий, гостиниц, магазинов, дворцов культуры и пионерских дворцов. Это не делает город сумбурным, не лишает его архитектурного единства. Наоборот, все это придает сегодняшней Москве неповторимую и своеобразную красоту, которой объединяется все лучшее из вчерашнего с сегодняшним, а нынешнее, уже достигнутое, — с задуманным на завтра.

Ленинград по праву называют колыбелью революции. Ну а про Москву можно сказать, что она высшая школа революции.

Много чудесных, прекраснейших городов имел я возможность посетить и полюбить во время своих частых путешествий. И некоторые из них, как я уже писал, не уступают по красоте моей Москве. Но никогда еще на свете не встречал я города более народного, чем Москва, то есть такого, который бы столь наглядно и красочно выражал переход по воле народа от старой истории к новой, от легенд к подлинной жизни, от народной мечты к утвердившейся доброй действительности. Москва дорога всем народам нашим и друзьям за рубежом. Вот поэтому-то с такой гордой и нескрываемой любовью говорят москвичи о своем городе, начиная обычно разговор по-московски широкозвучно:

— А вот у нас в Москве...

**Он все
принес
к
подножию
свободы...**

Вл. САВЕЛЬЕВ

Я сам не свой...
А все, брат, оттого-то,
что хмур и от решимости раскос,
облокотясь на кожух пулемета,
глядит мне в душу с выцветшего фото
махновцами растерзанный матрос.

Я вижу,
как сплотившиеся в группы
трусливо, будто крысы из углов,
словами перебрасываясь скупно,
враги к нему приблизились по трупам
отъявленных своих сорвиголов.

Приблизились теперь уже открыто,
и жуткая, полуночная мгла
кобылою,
лоснящейся от жита,
подкованное месяцем копыто
над потрясенным миром занесла.

Сейчас насядут
рыцари налетов,
нарежут окровавленных полос
с могучих плеч,
дымящихся от пота...
Глядит мне в душу с выцветшего фото
не ждавший снисхождения матрос.

Глядит,
как будто снова вырастая
у ошалелых сотен на пути.
Глядит, белея форменкою старой,
и, словно клин
парящей в небе стаи,
трепещет клин тельняшки на груди.

Вот о таких, брат,
песни не допеты,
поскольку густо было их кругом,
и, выходя просторами в рассветы,
Россия,
точно крыша всей планеты,
гремела у таких под сапогом.

Все принеся к подножию свободы
и ничего не требуя взамен,
они, как под прицелом,
сквозь невзгоды
под жестким взглядом держат наши годы
из простеньких альбомов и со стен.

Не обошли и нас с тобой потери,
но подведу ли жизни я итог,
как тот,
кто, мне судьбу передоверя,
последнего патрона в револьвере
когда-то для себя не поберег?

Этим летом на улицах Ленинграда как бы ожила история... Стояли на часах красногвардейцы и матросы; проходя по улицам, люди останавливались у афишных тумб с большевистской «Правдой» 1917 года и революционными листовками. А однажды на Дворцовую площадь, на манифестацию «Слава Октябрю» двинулись колонны с Нарвской и Московской застав, с Выборгской стороны, с Васильевского острова. Они шли маршрутами тех, кто полвека назад штурмовал Зимний... Это происходило в дни Третьего Всесоюзного слета красных следопытов. А показали нам на своих снимках Ленинград тех дней члены фотокружка Ленинградского дворца пионеров Слава Зенькович, Толя Уханов и Валя Филон.

Как в 1917 году

Чистые камушки

Альберт ЛИХАНОВ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

ПОВЕСТЬ

Продолжение.

16

Они шли, торопясь на улицу, по которой водили овчарок. Пекло солнышко, совсем не походило на конец апреля, какая-то удивительная стояла весна; апрель, а настоящее лето.

Они шли по улице, подувал теплый ветерок, крутил на перекрестках пыль с обрывками газет, нес по небу смешные тучки из белой ваты. Одна походила на лисий хвост — вытянутая и пушистая.

Когда подходили к «Кардаковскому», где до сих пор шли солдатские кальсоны — война кончилась, а армия осталась, — они специально перешли на ту сторону, где торговала мороженым Фролова.

Фроловой на месте не было. Стояла только бочка, и в ней таял блестящий лед. От бочки к мостовой тянулась тонкая черная струйка, будто за ней Бобик спрятался.

Они заглянули в бочку, Савватей выхватил оттуда кусочек льда и кинул за шиворот одной из своих теней. Парень заорал сильным басом, закрутился на месте, потом стал нагибаться, чтобы ледышка выпала из-за шиворота, выкатилась бы, а Савватей захохотал и пнул парня под зад. Тень задержалась, замахала руками, но не обиделась — обижаться она не могла, не имела права — и снова захохотала сильным басом.

Очень ей было смешно.

Наконец они пришли на улицу, по которой водили собак. Ждать до вечера, когда псов поведут на работу, не было никакого смысла. Савватей повел их по улице дальше, потом они повернули за угол и остановились у глухого забора.

За забором ничего не было — ни сада, ни огорода, — это Михаська рассмотрел в щель. Просто двор и две конуры.

— Ну, — спросил Савватей, — может, лучше пойдешь ко мне на работу?

Михаська вспомнил, как Савватей ударил под зад того парня с ледышкой за шиворотом, свою тень, и как этот парень хохотал не своим голосом, вспомнил, как Савватей отобрал у него альбом, сжег куртку, проводил по лицу своей гадкой, липкой ладонью и теперь погонял, словно скотину, Сашку, и почему-то сразу успокоился.

Псы, ощерив пасти, изнемогая от ярости, бросились к нему, натягивая провода.

«Подойти и погладить собаку,— подумал Михаська.— Подойти и погладить собаку».

— Пройдешь между овчарками,— сказал Савватей,— и выдешь с той стороны забора.

Михаська усмехнулся. Ему было все равно.

— Брось, Колька,— сказала тень с ледышкой,— давай напинаем ему, да и все. Загрызут ведь..

Савватей зло посмотрел на парня, взял его за нос и сильно дернул вниз. Нос у парня стал красный, как помидор. Михаське стало противно и нисколько не жалко парня, хотя тот заступился за него.

— Подсадите,— сказал Михаська.

Последнее, что он видел на улице, было синее лицо Сашки. Николай Третий стоял с ним рядом, облокотясь на Сашкину голову. Михаська видел такую картинку в старом журнале: царь Николай Второй стоит, облокотясь на спинку своего трона.

Трон блестел золотом, а у Сашки было синее лицо. Михаська перекинул ноги с забора во двор и совсем успокоился. Он подумал, что нет, ничего не докажешь этому Савватю, не та это фигура, чтоб ему что-нибудь доказать можно было, но какая-то отчаянная сила все-таки бросила его через забор.

Как солдата на бруствер окопа.

А когда он оказался во дворе и фроловские псы, давясь собственной злостью, кинулись на него, когда оказался он на бруствере, все стало на места.

Нет, не для Савватей пошел он сюда, не для этого бандюги. Для Сашки. Чтоб понял, что такое настоящий друг. Для того, с ледышкой за шиворотом, чтоб понял, что можно жить и не унижаться. Для этих теней Савватеевых, которые понять не могут, что это они — его трон. А не будет их, какой он Николай Третий без трона, без силы?

Для всех людей прыгнул сюда Михаська, чтоб знали они: Савватей — это крыса трусливая, и нечего его бояться.

Михаська шагнул вперед. Нет, это было не так уж и трудно. Михаська перехитрил Савватей. Немного не рассчитал Николай Третий.

Собачки будки стояли в противоположных углах двора, а псы бегали на цепях по двум параллельным металлическим проводам. Цепи закреплялись за блоки, и блоки катились по проводам. Собаки могли бросаться друг на друга, но не достали бы, провода не пускали их. Видно, чтоб не перегрызлись меж собой. Одна собака бегала вдоль забора, и лезть там было бы смертью. Другая бегала вдоль дома, чтоб там никто не прошел без хозяев. А вот между собаками, параллельно их проводам, пройти было можно. К тому же у забора, куда должен идти Михаська, гора бревен. По ним забежать наверх — и на улицу. Какие-то секунды.

Михаська шагнул. Псы, ощерив пасти, изнемогая от ярости, бросались к нему, натягивая провода. Чем ближе приближался к ним Михаська, тем яснее он понимал, что псы не достанут, не достанут его.

Осталось сделать последний шаг, чтобы вступить в этот зубастый коридор. Коридор без стен. Справа зубы и слева зубы, а Михаська — в мертвой полосе.

Он читал: есть такое выражение — «мертвая полоса». Ничейная земля. Не наша, не фашистов. Пули туда не достают. Только разведчики по ней ползать не боятся. Она для них своя.

Михаська шагнул в коридор. Всего полметра он. Ну, сантиметров семьдесят. Главное, не торопиться. Сделаешь шаг вправо — попадешь к правой овчарке. Влево — к левой. Надо не спеша. Маленькими шажками.

Вперед, вперед. Так..

Не смотреть на псов. Не смотреть! Посмотришь, испугаешься, отпрянешь назад — и к другому.

Как по мостику над пропастью. Там, если хочешь жить, не смотри по сторонам. Не обращай внимания, что справа пропасть и слева пропасть. Гляди вперед.

Михаська даже пошатнулся, представив, как он идет над пропастью, на мгновение взмахнул рукой. И тут же его словно ожгло. Он краем глаза взглянул на руку. На тыльной стороне ладони словно красной тушью кто прочертил дорожку. Зацепил! Зубом, наверное. По руке капает что-то теплое.

На фронте так же — зацепит осколком. Но там это даже раной не считается. Не смотреть на руку, на кровь. Прижать руки к бокам.

Кто-то охнул на той стороне забора.

Михаська пошел побыстрее. Мелкие, мелкие шажки. Такими малыши учатся ходить.

Михаська видит, как псы скалят зубы, остервенели совсем, брызжут слюной, брызги летят на Михаську. Провода натянулись, но держат. Прочные.

Осталось меньше половины..

Уже треть осталась. Каких-нибудь двадцать шажков. Если бы обыкновенно идти — пять шагов, а так — двадцать.

Михаська пробирается вперед. Он посмотрел на забор. Савватей смотрит остановившимися глазами. А Сашка совсем зеленый. Забор облепили какие-то люди. «Жулик, что ли?» — кто-то спрашивает. «Нет,— отвечает Савватей,— фокусник. Деньги сейчас собирать станет».

«А-а-а-а!» — заорал кто-то протяжно. Михаська взглянул на дом, на одно мгновение посмотрел. Там орала Фролиха. Сердце у Михаськи упало, и он посмотрел на нее снова, подольше. Фролиха бежала к собакам, а за ней скатывался со ступенек ее одирукий муж.

Михаська ругал себя потом. Выходит, собак не испугался, а Фролихи с мужем испугался. Укусили бы они, что ли?

Но разве все заранее знаешь? И до бревен осталось метра два, а там и улица, но увидел Михаська бегущую Фролиху с мужем и пошатнулся, повернулся к ним лицом.

Какая-то страшная сила резанула Михаську сзади, он рванулся вперед и чуть не угодил к другой собаке, той, что с лица. Это была бы верная смерть. За горло — и все. Михаська видел в фильме про фашистов. Каким-то усилием воли он оттолкнулся назад, и снова его резануло что-то сзади. Перед лицом плясала красная ревущая пасть. Было видно даже глотку. «Немцы наших тоже овчарками травили», — подумал он.

Михаська помнит, как кинулся к бревнам, как вторая собака рванула его за обгорелую курточку, сбoko громко треснуло, и он рухнул на верхние бревна, ткнувшись головой о забор.

Он поднял голову и увидел красные глаза Сашки. Почему-то красные.

17

Все это случилось без отца, и, может, еще потому Михаська так легко отделался дома. Мама только плакала целый вечер.

А отец взял отпуск на неделю. «Без содержания», — сказал он. Михаська подумал, что, может быть, они посидят вместе дома, снова будет уютно и хорошо, как тогда, когда их комната была похожа на мастерскую. Или наконец сходят на охоту. Как раз весенний сезон. Ведь говорил же отец, что у его приятеля есть ружье и он даст в любое время, если понадобится. А про то письмо, с фронта, он, конечно, уже забыл..

Но и на охоту они не пошли. Михаська даже не просил. Потому что отец взял отпуск не для отдыха. Он насыпал десять кудей картошки, подогнал нанятый где-то грузовик, сложил ее в кузов и уехал на вокзал. Мама сказала: он поехал на север. Продавать картошку. Будто ее и здесь нельзя продать, если уж так надо.

Михаська представил, как отец будет торговать на базаре картошкой, и ему стало тошно. Пусть это где-то там, на севере, и его не знает никто, но какая разница где. Отец говорил матери: «Поеду, пока картошка там в цене», — и Михаська опять вспоминал про дом, потому что все это делалось для дома, который, словно танк, упорно надвигался на отца, на маму, на него.

Михаська лежал дома на животе. Возле дежурил Сашка. Он даже в школу сегодня не пошел.

Странно, Михаська почти не чувствовал боли.

Немного ныла спина и чуть пониже — всего-то.

Сашка вздохнул. Михаська внимательно присмотрелся к Сашке. Губа у него что-то опухшая.

— А что с губой?

Сашка понурил голову.

— Ничего, — сказал он, — и на Савватей управа найдется. Вон в милицию сколько мужиков пришло. Демобилизованных. — Он вздохнул. — Вырасту, в милицию пойду.

Эти последние слова Сашка сказал зло, уверенно, будто и правда мечтает всю жизнь милиционером стать.

— Пойду! — заверил Сашка. — Вот увидишь. Всех савватеев — в клетку. Хорошо бы зверинец такой устроить. — Глаза у него заблестели. — Все клетки, клетки, в одной тигр, а в другой Савватей. И на клетке написано: «Шпана. Хищник. Питается гематогеном. Три раза в день по столовой ложке».

Михаська засмеялся, он знал, что Сашка не любит гематоген, потому что это кровь. Хоть и бычья, хоть и сладкая, а кровь. Его с гематогена мутило, когда Юлия Николаевна с ложечки их поила. Он говорил ей: «Я крови нагладелся — не могу».

— Да я ведь и сам не Бобик, — сказал вдруг серьезно Сашка. — Человек может только сам продаваться, а купить его никто не сумеет. — И покраснел. — А я тебе махал, махал тогда... Хотел Савватей уговорить, чтоб тебя не трогал.

Михаська подумал об их с Сашкой драке из-за этих же все псов и сказал:

— Дернуло меня тогда этими собаками тебя травить.

— Нет, это я виноватый. Правильно, за оскорбления надо по морде давать. Вот хочешь, дай еще, ну дай!

Сашка встал на коленки перед Михаськой, подставил лицо и приговаривал: «Ну дай, дай. Дай, говорю!» — а Михаська смеялся и отворачивался.

— Ты скажи лучше, как тебя Савватей снова прибрал, — сказал он сквозь смех.

Сашка сразу стал серьезным, уселся на табуретку и рассказал все по порядку. Михаська слушал и снова ругал себя за все. Да, это он виноват, что послушал тогда Юлию Николаевну, не пришел к Сашке, хотя должен был, не имел права не зайти.

После той драки из-за псов Сашка, конечно, разозлился и тоже, как Михаська, думал целые дни напролет. Но если Михаська его простил, Сашка не простил и все дулся, дулся.

А потом пришла Юлия Николаевна. Сашка думал, что сойдет с ума. Убили Колю! Давно убили, а он все думал, что Коля жив, может, в партизанах, а оттуда ведь не напишешь. И тут — Юлия Николаевна. Сашка хотел пойти утопиться, но Юлия Николаевна по-

слала его за врачом для мамы. Маме стало плохо. Ее отвезли в больницу. Она там пробыла недолго, дня три или четыре. Но ему показалось — месяц.

Сашка немного успокоился, к нему на другой день снова Юлия Николаевна приходила: у Сашки что-то заболела голова, и она уложила его в постель, позвала соседку. Потом ушла и не велела никого пускать.

Но Сашка все думал, все думал: неужели он не придет, Михаська? Все-таки друг. Ну, поругались, ну, подрались, но ведь знает же, что такое горе, — придет.

А время будто остановилось. Соседка ушла. Сашка оделся и стал бродить по комнате из угла в угол. И выть. Реветь то есть.

Вдруг — стук. Сашка обрадовался, думал, Михаська, а входит — вот тебе на! — Савватей. Достает бутылку вина и говорит:

— Эх, Свирид, Свирид, зря ты ушел от меня. Шестерить бы я тебя долго не заставил тогда, но зато теперь был бы ты у меня первым заместителем и верным другом. А то вся эта шпана очень никудышная. Не то что раньше.

Будто он знает, какая раньше шпана была.

Сашка говорит ему, что братана убили, а Савватей ему отвечает: знаю, знаю, мол, потому и пришел. Иначе бы — не жди, не банный лист, не прилипаю, сами все ко мне липнут.

Тут налил он Сашке в стакан этого вина, желтое такое, клопами отдает, и предлагает выпить за Сашкиного брата. Сашка — снова реветь, но выпил, чуть отдышался, выпил потом еще полстакана и весь день на завтра крутился на парте, потому что мутило и хотелось пить.

Утром Сашка припомнил, что Савватей лупил себя в грудь, кричал, что тошно ему, трудно, корешей настоящих нет, те, что есть, дрянь, дешевка, — и звал в друзья Сашку.

Разговаривать с Михаськой Сашке не хотелось, все было как-то безразлично, мать лежала в больнице, и после уроков он поехал на вокзал и нашел там Савватей!

Николай Третий, как он выразился, поставил Сашку на баланс, выдал ему пятьдесят рублей, и они тут же украли у какой-то Матрены мешок с луком. Их искали, конечно, но не нашли. Лук по дешевке продали барыге, а деньги Савватей забрал себе.

— Все, — сказал он Сашке, — мышеловка захлопнулась. Поздравляю, теперь ты вор-мешочник.

Сашке стало холодно, но он кивнул головой.

— Теперь я ушел, — сказал он снова, будто Михаська не верил, — пусть только подойдет, я его пырну.

И вытащил из кармана кинжал. Тот самый, с какой-то надписью и желобками для крови. Только уже без свастики.

— Все время теперь ношу, — сказал Сашка.

Они посидели еще, поболтали о разной ерунде. Потом пришел врач, вернее, врачаха. Она улыбнулась Михаське как старому знакомому и велела оголить живот.

Михаська заволновался, а врачаха объяснила, что уколы от бешенства делают не в ягодицы, а в живот, и ткнула Михаську шприцем прямо в брюхо. Он взвизгнул, было больно, и врачаха сказала, что просто удивительно, какие нынче растут дети: овчарок не боятся, храбрые, а от укола в обморок падают. Прямо героические дети.

Она ушла, а Михаська стал представлять, как он сбесится, начал задирать ноги на стену, потому что бешеные, говорят, бросаются на стены и кусают прохожих, как собаки.

Они хохотали до упаду, но скоро Михаське стало очень жарко, лоб покрылся испариной, и он улегся снова. Вот теперь было больно. Может, они не сразу чувствуются, бешеные уколы. Небешеные — сразу, а бешеные — через сутки.

18

Потом Михаська сказал, что Савватей действует, как поп.

Попы ведь как заставляют богу молиться? Узнают, что у человека горе, беда какая-нибудь, и идут к нему. Утешат, приголубят, денег дадут, если нет, после, мол, вернешь. Бог терпел и нам велел. А потом к себе позовут. И пошло-поехало. Глядишь, стучит человек лбом по полу, поклоны отдает. Обратили, значит, в веру.

Вот и Савватей, как поп, действует. Вон как к Сашке подъехал, вином затуманил.

Сашка стал уходить, ему надо было уже домой.

— Ты на меня не злись,— сказал он.— Я ведь знаю, жить-то надо...

Михаська удивился.

— Что ты? — спросил он.

— Жить-то надо,— повторил Сашка и наморщил лоб.

— Что жить-то? — снова спросил Михаська.

— Ну... Ну, что... — замылся Сашка.— Ну, что мать твоя конфеты продавала...

Михаська медленно поднялся с кровати.

— Ты что, что? — испугался Сашка.— Ну ладно, что ты?

— Когда торговала? — спросил Михаська.

— Ну, тогда... Моя мать пошла на рынок, вернулась и говорит: «Ну, так я и знала, Михайловна конфетами спекулирует...»

«Значит, обманула. Значит, тогда, в коридоре с тусклой лампочкой, мать покачулась не зря. Врала. Все врала».

Откуда-то из темноты выплыла детская прибаутка: «Обманули дурачка за четыре пятакча...»

А за что его обманули? За конфеты? За шоколадные с фруктовой начинкой?

Он вскочил и стал натягивать штаны. Надо пойти в магазин к матери. Надо посмотреть на нее, что она скажет.

Но ведь он видел, видел те конфеты. Значит, другие? Еще были?

Там, где тяпнул пес, вдруг заняло, и в голове что-то запиликало — будто сверчки. Сердце у Михаськи застучало гулко, словно кто молотком в большой железной трубе громыкает.

Сашка испугался, стал стягивать с Михаськи штаны обратно, но тот оттолкнул его. «Значит, все-таки спекулировала. Значит, Сашка тогда правду сказал».

Он натянул рубашку.

За дверью загромыхало. «Может, мать,— подумал Михаська.— Вот хорошо! Сейчас все выяснится. Пусть даст честное ленинское».

Дверь скрипнула, и вошел отец. На нем была серая плащ-палатка.

— Здорово, мужики! — весело крикнул отец и сбросил плащ-палатку. Она с шумом упала на пол. Словно летучая мышь затрепыхалась.

— Здорово, мужики! — крикнул он снова, захоптал и кинул на пол шапку.

Михаська подумал, что, может быть, отец выпил — давно он не видел его таким. Наверное, и Сашка тоже так подумал. Он бочком прошел мимо отца к двери, помахал Михаське рукой, а лицо при этом было у него виноватым.

Отец разомкнул ремень, и на пол, как из мешка, посыпались деньги.

Отец поднял плащ-палатку, заходил по комнате, выскивая гвоздь и не замечая, как морщился Михаська, натягивая штаны.

— Бежишь, — крикнул отец, — опять бежишь, неседа! — И опять захохотал без всякой причины. Видно, все-таки выпил.

В голове у Михаськи все крутилось, снова и снова представлял себе он мать. Как она пошатнулась тогда в коридоре, и лицо у нее было серое, а ему показало, это слабая лампочка...

«Может, спросить отца», — подумал Михаська. Но отец все ходил, хохотал, был какой-то шумный и чужой. И так-то он бы не спросил об этом отца, виновника всех бед, а тут отец хохочет сам себе и не до Михаськи ему вовсе.

Михаська натянул штаны. Сзади все болело, больно было ступить, но он пошел к двери. Скорей, скорей в магазин посмотреть на мать, заглянуть ей в глаза.

— Бежишь? — снова крикнул отец. — Да ты стой! Погоди! Покажу-то я тебе чего! — Он шагнул на середину комнаты, и половица скрипнула у него под сапогом. Отец разомкнул ремень. Он разомкнул ремень, и снизу из гимнастерки, как из мешка, посыпались деньги.

Красные, зеленые, синие, желтые.

Деньги.

Гора денег.

«Ерунда! — подумал Михаська. — Ерунда! Все вокруг какая-то ерунда».

Ему вдруг захотелось спать, и он зевнул. Он вернулся к кровати и стал снимать штаны.

Никуда не надо было бегать.

19

После уроков Михаська ходил в поликлинику. Перед блестящей коробочкой со шприцами он задирал рубашку, и сестра делала ему укол в живот. Уколы с каждым разом становились все больнее. Только эти минуты, когда его кололи и острая боль, словно молнией, прошибала все тело, выводили Михаську из какого-то оцепенения.

По утрам он шел в школу, сидел на уроках, ничего не слушал, дома глядел в открытые учебники, читал и перечитывал строчки, но в голове оставалась какая-то ерунда, какие-то незначущие подробности.

Раза два он встречал Савватая. Шакал подходил к нему, говорил: «Молоток! Молоток!» — но Михаська лишь мельком взглядывал на него и проходил мимо.

Савватей за ним не шел, не вязался, только смотрел вслеп и криво улыбался. Когда он так улыбался, его тени отходили от него подальше.

Одному только удивлялся Михаська, да и то не очень-то. Просто видел, говорил себе: «Смотри-ка!» — и все. Да, только одно... Это весы, про которые так часто думал раньше Михаська. Весы домашней жизни дрогнули, стрелка покачалась вправо-влево и остановилась посередине.

Теперь смеялась мама и смеялся отец. Хмурость, похожая на осеннюю непогоду, пропала, будто ее и не было. То, что прежде мучило Михаську и не давало ему покоя, то, что казалось ему неотвязной болезнью их дома, их комнаты, их семьи, вдруг исчезло, исчезло без следа.

Мама ходила всегда наряженная, будто у нее каждый день праздник. Вернувшись с работы, переодевалась в свое голубое с горошинками платье и опять становилась совсем девочкой.

Она словно сбросила с себя что-то, тяжесть какую-то, распрямилась теперь и сразу стала гладкой, розовой.

Михаська остался совсем один.

Мать он видел редко, магазин теперь работал днем, а вечером ей было не до него: приходил отец, и Михаська не влезал в их разговоры.

Отец приходил с работы не так рано, как прежде, задерживался на заводе, а потом рассказывал маме, как их цех, где он работает мастером, хочет стать полностью стахановским. Это преодолел не кто-нибудь, а он, отец, на цеховом собрании. Ему как раз тогда выдали премию, он принес деньги, положил их на стол, и они так лежали на столе до самого вечера. К ним приходила в тот вечер Ивановна, и отец сказал ей, что вот получил премию на заводе. Потом заходили еще соседи, и всем отец показывал на деньги и говорил как бы между прочим, что получил на заводе премию.

Зачем это он все говорил и не убирал так долго в комод свои деньги, Михаська понять не мог. Ведь вот ту гору, за картошку, он сразу спрятал и никому не показывал, никому про нее не говорил, а ведь была целая гора, не то что сейчас тощая кучка.

Отец не дулся на мать, не ругался. Они друг друга с полуслова понимали. Мать что-нибудь скажет, а отец уже головой кивает — мол, согласен. Отец заговорит, а мать его по голове гладит, целует в щеку: все, мол, правильно.

А Михаська... Михаська сам по себе.

Сколько он мечтал, чтобы наступило у отца с матерью это равновесие, чтобы чашечки на весах встали вровень и больше не качались. Вот наконец-то случилось это. А ему все равно. Ему безразлично. «Что у вас там творится — как хотите, а я на это плюю. Плюю, и все. Целуйтесь. Разговаривайте веселыми голосами. Улыбайтесь друг другу. Только мне не улыбайтесь. Бесплезно. Вы сами по себе, я сам по себе».

Однажды Михаська пришел из школы, а мама дома. Выходной был у нее, что ли. Быстро сделала Михаське яичницу. Глазунью. Это про нее маленькая Лиза спрашивала, все никак не понимала, думала: раз глазунья — значит, с глазами. Удивительно ей было, что за еда с глазами.

Михаська потыкал вилкой яичницу, сел уроки учить, а мама в голубом платье все ходит, ходит. Потом присела рядом, погладила его по руке — будто по голове погладить боится — и говорит:

— Ну вот, Михасик, скоро уж и конец.

Что за конец?

— Скоро, — говорит, — на дом заработаем, и уйду я обратно в госпиталь.

А сама смотрит на Михаську, и в глазах у нее тоска. В другой бы раз Михаська, может, обрадовался. Нет, не в другой раз, а раньше. Раньше бы обрадовался, теперь нет. Теперь он только разозлился. Помолчал, а потом сказал равнодушным голосом: — Ну и что? Мне-то все равно...

Мама от него отодвинулась. Глаза сразу стали сухими. «Да-да, — подумал Михаська, — мне все равно. Так и знай». И снова уткнулся в учебник.

Мама посидела рядом, помолчала. Ушла кастрюлю чистить.

И такая злость охватила Михаську! Прямо ненависть. Захотелось сделать что-нибудь такое! Навредить как-нибудь отцу с матерью, чтоб не улыбайтесь друг другу, чтоб не думали, что все у них так уж хорошо.

Он кинул учебники в сумку, решил, что не станет учить уроки. Пошел на улицу.

Вечером отец с мамой ушли в театр. Михаська не знал, куда они ушли, просто он пробежал на улице совсем один, к Сашке Свириду идти не хотелось, а когда вернулся, дома никого не было.

Михаська сидел в набегающей темноте, глядел в окошко, за которым серела вечерняя улица, и сердце заливала обида.

Ему казалось, что он один, один-одинешенек на всем свете. Он вспомнил, как в войну, во втором классе, он получил двойку по чистописанию. Юлия Николаевна поставила ее в тетрадку, и рука у нее не дрогнула. Вечером пришла с работы мама и отругала Михаську, он обиделся и решил, что уйдет, непременно уйдет из дому.

Тогда было так же тоскливо и одиноко, как сейчас, он хотел убежать из дому, но не мог решить, куда. Хорошо было бы на фронт, к отцу, но все равно по дороге поймают. Сашка Свирид говорил, что всех маленьких ловят на вокзалах. Тогда Михаська взял кусок хлеба в карман, вышел на улицу и забрался на высокий тополь. Он думал, что просидит здесь всю ночь до утра, и пусть-ка мама поищет его. Но стало холодно, варежки он взял тонкие, а дело было зимой, да и все равно на голом тополе его отовсюду видно, как черного грача, и он слез, сдался, пошел домой...

Сейчас ему снова захотелось уйти из дому, но теперь это могло быть только всерьез, на тополь не полезешь — самому смешно. Ну, а серьезно, как... Куда?..

А отец... Он будто посторонний. Теперь они не ходят с ним за руку, быстро все это кончилось...

Ах, сколько горьких минут приносили ему эти размышления! Михаська каждый день видел Ивановну, и Катьку, и маленькую Лизу, которые никого не ждали с войны и горе которых было навсегда, навечно; он радовался, что его отец вернулся живым и здоровым, — не всем ведь выпадало такое счастье — и тут же снова горевал. Горевал, что хоть и вернулся отец с войны, а дома стало мрачнее и хуже.

В войну они с мамой ждали писем от отца, и, когда приходили серые треугольники, они закатывали пир горой — завариху с маргарином! Потому что это был праздник. Они ели завариху, включив радио на полную мощность, слушали сообщения Совинформбюро, а потом пели «Широка страна моя родная...», потому что было легко на сердце: наши побеждали, и отец был жив.

Отец писал исправно, и такие праздники в их маленькой комнатке случались часто.

Теперь же, когда прошли первые счастливые деньки и отец стал зарабатывать на дом, жизнь будто сузилась, стала маленькой и серой... Все, что происходило дома, все, что делали отец и мать, было для дома со светелкой, и спальней, и с печкой, на которой можно рассказывать сказки...

Но дом теперь был похож на танк. Он полз, полз, полз, становился ближе, и казалось, он все-таки раздавит всех их...

— Уходишь? — спросила она укоризненно. — Боишься третьей двойки?

20

А утром в школе он опять подумал, как была неправа Юлия Николаевна, когда сказала, что все можно предвидеть, все предугадать. Уже в который раз он убеждался в обратном, то есть в том, что ничего предвидеть и предугадать невозможно, что все сваливается человеку на голову неожиданно, внезапно, вдруг, и, видимо, сваливается затем, чтобы испытать человека на прочность, выяснить, выстоит ли он, не дрогнет ли, выяснить, чего человек этот стоит.

Все началось с того, что Иван Алексеевич поставил Михаське двойку. Следующим уроком был русский, и «Русалка» спросила Михаську. Уроков было пять в этот день, и такими темпами можно было схватить пять двоек. Михаська попытался уйти от судьбы. В перемену он взял сумку и пошел из школы,

но в коридоре носом к носу встретился с Юлией Николаевной.

— Уходишь? — спросила она укоризненно и покачала головой. — Боишься третьей двойки?

«Уже знает, — подумал Михаська. — «Русалка» рассказала». — Он вздохнул и вернулся в класс.

Третьей двойки он не получил, хотя географичка пристально посматривала на него. «Наверное, Юлия Николаевна ей сказала», — подумал Михаська.

Но и двух двоек было достаточно. Хоть мать и улыбалась не так, как хотелось Михаське, но лучше

На пороге он оборачивается и смотрит на мать.

бы уж она как угодно улыбалась, только не устраивала скандалов из-за двоек. Это было почти невыносимо. Мать просто не могла видеть этих двоек.

Тогда Михаська решился. Дома, пока никого не было, он взял бритву, резинку и аккуратно стер обе двойки. Пусть стоят в журнале, нечего им быть в дневнике. «Им-то что, — подумал Михаська про отца с матерью, — про двойки я и сам знаю, а им до меня дела нет. Я сам по себе, они сами по себе». Тут было очень кстати это — я сам, они сами...

Уроки, как и вчера, совсем не учились, не хотелось ни о чем думать. Даже читать было лень.

Михаська вышел на улицу. По шаткой лестнице он залез на крышу и лег в своем укромном уголке на теплую кровлю. Солнце все припекало.

Облака ползли по небу совсем белые, будто летом. Михаська подумал, что давно не был на крыше, давно не занимался разглядыванием облаков.

Он поднял глаза к небу. По синей поверхности небесного моря плыли корабли. Громыхали якорные цепи, на носу флагамена стоял адмирал. Нос у адмирала был шишкой, значит, он добряк, этот носатый капитан.

Михаська посмотрел вниз. Немцы за колючей проволокой уже достраивали дом. Это был первый новый дом после войны. На вышках по углам забора стояли охранники. «Интересно, — подумал Михаська, — будут они стрелять, если какой-нибудь немец побежит? Только куда он убежит? Ведь все сразу узнают, что это немец...»

А корабли плыли по синему морю, плыли себе и плыли. Внизу немцы строили дом, Михаська получил две двойки, стер их, а теперь лежит на крыше. Где-то торгует конфетами, отец ходит по цеху. Наверное, Савватей лезет к кому-то в карман. А облака плывут. Плывут, и нет им дела ни до немцев, ни до Михаськи с его двойками, ни до отца с матерью, ни до Савватей.

Плывут, кружат над землей, плавные, белые, беззвучные, спокойные. Смотрят на землю и ничему не удивляются. Им-то не все равно? Они сами по себе...

Михаська слышит снизу чей-то звонкий голос. Он

вскакивает и идет к краю крыши. Внизу, под лестницей, стоит мать.

— Слезай сейчас же! — кричит она, и Михаська понимает: опять что-то неладное.

Он спускается по дребезжащей лестнице, и она поет своими ржавыми струнами.

— Мерзавец! — говорит мать, и Михаська видит в ее руке дневник. — Пойдем! — приказывает она и с силой тащит Михаську за рукав.

— Я сам пойду! Ты что, милиция? — спрашивает он и вырывает руку.

— Я покажу тебе милицию!.. — шепчет мать.

Михаська не узнает ее. Голос у нее скрипучий, и помада размазалась на губах. Ему противно, что помада размазана, что мать размалевалась, что его тащат за рукав, будто он вор.

— Агун! — кричит мать дома и наотмашь бьет Михаську по щеке. — Я встретила Юлию Николаевну.

Михаська трогает щеку. Она, будто курточка с начесом тогда, горит-горит, ее обдает жарким пламенем. Зато все остальное как лед. Другая щека — ледышка. А рука — сосулька. А сам, будто фролихинская бочка со льдом.

Щека пылает, и Михаська думает, что его ударили второй раз, всего второй раз. Первый раз — Савватей, когда отбирал марки. Второй раз — мать. «Смешно, — подумал он, — в войну не била, а после войны...»

— Еще смеешься! — кричит мать и бьет Михаську по второй щеке.

Он даже не моргает. Он смотрит на мать пристально, будто видит первый раз. Он не узнает ее.

Вдруг за матерью он видит лицо Ивановны. Ивановна протягивает матери кружку с водой, и Михаська слышит, как мать глотает воду огромными глотками и лязгает зубами о кружку.

— Отца-мать обмануть вздумал, — говорит мать, успокаиваясь. — Обмануть!.. Честным быть надо, честным, — говорит мать. — Чему я тебя всю войну учила? Честности!

Она плачет.

— Честным? — переспрашивает удивленно Михаська, будто не расслышал. — Значит, честным?

Кино крутится в его голове. Стыдное кино. Там не Чапаев с пулеметом. Там отец с картошкой. Мать с конфетами. Там гора денег за ремнем со звездочкой на пряжке. Там туфли Зальцера.

«Опять врёт! — думает он о матери. — В глаза смотрит и врёт!»

— А вы честно? — кричит он. — А ты честно?

Он думает про стертые двойки. Двойки!.. Какие-то две пары. И гора денег...

Он видит на этажерке серую гипсовую кошку — подарок отца. Там деньги. Отец смеялся: «Уже на бочку». На бочку не на бочку, а мороженных на десять есть.

Неожиданная догадка мелькает у Михаськи. «Ага, кошка, — думает он, — значит, кошку подарили. Мороженым купить хотели».

Он подбегает к этажерке, хватая кошку и грахает ее изо всей силы об пол. Кошка рассыпается вдребезги. Она полна бумажек. Михаська дрожащими руками подбирает бумажки и сует их в карман.

На пороге он оборачивается и снова смотрит на мать. Она глядит на него какими-то большими, виноватыми глазами, совсем не похожими на те, что были пять минут назад. И помады на губах нет.

Михаське хочется крикнуть ей что-нибудь злое за эти пощечины, за этот крик, за то, что она тащила его, как милиционерша. Ему хочется крикнуть ей, но в горле что-то першит, и он говорит ей шепотом:

— А ты честно?

(Окончание в следующем номере.)

Для тех, кого еще не знаю

Эмма МОШКОВСКАЯ

Меня еще там нет,
а мне печется хлеб,
и вот он вынут из огня,
чтоб накормить меня..
И кто-то рано-рано встал —
коров доить уж час настал!
И кто-то стал коров доить,
чтоб молоком меня поить...

И кто-то мне газету шлет,
и кто-то мне одежду шьет,
и кто-то учит роль
и для меня волнуется,
и где-то кто-то учится,
как успокоить боль,
чтоб мне ее не знать!..

И потому
беру тетрадь,
и что-то напеваю,
и вот стихи пишу тому,
кого еще не знаю!

Главный калибр Революции

И. АКИМОВ

Прежде он назывался «Гангут».

Пушки на нем были огромные — руками не обхватишь. Дуло у каждой, как пещера, — на четвереньках ползать можно. И снаряды под

стать. Попадет в дом — только кирпичи полетят, попадет в корабль — тут ему и крышка. Потому-то артиллеристы и считали, что самое главное на линкоре «Гангут» — артиллерия.

А чтобы поворачивать орудийные башни, крутить винты и приводить в движение тысячи других механизмов, были на «Гангуте» паровые машины. Такие мощные, что, если бы понадобилось, они могли бы дать электроэнергию для всего Петрограда. Потому-то корабельные инженеры и считали, что самое главное на «Гангуте» — это машины и приборы.

А еще на «Гангуте» была тысяча матросов. Тех, кто стоял возле орудий, турбин, возле приборов и аппаратов. Офицеры их не считали за людей. Чуть покажется офицеру, что матрос на него не так поглядел, тут же приказ: «Трое суток гауптвахты!» Попробуешь спорить — десять суток получишь.

Гауптвахта как стальной гроб. Зимой в ней стужа, стены ицеем обрастают. Летом жарко, как в печи, дышать нечем. И вся еда — сухарь да вода.

Долго терпели матросы. Пока не лопнуло у них терпение. Было на корабле несколько большевиков. Они и взбунтовали «Гангут». Арестовали офицеров, подняли красный флаг и зарядили орудия, чтобы защищать свободу. Ночью на шлюпках послали делегатов на соседние корабли. За подмогой.

Но, видно, время еще не пришло для восстания. Другие корабли не поддержали «Гангут». Наоборот, по адмиральскому приказу его окружили миноносцы и подводные лодки, навели торпедные аппараты. Уж как силен «Гангут», а со всеми сразу ему не справиться. И своих же товарищей-матросов губить жалко. Гангутцы разрядили орудия...

Скорой была расправа. Одних гангутцев отправили в штрафные батальоны на верную смерть, других — в тюрьмы. А большевиков хотели казнить. Да царь побоялся, что весь флот взбунтуется. Сослал их на каторгу. На всю жизнь.

Но не прошло и двух лет, как освободила матросов революция. Вернулись они на корабль. И сразу в бой.

Враг наступал на суше. И балтийские революционные матросы опоясались крест-накрест пулеметными лентами, с левого боку на поясе — бомбы, с правого — огромные мау-

ПО КОМПАСУ
ОКТАБРЯ
50 ЛЕТ

зеры в деревянной кобуре. Ударили по белой гвардии.

Идет первый северный летучий отряд моряков. Вьются ленточки, блестят штыки. Бьют им в лицо вражьи пулеметы, а они идут на погибель всем врагам революции.

Проходит месяц, потом другой. Много подвигов совершили матросы, но остались их единицы. А враг насаждает...

И вот уже новые товарищи спешат в шенгену, и на каждом пулеметные ленты и бомбы. Снова идут они, как стена. И золотое слово «Гангут» блестит на бескозырках.

Потом ушел третий отряд. Потом, уже в августе 1919 года, четвертый — последний...

На всех фронтах воевали гангутцы. Одна за другой ложились пробитые пулями бескозырки на могилы. Под хмурой Нарвой и на пустынных берегах Амура, на черниговских полях и на горных тропах Семиречья. Один из матросов линкора «Гангут», Владимир Федорович Полухин, был расстрелян в пустыне в числе двадцати шести бакинских комиссаров...

А сам «Гангут» стоял в Кронштадте пустой и холодный. Не было на нем топлива, не было снарядов. Летом волны били в ржавые борта, зимой ветер обрывал косматые немые антенны. Казалось, жизнь оставила его навсегда.

Но стоило затихнуть последним выстрелам на фронтах гражданской войны, как по трапу линкора застучали матросские ботинки. Это возвращались гангутцы. По одному, по два... Запылал огонь в топке. Появился ток. Застучали молотки в отсеках. Пошла работа!

В 1925 году обновленный, могучий «Гангут» был переименован. Он стал называться «Октябрьская революция».

Война с фашистами застала его в родной Балтике. Немцы наступали на Ленинград с суши. Они были уверены, что, окружив Финский залив, захватят наш флот без единого выстрела. И прощались.

Стальной великан сам пошел навстречу вра-

гу. Он поворачивался медленно: один буксир поворачивал его за нос, второй — за корму. Наконец линкор стал бортом к захваченному фашистами берегу. Загрохотало небо, и там, где были позиции фашистов, земля поднялась стеной, оплавленной огнем. Еще удар! Еще!.. Казалось, великан бьет стальным кулаком. Удар — пылает на шоссе колонна танков. Удар — и с од-

ного залпа уничтожена батарея дальнбойных орудий. Удар — и там, где были позиции эсэсовского полка, только разбросанные бревна да рыхлая земля дымятся под холодным осенним солнцем.

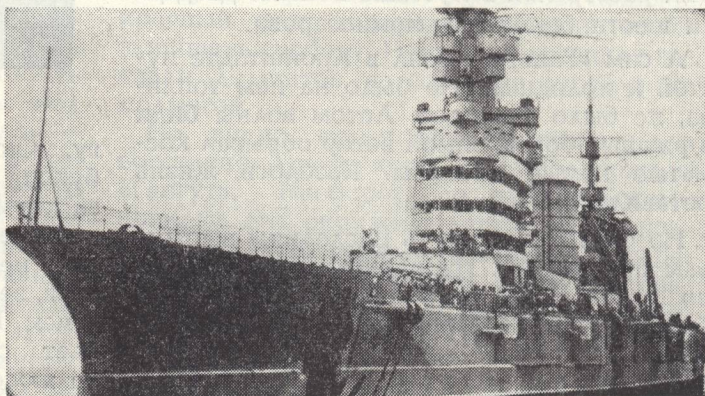
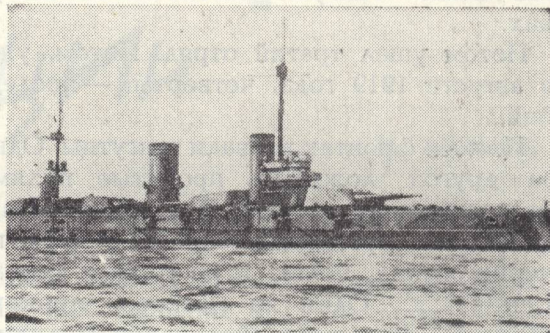
Фашисты бросили на штурм линкора десятки бомбардировщиков. Вода вокруг бортов кипела, содрогался воздух от рева моторов и зенитных залпов. А главный калибр «Октябрьской революции» продолжал бить по немецким позициям. Так было и на следующий день, и на третий, и еще много-много дней, до самой зимы. А после того, как немцев потеснили и залив сковало льдом, первый отряд матросов-добровольцев в серых шинелях и стальных касках сошел на берег. Они сражались, как пехотинцы, но когда настала минута идти в атаку, надевали свои бескозырки.

Однако годы старят не только людей, но и корабли. Все чаще стали требовать ремонта машины, да и пушки уже отслужили свое. И вот через несколько лет после войны буксиры повели старый линкор в последний путь — разоружать.

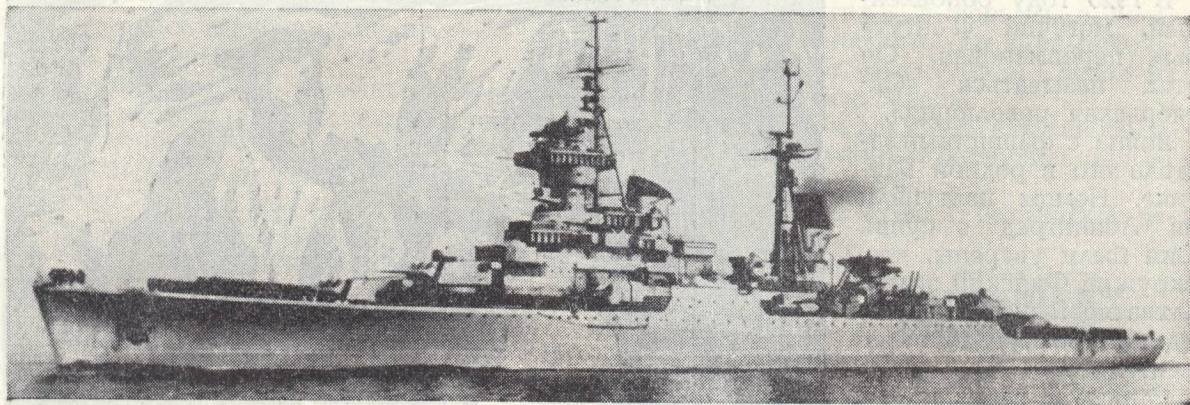
Но есть на нашем флоте чудесная традиция: имя корабля, прославленного подвигами, передавать новым кораблям.

Так что, если вы однажды увидите на рейде современный крейсер, на носу которого будет надпись «Октябрьская революция», не удивляйтесь. Этот крейсер один из лучших на Балтийском флоте. Он вооружен по последнему слову техники.

Я бы мог рассказать о нем поподробнее, но пока что это тайна...

Наверху ты видишь линкор «Гангут», ниже линкор «Октябрьская революция», то есть «Гангут», переоборудованный и переименованный. А внизу новый корабль, носящий то же славное имя, — крейсер «Октябрьская революция». Эти снимки журнал «Пионер» получил в подарок от Центрального Военно-Морского музея Ленинграда.

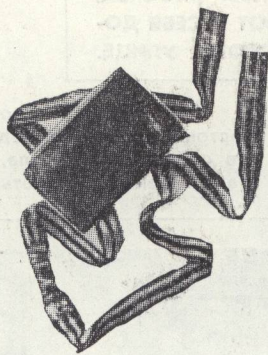

ВЫСТАВКА

НЕИЗВЕСТНЫХ
ФОТО-
ГРАФИЙ,

ИСТОРИЧЕСКИХ
ДОКУ-
МЕНТОВ.

ПАМЯТНЫХ
РЕЛИКВИЙ

ВНИМАНИЕ!
ОБ ОТКРЫТИЯХ
И НАХОДКАХ
РАПОРТУЮТ «ПИОНЕРУ»
КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ
ГОРОДА СТАВРОПОЛЯ.

Семен Иванович Челядинов подарил ребятам и ленточку со своей бескозыркой, той самой, в которой он снят на верхнем снимке.

ДНЕВНИК СЕМЕНА ИВАНОВИЧА — ОЧЕНЬ ЦЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ. «ПИОНЕР» СОВЕТУЕТ РЕБЯТАМ ПЕРЕДАТЬ ЕГО В КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ: ТАМ БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ СМОГУТ ЕГО УВИДЕТЬ, А СОТРУДНИКАМ ОН ПОМОЖЕТ В НАУЧНОЙ РАБОТЕ. СЛАВА СЛЕДОПЫТА В ТОМ, ЧТО ОН ОТЫСКАЛ, А ХРАНИТЬ НАХОДКУ НАДО ТАМ, ГДЕ ОТ НЕЕ БОЛЬШЕ ПРОКУ.

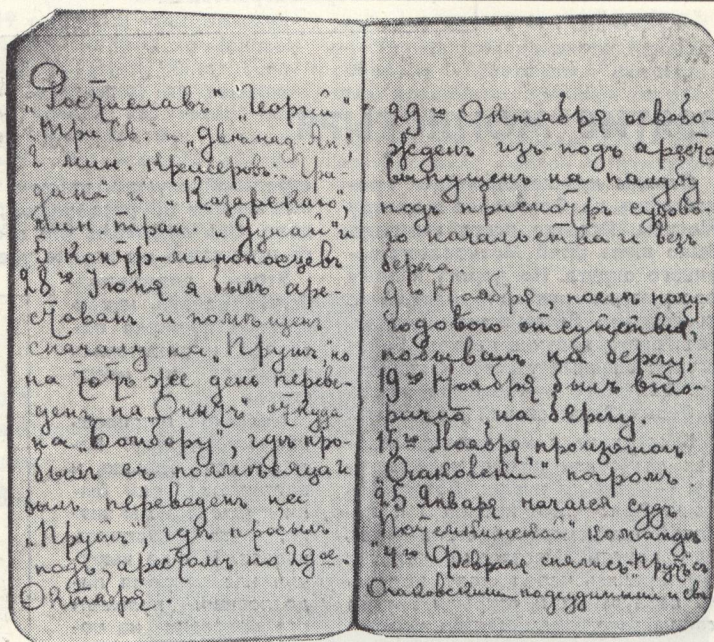
Здорово повезло ребятам из 20-й школы: они познакомились с живым участником восстания на «Потемкине» — легендарном броненосце, о котором вы все, конечно, знаете, — наверное, и в школе учили, и в кино видели, и читали.

Так вот, Семен Иванович был на «Потемкине» телеграфистом. Телеграфист на морском корабле был тогда важнейшим человеком: через него шла вся связь с берегом и другими судами. Когда броненосец восстал, Челядинову поручили охранять телеграфный аппарат, следить, чтобы никто из офицеров не сообщил начальству, что делается на «Потемкине». Семен Иванович — был он тогда молодым, brave матросом с лихими: усами (видите на фотографии?) — вел дневник, изо дня в день записывал каждое событие. Книжечка с записями пролежала у

него шестьдесят два года, пока не узнали о ней следопыты из 20-й школы.

Вот странички из записной книжки: Если присмотреться, вы и на фотографии разберете, что тут написано.

Странички истории

СЛЕДОПЫТЫ ИЗ ОТРЯДА «ПОИСК» (МОСКВА, ШКОЛА № 36) ИСТОРИЮ ИЗУЧАЮТ У СЕБЯ ДОМА — В СВОЕМ ПЕРЕУЛКЕ, НА СВОЕЙ УЛИЦЕ.

Правда, улица и переулок достались им необыкновенные. На улице Остоженке (теперь она называется Метростроевской) в октяб-

ре 1917 года красногвардейцы жестоко дрались с белыми. Там, где сейчас 36-я школа, стоял тогда знаменитый Зачатьевский мо-

настырь. У монастыря были толстые, как в крепости, стены, а рядом, ближе к Остоженке, поднималась высокая башня-колокольня. Все вместе — отличная боевая позиция. Укрепились на этой позиции юнкера, белые. На колокольне поставили пулемет и обстреливали оттуда всю Остоженку — не давали красногвардейцам прорваться к центру города, к Кремлю.

Ребята постарались узнать как можно больше о революционных событиях на Остоженке. Два года работали, нашли документы, фотографии, познакомились со многими участниками боев, записали их воспоминания.

**Смотрите!
Баррикады
на
Остоженке.**

Отряд «Поиск» пригласил в свою школу Федора Гавриловича Смирнова. Сейчас он пенсионер, а в октябре 1917 года (тогда он был рабочим завода «Поставщик») командовал одним из отрядов красногвардейцев. Следопыты записали рассказ Федора Гавриловича.

ВЗЯТИЕ МОНАСТЫРЯ

Отряды красногвардейцев продвигались по Остоженке к центру Москвы. Прежде всего им надо было взять штаб Московского военного округа. Но дорогу к нему преграждал пулемет, бивший с колокольни Зачатьевской церкви. Наш отряд получил приказ обойти с тыла опасный участок Остоженки. Для этого нужно было отбить у белых Зачатьевский монастырь.

В соседних с монастырем дворах мы сняли пожарные лестницы — сколько нашли. Дождались ночи. Приставили лестницы к высокой монастырской стене — там, где ворота. Несколько человек перебрались через стену, прогнали караульных и открыли ворота своим товарищам. Отряд ворвался в монастырский двор со

стрельбой, шумом, криком. Солдаты юнкера не разобрались, в чем дело. Они подумали, что нас много, испугались и в панике убежали.

Утром опомнились белые, поняли, какую важную позицию потеряли, и попытались вернуться в монастырь.

Нелегко пришлось нашему отряду! Белых было больше, и вооружены они были лучше. Но мы знали, что отступить нельзя. И еще выручил нас вовремя подоспевший пулемет: его прислали на помощь отряду из Во-

енно-революционного комитета. Атака белых была отбита. Дорога по Остоженке открылась для красных отрядов.

**Боем за
монастырь
командовал
Ф. Г. Смирнов.**

То, что говорится в этом документе, следопыты знали по рассказам Ф. Г. Смирнова и других участников боев на Остоженке. А недавно они получили фотокопию записки, где речь идет о пулемете, так вовремя подоспевшем на помощь отряду Смирнова, когда он удерживал Зачатьевский монастырь.

«Тов. Штернберг! Пулемет замолк — прислал человека за извлекателем. Расположение линий таково: на Пречистенке — окоп на углу Мансуровского переулка; на Остоженке — окоп на углу 1-го Ушаковского и, наконец, на углу 3-го Зачатьевского и 2-го Зачатьевского. В Зачатьевском монастыре установлен пулемет — наступать невозможно. Есть опасность с левой стороны Пречистенки — это переулки... Левшинский и Штатный пер., где была засада юнкеров и нет возможности их выбить... только оружием можно взять верх. Прошу просьбу, присланную с Мышкиным, выполнить незамедлительно — пришлите для связи мотоциклет.

П. Арутюнянц».

А внизу наискось — приписка: «Наш пулемет окончательно испортился — прошу пулемет немедленно новый».

Отрядом красновардейцев Замоскворечья командовал токарь телефонного завода Петр Добрынин. 31 октября он был смертельно ранен в бою. Начальником Остоженского боевого участка стал студент коммерческого института Петр Арутюнянц. Он-то и написал это донесение в Замоскворецкий военно-революционный комитет.

Павел Карлович Штернберг, к которому он обращается, — профессор астрономии Московского университета, старый большевик. В дни Октября он был членом Замоскворецкого военно-революционного комитета.

В годы первой русской революции Штернберг принимал участие в подготовке вооруженного восстания в Москве. В музее хранится фотоаппарат в виде карманных часов, которым Штернберг вместе с несколькими рабочими, перодетыми для конспирации в сту-

«Прошу пулемет немедленно...»

Тов. Штернберг
 Прислать человека за извлекателем. Расположение линий таково: на Пречистенке — окоп на углу Мансуровского переулка; на Остоженке — окоп на углу 1-го Ушаковского и, наконец, на углу 3-го Зачатьевского и 2-го Зачатьевского. В Зачатьевском монастыре установлен пулемет — наступать невозможно. Есть опасность с левой стороны Пречистенки — это переулки... Левшинский и Штатный пер., где была засада юнкеров и нет возможности их выбить... только оружием можно взять верх. Прошу просьбу, присланную с Мышкиным, выполнить незамедлительно — пришлите для связи мотоциклет.

денческую форму, делал на улицах Москвы фотосъемки. Эта операция была проведена под видом студенческой геодезической практики. План Москвы, составленный в 1906 году, Штернберг хранил

в телескопе университетской обсерватории вплоть до октябрьских дней семнадцатого года.

И. АВЧИНА,
 старший научный сотрудник
 Государственного музея
 Революции

КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ «ОДЕССА» — ЭТО СОТНИ ОТРЯДОВ, ТЫСЯЧИ ПОИСКОВ. ОБ ОДНОМ ИЗ НИХ РАССКАЗЫВАЮТ ЧЛЕНЫ КЛУБА «КОЛУМБ».

В 1919 году 45-я краснознаменная дивизия, которой командовал Иона Эммануилович Якир, освободила наш город от денкинцев. Вот почему, как только наступают каникулы, мы, красные следопыты Ильичевского района Одессы, отправляемся в путь по дорогам гражданской войны. Летом — на плотках по Днестру, зи-

мой — на лыжах. Мы разыскиваем участников легендарного похода, собираем материалы, фотографии, документы, реликвии тех лет. К 50-летию Великого Октября торжественно откроем музей революционной, боевой и трудовой славы.

Вот несколько фотографий и документов, собранных нами.

Якир с Приднестровским отрядом. 1918 г.

Мы познакомились с ветераном 45-й дивизии товарищем Федоренко. У него сохранились две интересные фотографии. Первая — 1919 год. Тираспольский партизанский отряд. Вторая — 1918 год. Приднестровский партизанский отряд с перешедшими на сторону Советской власти петлюровскими частями. В центре в папаше стоит Якир.

В Киеве мы побывали у генерала в отставке Михаила Семеновича Петренко. Он служил в конной бригаде Котовского, входившей в 45-ю дивизию.

Тираспольский партизанский отряд. 1919 г.

У нас записаны воспоминания М. С. Петренко.

В РАЗВЕДКЕ

Служил я начальником конной разведки. Однажды вызвал меня начдив товарищ Якир.

— С белополяками, — сказал Якир [а это было на польском фронте], — заключено перемирие, но они бросают против нас петлюровцев. Поручаю вам обнаружить сосредоточение петлюровских банд и обязательно захватить «языка».

Ранним утром следующего дня команда разведчиков с двумя ручными пулеметами «Льюис» выступила по указанному маршруту.

Отъехав километров тридцать, мы приблизились к окраине местечка Старая Синява. И вдруг увидели, что в нашу сторону движется конная группа в черных башлыках. Не было сомнений, это петлюровцы.

Я решил пойти на хитрость: велел бойцам снять красные звездочки — то, что могло бы выдать нас, как красных бойцов.

Когда мы приблизились, я спросил:

— Кто вы, добродию!

— Я хорунжий з куреня батька Петлюры, — отвечал он. — А вы!

— А мы червонные разведчики, — отвечаю.

И, обнажив клинки, красноармейцы кинулись на бандитов.

Захваченные врасплох, петлюровцы рассыпались в разные стороны. По ним строчили наши пулеметы. Хорунжего и старшину мы взяли в плен. Доставленные в штаб дивизии, они дали ценные сведения.

На польском фронте Михаил Петренко был награжден орденом Красного Знамени.

Червонный разведчик Петренко.

А вот листовка с постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны за подписью Владимира Ильича Ленина.

«Совет рабоче-крестьянской обороны в заседании от 1-го октября с. г. постановил:

1. Наградить славные 45 и 58 дивизии за геройский переход на соединение с частями 12-й армии почетными знаменами Революции.

2. Выдать всей группе тов. Якира за этот переход, как комсоставу, так и всем красноармейцам, денежную награду в размере месячного оклада содержания.

Председатель совета Рабоче-крестьянской обороны
В. Ульянов (Ленин)

Секретарь Совета Рабоче-крестьянской обороны
Л. Фотиева

Москва, Кремль
1-го октября 1919 г.»

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

В. СЛУКИН,
Е. КАРТАШЕВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Впервые этот корабль увидел экипаж «Таймыра» — грузовой ракеты, летевшей по маршруту Земля (космодром Килиманджаро) — Марс-4. Гудок тревоги раздался неожиданно. На экране переднего локатора появилось светлое пятнышко. Дежурный навигатор повернулся в кресле.

— Прямо по курсу, — спокойно сказал он, — в тридцати шести мегаметрах движущееся тело. Это корабль!

Капитан покачал головой.

— В этом секторе не должно быть сейчас кораблей. Но все же дайте общий вызов. Запросите направление и название.

Встречный не отзывался, продолжая идти прямо на «Таймыр». С каждой секундой расстояние сокращалось.

— Повторите вызов, — капитан стоял перед локатором, — на всякий случай приготовьтесь к маневру. Поворот на полградуса влево и выход на прежний курс.

Встречный молчал. Теперь его уже хорошо было видно на переднем телеэкране. Темное веретено, горящие бортовые огни — два красных, два зеленых — все нормаль-

но. «Нужна ли помощь?» — запросил «Таймыр». В ответ ни звука.

— Поворот! — скомандовал капитан.

Тела людей вдавились в надувные подушки кресел. Через десять минут встречный корабль пронесся мимо. Бортовые огни — два красных, два зеленых — все нормально! Но у корабля был еще один бортовой — белый. «Что за сигнал?» — повернулся навигатор к капитану. Капитан пожал плечами и вдруг закричал:

— Люк! Открытый люк!..

...Затем о загадочном корабле сообщил радист большого пассажирского лайнера «Кибальчич», шедшего очередным рейсом на Марс-1: «Впереди по курсу неизвестная ракета странной конструкции. На вызовы ответа не дает». Через несколько минут «Кибальчич» дал «SOS» и исчез навсегда...

...Потом при встрече с неизвестным кораблем была повреждена выстрелом из противометеорной пушки исследовательская ракета «Ньютон». Она разбилась при посадке на Ганимед, и три члена ее экипажа погибли. В звездном флоте стали в шутку поговаривать о каком-то корабле, при-

носящем при встрече несчастье. Кто-то вспомнил легенду о «Летучем голландце». Действительно, было сходство! Звездолетчики уже полусерьезно желали улетающим друзьям не встретить в пути «Летучего голландца».

Вот тогда-то штаб противометеорной службы отдал приказ всем своим патрульным кораблям найти и обезвредить неизвестную ракету, которую некоторые называют «Летучим голландцем».

Корабль метеорного патруля МП-149 обнаружил «Голландца» только через три года после приказа штаба. В секторе восемьдесят третьем было уничтожено небольшое метеорное скопление, но на экране локатора осталось светящееся пятно. Оно росло и приближалось и через некоторое время превратилось в силуэт корабля. Сектор был временно закрыт для прохода рейсовых ракет. МП-149 пошел навстречу неизвестному, чтобы предупредить о запрете. Встречный корабль на вызовы не отвечал. Вскоре все стало ясно. Появилось знакомое по описаниям черное веретено «Летучего голландца» со светлой точкой на месте открытого люка.

МП-149 резко развернулся и сбавил скорость, чтобы подождать таинственный корабль...

...Громадина «Голландца» уже почти совсем рядом. На МП-149 нацелена противометеорная пушка... Корабли уравнили скорости и, казалось, застыли друг против друга.

— Кому-то надо идти, — сказал командир.

Врач сразу же стал подготавливать свой скафандр.

— Лева! Товарищ Пименов! — просительно сказал командиру навигатор.

Пименов отрицательно покачал головой.

— Конечно, это — нарушение устава, но ведь я немного и механик, и навигатор, и кибернетик, и врач... Туда пойду я... Старшим останешься ты, Кнут, — кивнул командир навигатору Торвальдсену.

...Скафандр. Трубка автономного двигателя. Контейнер с необходимыми вещами. Двойной комплект регенераторов воздуха... Командир встал.

Он шагнул в выходную камеру. В помещении загорелась лампочка, зашипел выпускаемый воздух, и наконец открылся выходной люк. Командир нырнул в черную пустоту, поплавал некоторое время вблизи своего корабля, потом включил двигатель и направился со стороны кормы

к черному веретену, заслонявшему звезды. Впереди виднелись огни — два зеленых, два красных и один яркий белый — открытый выходной люк...

Пименов осторожно приближался к «Летучему голландцу» с той стороны, где противометеорная пушка была закрыта корпусом корабля. Красных огней, оставшихся на другом борту, уже не было видно. Лишь зеленые немного освещали тело ракеты, придавая ему какой-то фантастический, мрачноватый оттенок.

Командир, прижимаясь к корпусу «Голландца», медленно подплыл к люку. Затем, сделав два-три направляющих выхлопа, прыгнул прямо в выходную камеру неизвестного корабля.

— Порядок! — прогудел он в шлемофон. — Я на борту.

— Счастливо! — ответили с МП-149.

Пименов уже нажимал кнопку закрытия внешнего люка. Вскоре автоматически открылась дверь в первый отсек. Командир хотел после этого поднять шлем скафандра, но вспомнил, что говорил врач: «Возможно, на том корабле была эпидемия». Не открывая шлема, Пименов пошел в глубь «Летучего голландца».

В коридоре ярко светили лампы. В глубине коридора какая-то надпись. Он подошел поближе.

Латинский шрифт! Постепенно буквы стали складываться в слово «Discovery».

— «Дисковери»... Ах, да! Вспомнил! Только я неправильно произношу! Не «Дисковери», а «Дискавери»... Конечно же, английский язык! «Дискавери» — «Открытие»... Почти двести лет тому назад...

Эту легенду знали все в школе астронавигации. Все, от новичка-салаги до опытного, выдавшего виды пятикурсника, уже ходившего по околоземным и лунным орбитам...

Почти двести лет назад... Это случилось на Фобосе, спутнике Марса, том самом Фобосе, который теперь излазили вдоль и поперек. На обломке скалы нашли три трупа в скафандрах. Один лежал ничком. Другой разбился, упав с невысокой скалы. Третий, застекленев, стоял на коленях возле отвесной скалы, прислонившись к ней руками. Стекло его шлема было поднято. Судя по нарукавному знаку, этого третьего звали Джордж Джефферсон. Полковник Джефферсон. На скале удалось прочесть едва заметную надпись: «Черт бы побрал эти автоматы!» Как потом выяснила авторитетная комиссия, их корабль

поднял автоматический навигатор. Поднял «самопроизвольно». Ошибка ли в программе или чья-то оплошность, но факт остался фактом: корабль поднялся, оставив на крошечном спутнике Марса весь экипаж. Корабль назывался «Дискавери» — «Открытие». Эта история наделала в то время много шума. Вновь поднялся вопрос о «бунтующих автоматах». Некоторые конструкторы, поддавшись общему настроению, отказывались от автоматических навигаторов. В результате погибло несколько

приборы. Крохотные экраны на всех четырех стенках. Экран противометеорного локатора. Потертые кресла командира и навигатора. Толстенный слой пыли на их черном кожаном покрытии. На столике пластиковые листы со звездными картами. Планы фарватеров в метеорных полях.

Пименов подключил антенну своего шлемофона ко внешней антенне корабля.

— МП-149... Говорит Пименов... Как слышите? Прием...

— Слышим прекрасно. Как дела? Что за корабль? Можно ли подойти поближе? Прием.

— Эта старая калоша называется...

И тут какая-то страшная сила ударила Пименова в грудь. Он упал в командирское кресло и только через несколько секунд понял, что почему-то включились двигатели. «Дискавери», набирая скорость, уходил от МП-149.

— МП-149... МП-149... Стреляйте по мне из противометеорной! Кораблем управлять не могу. Представляю опасность для других межпланетных ракет. Стреляйте! Я — цель! Огонь!

МП-149 не отзывался. Плазменные струи из двигателей «Дискавери» повредили антенны патрульного корабля... Когда антенны были исправлены, «Голландца» уже рядом не оказалось, и лишь однажды сквозь шумы и трески космических помех донеслись слова:

— МП-149... МП-149... Говорит Пименов. Говорит Пименов...

На этом связь оборвалась. Запеленговать местонахождение «Летучего голландца» не удалось.

Старинные двигатели выли так, что закладывало уши. Корабль сотрясала сильная вибрация. Ускорение было не очень большим, максимум два «же», но Пименов упал в кресло от неожиданности. Он стал быстро осматривать пульт управления,

Командир медленно подплыл к люку.

американских и два французских исследовательских корабля. Потом все вошло в обычную колею. Автоматы работали надежно, и о случившейся истории стали забывать. Она постепенно превратилась в легенду, ходившую лишь среди курсантов в школе астронавигации...

«Дискавери» — «Открытие»... Значит, это тот самый легендарный корабль! Пименов пошел в рубку управления. Непонятные

сился найти кнопку, выключавшую двигатель. Все кнопки на пульте казались одинаковыми, все циферблаты смотрели своими круглыми глазами, будто удивляясь несмысленности космонавта. А Пименову было не до шуток. Рядом в секторе пролегла трасса грузовых ракет Земля — Марс. Правда, вероятность встречи столь мала, но... Он вспомнил судьбу «Кибальчича» и «Ньютона». Такой встречи нужно избежать. Неуправляемых тел не должно быть в районе судоходного сектора: Пименов решительно заорал в микрофон:

— МП-149! МП-149!.. Стреляйте по мне из противометеорной! Кораблем управлять не могу! Представляю опасность для других! Стреляйте по мне!

МП-149 не отзывался. На заднем экране еще виднелся его силуэт.

— МП-149! МП-149!.. Отзовитесь! Говорит Пименов!..

Патрульный корабль молчал. Пименов по очереди надавливал все кнопки. Стрелки индикаторов метались, как ошалелые. Командир дернул за какой-то проводок.

Вдруг противная вибрация исчезла. Уши вновь заложило. На этот раз от тишины, тишины густой, словно вата. Тишины, которая залезала во все поры тела, во все щели... Двигатели смолкли...

Пименов встал с кресла, прошелся по рубке управления. Опять подошел к пульту, взглянул на кнопки. «А нет ли здесь такой, чтобы нажать и... бац! Нет корабля, нет опасности!.. Вот он, проводок на пульте... Рядом с кнопкой... Да это же кнопка «Запуск»! Теперь ясно, почему каждый раз включались двигатели: случайно оторвавшийся проводок при выстреле пушки замыкал цепь включения. А он, Пименов, наверное, его зацепил, когда стоял у пульта».

Пименов снова сел в кресло навигатора и вдруг почувствовал, что очень хочет есть. Он вынул из контейнера термос и тубы с пастой. Немного поколебался и поднял стекло шлема. В нос ударил какой-то специфический запах, запах чужого корабля. Через несколько минут он уже привык к этому запаху и перестал его замечать. Кофе согрел, паста немного подкрепила. «Пищу надо экономить», — подумал он...

...Старый-престарый американский корабль несется вокруг Солнца в космической пустоте. Орбита корабля все время меняется. Он изредка встречается с другими ракетами на межпланетных трассах.

Несколько встреч и несколько катастроф. «Летучий голландец»... Это здорово придумано. Но все-таки что же случилось каждый раз? Как получалось, что корабли, имеющие на борту все для обеспечения безопасности полета, гибли или терпели аварии? Конечно же, не в злом роке дело и не во взбесившихся автоматах... Люди на встречных ракетах считали, что старый корабль терпит бедствие, пытались оказать помощь, но срабатывала автоматическая противометеорная защита «Дискавери». Встречным кораблям приходилось посылать в эфир «SOS». Некоторые не успевали сделать даже этого... Что с МП-149? Почему он не отзывался? Живы ли ребята? Как им помочь? Он снова включил шлемофон:

— МП-149... МП-149...

Ответа не было. Только шорохи и шепот космоса... «Где искать ребят? Где нахожусь я сам? Сколько «Дискавери» успел пролететь с тех пор, как я попал на его борт? Как определить все это? Незнакомые приборы, неизвестное управление, неизвестные двигатели, неизвестные звездные карты... Хотя бы что-нибудь знакомое для начала!»

А «Летучий голландец» мчался все дальше и дальше, куда-то в район судоходных тридцатых секторов...

Пименов встал с командирского кресла, отогнул подальше от контактов проводок на пульте у кнопки «Запуск» и вышел из рубки в коридор. На левой стороне четыре двери, на правой — одна в выходную камеру и еще одна дверь в конце коридора, видимо, в реакторное отделение. Пименов открыл первую дверь — библиотека: на полке стоит несколько книг. В маленьких ящичках множество микрофильмов. На столе аппараты для чтения. Во второй комнате — радиорубка. Передатчик не работает, что-то стряслось за эти две сотни лет. Жаль, даже «SOS» нельзя передать. «Нужно попробовать исправить передатчик. Это — главное». Третья комната была складом-холодильником и камбузом. В холодильнике лежали окорока, колбасы, замороженные овощи, банки с пивом и еще каким-то напитком. «Живу! — подумал Пименов. — Строгий рацион... И почти санаторий».

Четвертая дверь вела в кают-компанию и каюты экипажа. В каюте командира на стене фотография молодой женщины и портрет девочки лет семи с голубыми глазами и лукавой улыбкой. Пименов вздох-

нул, повернул фотографии к стене и сказал:

— Ну, командир, принимай! Теперь это твой корабль, твой каюта.

Он решил походить по кораблю, обследовать отделения и трюмы.

Он сходил в рубку управления, принес оттуда свой контейнер, оставил мясную пасту в холодильнике, остальное сложил в шкафчик. Затем снова пошел в библиотеку. Книги и фильмы. Толстые тома в золоченых переплетах и узкие пленки на пластмассовых катушках... А вот и то, что

нужно: он нашел «Звездную лоцию» Сэлинджера — книжку, о которой упоминалось в предисловиях ко всем современным учебникам астронавигации. Он быстро начал вспоминать. Об этой проекции им читали в лекциях по истории космонавигации... Модели систем управления стояли в Музее Циолковского в Калуге. Он помнил, как экскурсовод долго и скучно рассказывал студентам о недостатках этих систем и преимуществах систем современных. Валька Штернберг тогда чуть не уснул, Гарри и Маринка, как всегда, шептались в углу, а сам Лева Пименов думал о том, зачем им забивают голову ненужной дребеденью. «Вот бы послушать всю эту «дребедень» еще раз да поподробнее!»

«Однако Сэлинджер может немного подождать, — решил командир, откладывая в сторону «Звездную лоцию», — теперь самое главное — это восстановить связь, исправить передатчик. Второе — это определить положение «Летучего голландца» в пространстве и рассчитать его орбиту». Пименов перешел в радиорубку, стал просматривать и проверять блоки передатчика. Пименов не знал этих старых схем. Чтобы их изучить, потребовалось бы слишком много времени. Передатчик так и не заработал...

А «Летучий голландец» мчался дальше по своей орбите, описывая громадный эллипс вокруг Солнца. Где-то впереди судоходные тридцатые секторы. Пассажирские, грузовые, исследовательские ракеты. На них люди, люди... И туда летит эта старая калоша, приближая Пименова к людям и людей к неведомой опасности. Обязательно нужна связь. И еще необходимо увести «Голландца» из зоны, в которой он снова мог стать причиной аварии.

Пименов вспомнил об МП-149. Из-за его, Пименова, халатности и беспечности потерпел аварию патрульный корабль. Сам-то Пименов жив, а что там с его друзьями, что с МП-149?

Но долго раздумывать нельзя, нужно действовать. И Пименов опять засел в библиотеке. Он занимался английским,

считал, возился с приборами в рубке управления, чертил. Через две недели он уже был в состоянии рассчитать самый лучший вариант возвращения на Землю. Но топлива оставалось очень мало. Лететь экономично — значит лететь не с максимальной скоростью. Полет до Земли должен продолжаться восемь месяцев, почти все время с выключенными двигателями. Хватит ли продовольствия? Да, хватит, если питаться разумно. «Нужно сбрасывать лишний вес, — сказал себе Пименов, — экономия сил, ни одного лишнего движения. Везде экономия!» Он отрезал от своего куска замороженного хлеба — сегодняшней порции — половину и положил ее в этиленовый хлебный термос — на завтра...

...А на следующий день в точно назначенный момент Пименов включил двигатель (кнопка «Запуск» была давно исправлена). «Дискавери» стал набирать скорость. Командир лежал в черном кожаном кресле и смотрел на показания приборов. Совсем недавно он вот так же лежал и сиделся найти кнопку, выключавшую двигатель... Теперь Пименов знает, где она. А такой кнопки, нажатие которой уничтожало бы корабль, нет вообще. Правда, «Дискавери» может все-таки взорваться. То есть взорвутся, конечно, двигатели. Но вместе с ними и корабль. Этот рычаг находится у входа в реакторный отсек под стеклом, в коробке с пломбой. Пименов так и не смог точно узнать, для чего был сделан такой рычаг. Видно, на случай какого-то особого режима реакторов. В инструкции говорилось, что включать этот рычаг можно не более чем на пять секунд. «Во избежание взрыва» — так там было сказано...

Двигатели отработали положенное время и смолкли. Вновь наступила тишина, прекратилась вибрация, замерли стрелки индикаторов. Теперь нужно только ждать, ждать... Почти восемь месяцев...

Пименов подумал, что теперь может поваляться, почитать старые книги, вообще отдохнуть. И действительно, дней десять он не вылезал из библиотеки, читал подряд и Эдгара По, и Харуэлла, и техническую литературу, улыбаясь иногда тому, с какой серьезностью ученые того времени обсуждали вопросы, известные теперь каждому школьнику.

Потом он решил немного размяться и походить по кораблю, обследовать отделения и трюмы, и это обследование затянулось почти на месяц. Командир ковырял-

ся в старинных приборах, поражаясь, как с такой примитивной техникой можно было летать в пространство, исследовать миры и делать чудесные открытия. Пименов попал как бы в музей старинной утвари и аппаратуры. Все казалось интересным, все хотелось пощупать своими руками, попробовать в действии.

И он пробовал. Вертел громадные черные пластмассовые рукоятки, смотрел в окуляры, на экраны, пытался разобраться в устройстве приборов. К вечеру, усталый, он приходил в каюту и заваливался на койку... А утром все начиналось сначала: незнакомые приборы, странные предметы...

Но однажды, проснувшись, командир почувствовал, что сегодня ему не хочется идти ни в библиотеку, ни в трюмы, ни в машинное отделение. Не хотелось даже вообще вставать с постели. Не было аппетита. Пименов подумал, что захворал, но температура была нормальной, ничто не болело. «Просто напала лень, — решил командир, — нужно обязательно ее перебороть!» Вместо этого перевернулся на другой бок и снова уснул.

Он проспал еще часа три, затем вскочил с постели:

— Кто там? Кто здесь есть?

Походил босиком по каюте, выглянул в коридор, прошелся по всем помещениям. Никого! Наверное, приснилось, хотя ему так ясно послышалось, будто кто-то его позвал: «Лева!»

— Приснилось!

Пименов оделся и пошел в библиотеку. Взял микрофильм «Марсианская палеоботаника». Тонкие листочки, похожие на земной остролист, отпечатки больших древовидных папоротников, а вот прямо настоящие кленовые листья.

В это время в дверь библиотеки постучали.

— Да-да! — машинально произнес Пименов и тут же бросился к двери.

В коридоре было пусто. Ровно светили лампы. Тишина. Пименов чертыхнулся и снова вернулся к палеоботанике. Досмотрел все кадры до конца. В коридоре слышались шаги. Пименов прыгнул с кресла, рванул дверь на себя. Никого. Только поскрипывала под потоком воздуха дверь в рубку управления. Командир прошел в рубку, осмотрел ее, заглянул за чем-то под кресла, открыл щитки вычислительной машины, вытер пыль с кибернетического навигатора и вернулся в биб-

лиотеку. Палеоботаника уже не лезла в голову. Все время слышались какие-то шорохи, шепот, стуки. «Расстраиваются нервишки,— решил Пименов,— не надо обращать внимания. Пройдет. Возобновить обтирания холодной водой по утрам и все время чем-то заниматься...»

Но заниматься было нечем. Шел четвертый месяц полета. Некоторые книги уже перечитаны по нескольку раз. По два раза в сутки Пименов определял положение «Дискавери» в пространстве. Откладывал пройденный путь на карте, проверял курс. Все работало нормально. И через полчаса командир снова сидел без дела. Пименова опять стали преследовать шаги и стук.

«Докатился! — думал командир. — Негодный я космонавт. Мало, наверное, мне пришлось побыть на тренировках в «камере молчания». Месяц — разве это срок? На этом корабле я уже почти четыре месяца. Три из них для меня пролетели незаметно, а вот четвертый...» Четыре месяца молчания. Робинзон болтал с попугаем. А он, Пименов, за четыре месяца ни с кем ни слова. Не было ни попугая, ни Пятницы, ни говорящего, думающего, спорящего робота. Хотя, впрочем, роботы — это чепуха. Давно доказано, что никакой заядлый спорщик-автомат не заменит самого спокойного, неразговорчивого человека.

Астропсихологи давно уже установили, что в дальние перелеты обязательно нужно отправлять не менее двух человек. Путешествие на «Дискавери» явилось неожиданной проверкой этих выводов.

Путешествие... Не легкая прогулка по дачным окрестностям старушки Земли, не исследовательский вояж, не обычный транспортный рейс по расписанию. Это путешествие стало битвой человека с одиночеством.

Четыре месяца прошло, еще четыре осталось. Пролетела всего какая-то половина пути. И осталась еще целая половина!.. Прежде всего нужно дело. Дело, которое потребовало бы напряжения всех сил. Только так можно выдержать!

Снова началась работа по шестнадцать часов в сутки. Приборы и микрофильмы... Навигационные наблюдения... заполнение бортового журнала... Ремонт канализационной системы... Пименов выискивал себе, казалось бы, самые неожиданные занятия. Всякие стуки и шорохи надолго исчезли. «Дискавери» приближался к Земле. Земля уже виднелась довольно большим диском, возле которого вращалось пепельное пят-

нышко Луны. Командир часто поглядывал в иллюминатор.

Вспоминались знакомые картины — белые березовые рощи, широкие поля, огромные реки, каких нет ни на Марсе, ни на Венере, ни на какой-либо другой планете. В черноте возникло лицо мамы. Она провожала его в тот полет на МП-149...

Резкий звонок! Командир съезжился, замер, но не оторвал взгляда от иллюминатора. Звонок! «Неужели снова начался бред? Нападения, миражи и прочая чертовщина?» Резкий звонок!..

Пименов медленно повернул голову. На пульте вспыхивала и гасла красная лампа. Еще звонок! Пименов закрыл глаза и зажал уши. Снова открыл. Звонок... Тогда он быстро подбежал к пульту. На экране переднего локатора — светлое пятно. Командир вздохнул с облегчением и сел в кресло. «Ну, это уже проще! Метеор!..» Их уничтожение — его специальность. Пименов мгновенно успокоился, определил по датчику расстояние до метеора, его размеры, скорость, состав и прочие данные...

Светлое пятно метеора точно в центре локатора. Как раз там, где перекрещиваются линии прицела. Значит, противометеорная пушка уже нацелена. Значит, можно уже ни о чем не беспокоиться. Пушка сработает, ведь срабатывала же она безотказно, когда «Дискавери» встречался... Вдруг Пименов похолодел: а что, если приближается не метеор? Да, да, не простой метеор, не обломок скалы, а космический корабль? Вспомнилась судьба «Кибальчича». На нем было около пятидесяти человек... Обязательно нужно определить, что это за предмет, и постараться выключить автоматику пушки. До встречи осталось часа два-три. Что-то еще можно сделать...

Старый локатор, который вообще-то чудом не перестал работать за эти прошедшие две сотни лет, не мог точно ответить на вопрос, что летит навстречу «Дискавери». Спектрограмма показывала: железо, никель, титан и еще целая куча элементов. Вполне может быть и железный метеорит, и старый, отживший свой век космический зонд, и последней конструкции исследовательский корабль. И самое главное, спектрограф не мог сказать, есть ли там, впереди, люди, живые люди.

Пятно на экране локатора продолжало расти. До встречи оставалось совсем немного времени. Можно, конечно, изме-

нить курс. Но тогда не хватит горючего для возвращения на Землю.

А вот на переднем экране уже возникает силуэт летящего впереди тела. Точно! Корабль! Не зря Пименов волновался. Нужно что-то срочно делать...

И тут Пименов вспомнил о своем шлемофоне, нашел его, надел и, подсоединившись к внешней антенне, закричал в микрофон: «Слушайте все! Говорит «Дискавери», говорит «Летучий голландец», говорит Пименов... Отзовитесь! Прием».

Почти тут же он услышал: «Лева! Живи! Мы ищем тебя уже полгода. Где ты пропал, бродяга? Включай тормозные... Мы подойдем к тебе своим ходом».

Пименов без раздумья надавил кнопку запуска тормозных двигателей. Корабль залихорадило, началась сильная тряска. В глазах запрыгали желтые зайчики. Скорость быстро спадала. А встречный корабль приближался. Вскоре Пименов узнал его. Это был «Стремительный» из космспасательной службы.

«Как ты там, Лева?»

«Отлично. Что нового дома? Что с МП-149?»

«Все в порядке. Тебя ищут шесть кораблей... На МП все живы-здоровы. Они уже снова в дозоре...»

Изображение «Стремительного» быстро увеличивалось. Вот в носовой части космспасателя появились белые полосы. Это включились тормозные двигатели. Скорости обоих кораблей стали уравниваться, и через некоторое время «Дискавери» и «Стремительный» почти застыли друг против друга.

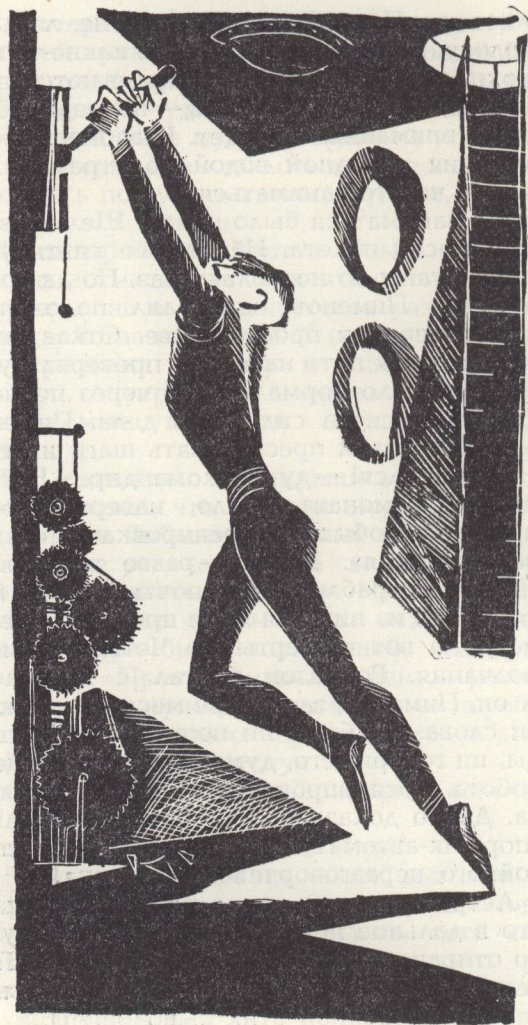
Пименов спохватился — он до сих пор не отключил противометеорную пушку. Времени почти не было. Командир решил предупредить «Стремительный», чтобы космспасатель не подходил очень близко к «Летучему голландцу».

Ответа не пришло. Странно!.. «Стремительный» молча летел к «Дискавери».

«Ко мне приближаться опасно! Прием...»

Космос молчал. «Что у них там стряслось? Или у меня передатчик не работает? Где же выключается противометеорная пушка?»

«Стремительный» был уже совсем рядом. Пименов попробовал еще раз передатчик. Молчание. Связь не работала. Нужно же было ей прерваться в такой момент! «Дискавери» нужно уводить, — подумал Пименов, — иначе может погибнуть другой корабль, могут погибнуть люди...»

Он разбил стекло и нажал на рычаг.

Командир включил реакторы. «Дискавери» отдалился от «Стремительного». Но космспасатель резко развернулся и благодаря своим мощным двигателям, которые были, конечно, не чета старым американским, стал быстро настигать корабль Пименова. Командир с беспокойством следил за приближением «Стремительного». Вот осталось сто километров... Вот двадцать... Вот десять километров...

Снова включились тормозные двигатели космспасателя. Еще немного — и «Стремительный» поравняется с «Дискавери». А подходить близко нельзя!..

Пименов снова подскочил к пульту управления. «Где же ручка поворота?» Командира резко бросило влево, прижало к стене. «Стремительный» остался с пра-

вого борта. Там заметили маневр и тоже начали поворачивать.

Вдруг Пименов увидел, что стрелка указателя горючего стоит около нуля. Он израсходовал почти все, что оставил для приземления. «Стремительный» опять стал подходить. «Осталось одно...» — понял Пименов.

Он выскочил из рубки управления и побежал к реакторному отделению. Вот она, коробка со стеклом, коробка под plombой. Там рычаг. «Включать его можно не более чем на пять секунд во избежание взрыва... Не будет корабля — не будет опасности...» — думал командир.

Он разбил стекло и нажал на рычаг. Таких ускорений командир еще никогда не испытывал. Ему показалось, что стенка реакторного отделения мгновенно ушла вниз, а его, Пименова, бросили откуда-то

с высоты на эту стенку. В глазах абсолютная чернота. Мозг автоматически отсчитывал секунды: «И-раз, и-два, и-три, и-четыре, и-пять, и-шес...»

★

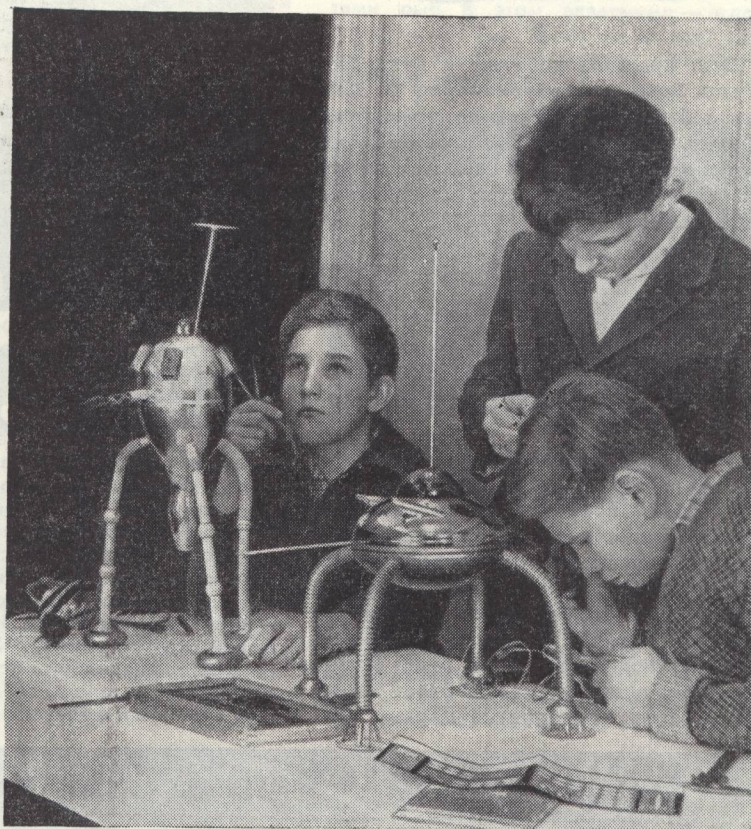
Может случиться, что когда-нибудь по пути на Марс или на более далекие планеты вы встретите искореженный взрывом корпус старинного космического корабля, на одном из бортов которого нарисован громадный портрет человека в гермошлеме. И я точно знаю, что вы оставите на минуту все ваши дела и молча проводите взглядом этот памятник последнему командиру «Дискавери», корабля, прозванного в звездном флоте «Летучим голландцем»...

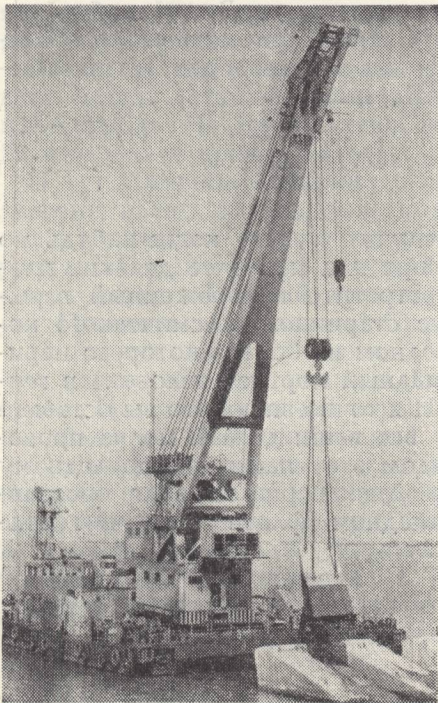
Это не загадочная картинка, а самая реальная правда, но все равно никто из вас не догадается, что за машины стоят на столе перед юными конструкторами. Электрокофейники? Не угадали. Может быть, части разобранного Смехотрона или машина мечты — автоподсказчик по всем предметам и даже по пению? Нет, нет и нет. Это действующие модели. Луноход с отбойным молотом. «Приземлившись» на Луне, он тут же принялся бы крошить глыбы лунных пород. Для чего? Для того, чтобы взять пробы.

Вторая машина — ракета с плазменным буром, ей доступны самые твердые породы.

— Когда прилунение? — спросите. Ну, немного придется обождать.

Конструкторы — ребята из технического кружка клуба «Орленок» при МГУ: Шкинев Витя, Чермащенко Саша, Мазил Миша и Пажитнов Игорь.

ПЛАВАЮЩИЙ ТРАКТОР

Десятитонная машина, лязгая гусеницами, развернулась на берегу реки и направилась прямо к воде. Минута... другая... и вот уже эта громадина плывет и не тонет.

Плавающий трактор — так называется эта машина — может многое. Он взламывает на реках лед, разбирает заломы, когда бревна громоздятся друг на друга и тормозят движение, буксирует связки бревен через малые озера. Понадобилось скатывать бревна в воду — тракторист включает двигатель, и вот уже одно за другим они покатались по берегу. Понадобилось подтолкнуть леста там, где слабое течение, — трактор спускается в воду, причем работает теперь другой двигатель — водометный.

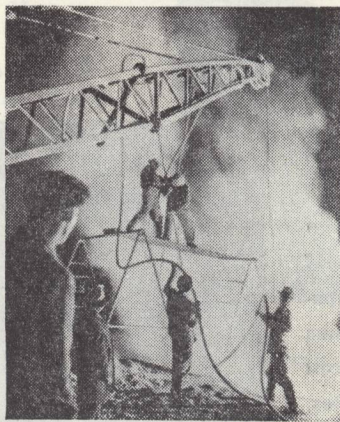
Машину эту сделали в «лесной» республике — Карелии, на Онежском тракторном заводе.

"ЧЕРНОМОРЕЦ-1"

Этот красавец работает в Сухумской бухте. Зовут его «Черноморец-1». Сейчас в бухте идут работы по укреплению берега. Посмотрите, как плавучий кран «Черноморец» легко и красиво поднимает и укладывает на дно моря стонные глыбы бетона.

Грипп и Математика

Украинские математики решили включиться в борьбу с эпидемиями гриппа. На помощь призваны теория вероятности и математическая статистика. Эти науки позволят заранее представить себе масштаб эпидемии, будет создана и ее математическая модель. Математики смогут заранее сообщать медикам, сколько людей на этот раз будет болеть гриппом, а значит, можно будет вовремя принять необходимые меры.

СРАЖЕНИЕ С ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТОЙ

Земля, скованная вечной мерзлотой... Что происходит в ней, холодной и льдистой? Можно ли точно измерить эти процессы? Ученые Института мерзлотоведения в Якутске успешно занимаются исследованием мерзлых пород. Их решений ждут строители. Здесь, на этой площадке, уже побывали ученые, и теперь по их совету строители оттаивают мерз-

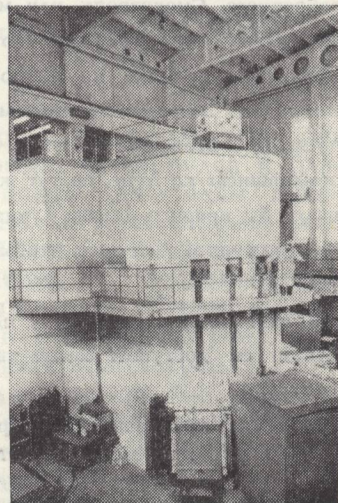
лый грунт паровыми иглами. Это значит, что вскоре тут будут забиты сваи фундаментов новых зданий.

ЛОВУШКА для "КОСМИЧЕСКИХ ПРИШЕЛЬЦЕВ"

Крупнейший в стране центр по исследованию метеоров находится в Таджикистане. Ученые придумали много разных способов для того, чтобы ни одно появление на нашем небе «космических пришельцев» не осталось незамеченным. Часто мы видим, как «падает звезда», и провожаем ее взглядом. А в эти недолгие мгновения одни приборы фотографируют яркий прочерк на небе, другие «ощупывают» его с помощью радиолокатора, третьи определяют яркость метеора. Многие астрономические учреждения у нас в стране и за рубежом получают необходимые сведения у таджикских ученых.

Белорусский ГИГАНТ

Так выглядит атомный реактор, который построен в белорусском научном институте. С его помощью ученые исследуют мощные процессы теплообмена. Познакомиться с гигантской установкой приезжают в Белоруссию ученые из разных стран.

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Солнечная печь

Ее можно увидеть в пригороде Ашхабада, там, где расположена лаборатория гелиоустановок Академии наук Туркменской ССР. Эта печька, похожая на телескоп, умеет собирать и концентрировать солнечное тепло. Рядом с ней еще более удивительные установки, например, солнечный холодильник. Здесь солнечное тепло преобразуется в холод. Ученые используют солнечную энергию и на другие цели, в частности для опреснения воды.

Выносливый дом

Иначе и не назовешь это здание, такое красивое и легкое на вид. Недавно оно с честью вышло из нелегкого ис-

пытания, проведенного сотрудниками лаборатории прочности. Дом из крупных панелей построили в микрорайоне Душанбе. Туда же привезли недавно созданную в этой лаборатории вибрационную машину. И новое здание выдержало «землетрясение» в восемь баллов, созданное этой машиной. Сотрудники Института по проектированию жилища довольны: и дом и машина показали себя хорошо. Теперь в городах, подверженных подземным толчкам, будут стоять новые красивые и выносливые здания.

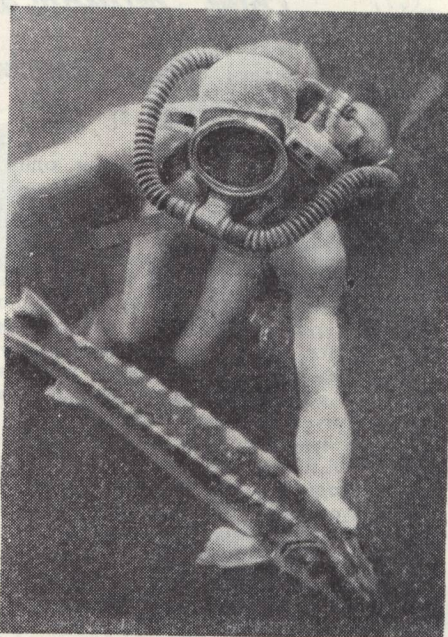
Пустыни отступают

Человек издавна мечтал побороть пустыню, отнимавшую у него землю. В наши дни этим занимаются научные институты. Недавно в Академии наук Туркменистана создан новый институт. Он так и называется Институт пустынь. Ученые ведут огромные работы по освоению безводных пространств. До недавнего времени пустыни занимали около десяти процентов территории нашей страны. Теперь их с каждым годом становится меньше.

Операция за долю секунды

Сейчас никого не удивит сообщением о том, что глазные болезни лечат лучами лазера. Врачи получили теперь возможность отделять опухоль от здоровых тканей и разрушать ее — и все это с помощью «выстрелов» света. А знаете, где впервые это было сделано? На Украине, в Одесском институте глазных болезней и тканевой терапии имени академика В. П. Филатова. Человек, которому делают такую операцию, даже не чувствует никакой боли: ведь вспышка света длится всего тысячную долю секунды.

Саквалангом в аквариум

В Грузинском институте рыбного хозяйства и океанографии огромные аквариумы с ценнейшими и редкими сортами рыб. В этом аквариуме — атлантические осетры. Чтобы вести наблюдения над ними, лаборантам приходится надевать акваланги.

Заядлый курильщик

Как видите, ученым приходится изобретать специальные приспособления, чтобы заставить животных вдыхать табачный дым. Эту обезьянку, ставшую невольным курильщиком, можно увидеть в Тбилиси, в Институте онкологии. Эксперименты на животных помогают узнать, как и почему у многих курильщиков возникают злокачественные опухоли.

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

«Неизвестные открывают свои тайны»

Решение задачи «ОДНИМ РОСЧЕРКОМ ПЕРА»

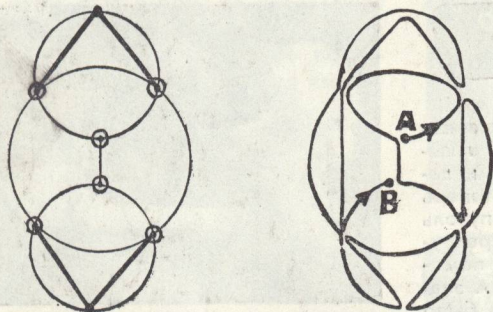
(№ 8)

На правом рисунке показан один из способов вычерчивания фигуры, не отрывая карандаша от бумаги.

Чтобы убедиться в этом, представим себе, что фигура, которую надо вычертить, изображает план некоторого города. Дуги — это улицы, а точки, в которых сходятся несколько дуг, — площади. Задача «Одним росчерком пера» равносильна требованию обойти все улицы города, проходя по каждой один раз. Пусть мы вышли из пункта А некоторого города, обошли все его улицы по одному разу и закончили свой путь в том же пункте А или в каком-нибудь другом пункте Б. На любую площадь города, отличную от А и от Б, мы выходили столько же раз, сколько и уходили с нее, поэтому в каждой из таких площадей сходятся четное число улиц. Это значит, что если в городе более двух площадей, к которым сходятся нечетное число улиц, то такой город нельзя обойти, проходя по каждой улице один раз.

В городе, план которого показан на левом рисунке, имеется 6 таких площадей (на рисунке они обозначены маленькими кружочками), значит, этот город указанным способом обойти нельзя, а эту фигуру нельзя начертить одним росчерком пера.

Подробнее это доказательство изложено в книге Д. О. Шклярского, Н. Н. Ченцова и И. М. Яглома «Избранные задачи и теоремы планиметрии», откуда и была взята эта задача.

Содержание

В великие дни	1
Баллада о Советском Союзе. Дочь. Баллада о примерзших руках.— Стихи В. Урина. Рисунки Е. Медведева	2
Вперед! — Смольный.— Е. Драбкина. Окончание. Рисунки Е. Медведева	4
С тобой говорят фотографии.— М. Прилежаева	10
На вахте ударных пионерских дел	11
Сказ о Кычане.— Р. Коновальчук. Рисунки Ю. Владимирова и Ф. Терлецкого	12
Зажги огонек.— Рассказ Л. Успенского. Рисунки Н. Степанова	16
Страна Советов — дела Советов	
За бегущими колесами.— В. Моев. Рисунки В. Кыштымова	20
Земля тайн — земля открытий. А. П. Капица. Фото В. Кошевого	25
Космос в подарок.— А. Леонов. Фото В. Кузьмина	30
Родные. Пустыня и мы.— Стихи Р. Рождественского	32
Много хороших и разных.— Г. Болашенко	33
Наследство Паши Седова.— Рассказ Ю. Яковлева. Рисунки Ю. Черепанова	38
О тех, кто поет под пытками.— Б. Слуцкий	42
Баллада о Ленине.— Стихи Л. Хьюза. Перевод В. Васильева. Письмо к миру.— Стихи М. Ана. Перевод А. Гелескула. Баллада о том, как поют под пыткой.— Стихи Л. Арагона. Перевод П. Антокольского. Яванка.— Стихи К. Библа. Перевод В. Слуцкого. Что получила жена солдата? — Стихи Б. Врехта. Перевод Е. Эткинды	43
Поклон Октябрьской революции.— Стихи Вл. Броневского. Перевод Р. Казановой. Восемь лет.— Стихи Фам Хо. Перевод Н. Злотникова. Рисунки В. Неклюдова	47
У нас в Москве.— Лев Кассиль	47
Он все принес и подножию свободы! — Стихи Вл. Савельева	52
Как в 1917 году.— Фото С. Зеньковича	53
Чистые камушки.— Повесть А. Лиханова. Продолжение. Рисунки Е. Шукаева	54
Для тех, кого еще не знаю.— Стихи Э. Мошковской	61
Главный калибр революции.— И. Акимов. Рисунки В. Неклюдова	62
Выставка находок красных следопытов	65
Последний командир «Дискавери».— Научно-фантастический рассказ В. Слугина и Е. Карташева. Рисунки Е. Медведева	69
Отовсюду и обо всем	78
Неизвестные открывают свои тайны	80

На вклейках:

Космос в подарок. Цветные фото В. Кузьмина.
Земля тайн — земля открытий. Карта-схема Н. Доброхотовой.
Много хороших и разных. Иллюстрации к детским книгам.

На первой странице обложки:

Орлята. Рисунок В. Тарасова.

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15.

Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д-3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

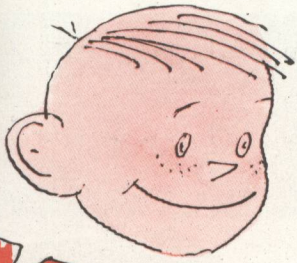
А 00234.
10,11 учетно-изд. л.

Подписано к печати 10/X 1967 г.
Тираж 792 300 экз.

Форм. бум. 84×108^{1/16}.
Изд. № 1948.

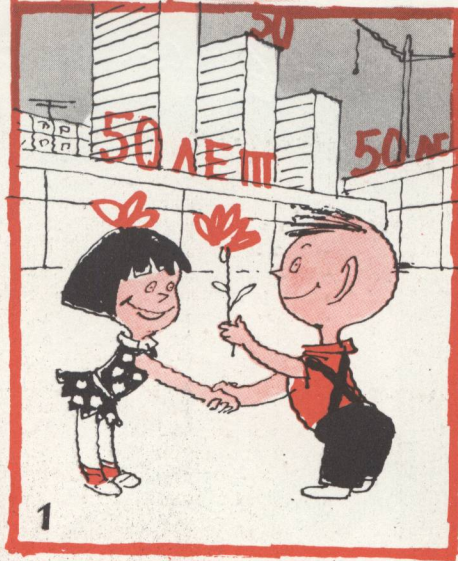
Объем 8,82 усл. п. л.
Заказ № 2717.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КИРЮША

ГОТОВИТСЯ К ПРАЗДНИКУ.

1.— Леночка, тебя с пятидесятилетием!

— Спасибо, Кирюша, и тебя так же!

2. Перелетные птички.

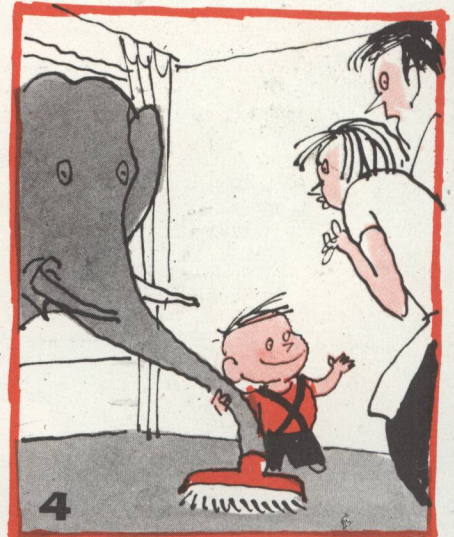
3. МАМА (в ужасе). Кирюша!
КИРЮША (спокойно). Теперь тебе меньше посуды мыть...

4. МАМА И ПАПА (хором). Что это! Кто это!

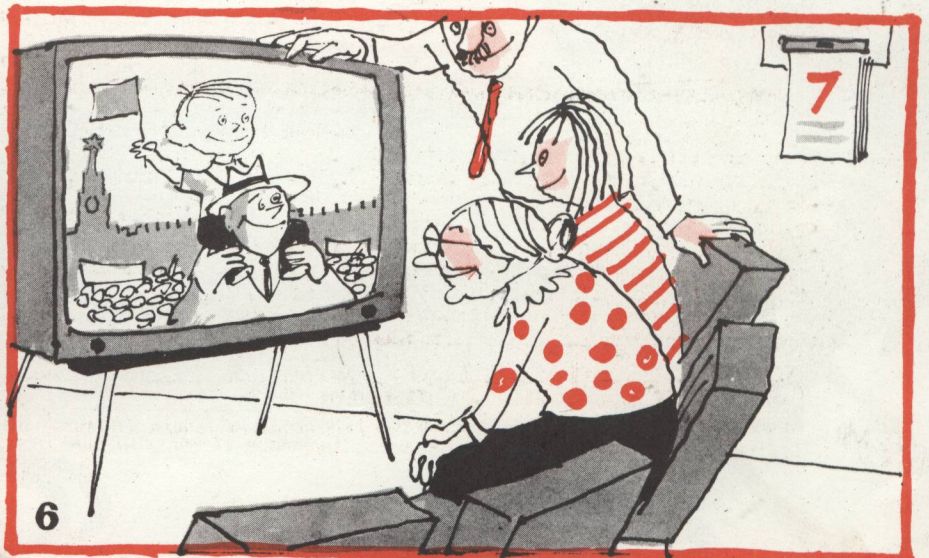
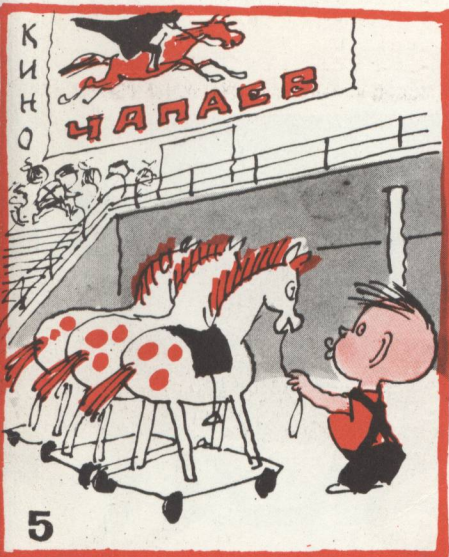
КИРЮША. Слоносос-67, гарантия на двести лет.

5. «Кони сытые бьют копытами...»

6. Вот и вся семья в сборе.

РИСУНКИ
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Вот та легендарная тачанка — «все четыре колеса». А вот «белый генерал», видно, что-то ему невесело. А это юный трубач красной конницы — все это картинки — кадрики из нового рисованного фильма, который как раз сейчас делается на киностудии «Союзмультфильм».

Новый фильм уже имеет название — «Орленок». Рассказывает в нем о мальчишках из двух разных времен: о юном герое гражданской войны и о нынешнем пионере, вашем сверстнике.

Режиссер В. Я. Бордзиловский, художник Владимир Тарасов и все художники-мультипликаторы, артисты, операторы, музыканты — словом, все, занятые в фильме, посвящают его юбилею Октября.

